

MORE
ФАНТАСТИКИ

Мальcolm Джеймисон БУЛЛАРД, БАЙКИ КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ

Мальcolm Джеймисон
БУЛЛАРД,
БАЙКИ КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ

«Издатель В.В. Мамонов»

MORE
ФАНТАСТИКИ

MORE
ФАНТАСТИКИ

MORE
ФАНТАСТИКИ

Мальcolm Джеймисон

**БУЛЛАРД,
БАЙКИ КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ**

Издатель В.В. Мамонов

2015

Malcolm JAMESON

**Bullard: Tales of the Patrol
Copyright © 1939-45 by Malcolm Jameson**

Перевод с английского – Ю.В. Чижов
рассказ «Ловушка для свиней» – В.А. Измайлов

Джеймисон М.

Буллард, байки космического патруля / Малькольм Джеймисон; [пер. с англ.] — ИП В.В. Мамонов, 2015. — 332 с. с илл.

ISBN 978-5-00096-021-9

Сборник рассказов о приключениях офицера космического патруля Джона Булларда, прошедшего путь от лейтенанта крейсера «Поллукс» до главного адмирала флота.

Малькольм Джеймисон опирался на собственный опыт службы в военно-морских силах, что придало его персонажам достоверность, а сюжетам – убедительность и, по выражению Питера Шайлера Миллера, «теплую атмосферу реальности».

Впервые на русском языке!

© Malcolm Jameson, 1939-45
© Ю.В. Чижов, перевод на русский язык, 2015
© М.Г. Курхули, иллюстрации, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ИП В.В. Мамонов

АДМИРАЛЬСКАЯ ИНСПЕКЦИЯ

— Как вы смотрите на то, чтобы перед обедом сыграть партию в метеорбол?

— Вы меня знаете, — усмехнулся Кингман, командир минно-торпедной боевой части.

— Отлично, — сказал Фрэзер, собирая карты после партии пасьянса. Фрэзер был загружающим вспомогательного и парортутного котлов.

— А вы как, Буллард?

Лейтенант Буллард начал службу на «Поллуксе» самым последним. К общему столу он стал приходить недавно, и другие еще не успели как следует его изучить.

— Почему бы и нет? Конечно, — сказал Буллард. Он сунул закладку в книгу «Наставление по управлению кораблем класса “крейсер”» и аккуратно отложил том в сторону. — Не знаю только... — он запнулся, покосившись на старпома, который сидел на плетеном стуле в углу кают-компании.

— На «Поллуксе», Буллард, — произнес его начальник, коммандер Бекли, — субординация важна, как ничто другое. Но если вы склонны соблюдать ее сверх положенного,

я вас на этот счет успокою. Вы назначаетесь играющим.
Официально.

Буллард слегка покраснел: неужели в нем можно было заподозрить «небесного юриста» — носителя порока, от которого с незапамятных времен страдают все корабли? Но коммандер Бекли весело улыбался. Он этого не подразумевал. Просто у него был свой способ приобщения новичков к корабельным обычаям. Это правда, что офицеру не полагалось оставлять корабль на полному ходу, но все же Бекли не видел смысла в том, чтобы ради соблюдения этого правила отказываться от повседневного развлечения. «Поллукс» лениво качался на далекой орбите системы Юпитера, в его холодной и темной электронной сфере, которую он патрулировал с целью обычного регулирования движения. Запрещать людям выходить на поверхность было так же бессмысленно, как не давать купаться матросам корабля, стоящего на якоре.

— Думаю, что некоторые упражнения пойдут на пользу и мне, — вяло, сквозь зевок, протянул главный инженер Чиннери. — Посчитайте меня тоже.

Главный вахтенный офицер Мур, предложивший игру, слегка нахмурился. Это нарушило баланс — участие пятого делало команду неравной, а там не было никого свободного. Он было обратился к коммандеру с вопросом, но Бекли склонился к внутреннему телефону и набрал центральный пульт управления:

— ЦПУ? Дайте дежурного офицера. Карлсон? Начинается небольшая игра в метеорбол. Нужен шестой член команды. Им будете вы. Поднимитесь в своем костюме и до-

ложите о себе мистеру Муру возле выхода на шлюпочную палубу. Я буду заменять вас все это время.

Трубка легла на аппарат. Командер исподлобья взглянул на главного вахтенного офицера:

— Мур, вы хотите что-то спросить?

— О, нет, сэр. То есть, спасибо, сэр.

— Полчаса, — улыбнулся командер. Он поднялся, чтобы отправиться в ЦПУ и заменить Карлсона.

В груди Булларда разгорался восторг. Что за корабль! Неудивительно, что его экипаж считался лучшим в небесном флоте. Чистый, исправный и при этом дружный. Буллард видел, что офицеры и команда были одной большой семьей. Дисциплина была высочайшей, но незаметной. Можно даже было назвать ее добровольной. За несколько дней, уже проведенных на борту этого корабля, Буллард успел почувствовать разницу между духом этого шикарного передового крейсера и климатом на устаревшем резервном минном заградителе, который Буллард только что покинул. Однако, чтобы понять причину этой разницы, понадобилось пережить неприятный инцидент. Разница заключалась в личностях начальников двух этих кораблей.

Теперь Буллард не жалел, что покинул старую «Азию», хотя там он был главным инженером, а здесь — всего лишь младшим офицером. Когда он вспоминал ее назойливого, суетливого капитана и бесконечные ссоры в каютах, он был рад, что больше там не служит. И капитан «Поллукса» Майк Донган, необщительный и сдержанный, но опытный офицер, неизменно любезный в общении, и его старший помощник, который содержал корабль в строжайшем

порядке, несмотря на свое радушие и обходительность, и офицеры корабля, с виду довольно легкомысленные — все они, тем не менее, были ответственными служаками, а весь экипаж представлял собой образцовый, горячо преданный своему делу коллектив.

Всё это вместе создавало важнейшую неотъемлемую часть «хорошего» корабля — корпоративный дух — то, ради чего человек служит, сражается и готов умереть. Буллард радостно прибавил шаг, чтобы надеть легкий скафандр для игры.

Он прошел к шлюпочной палубе и, когда вышел из воздушного шлюза к широкому стабилизатору, был впечатлен размером огромного судна. Его корпус был наклонен вверх и в сторону от него, серый в тусклом свете скучного солнца. Буллард впервые увидел череду ниш, встроенных в борт судна, — в них покоялись шлюпки. Как было известно Булларду, эти шлюпки использовали для обследования астероидов либо слишком неровных поверхностей планет, чтобы на них мог опуститься корабль, для краткосрочных вылазок или для эвакуации экспедиций. Крейсеры звездного класса, предназначенные для межпланетной службы, были оснащены вертикальными и горизонтальными стабилизаторами для устойчивости корабля во время прохождения через атмосферу. Горизонтальные стабилизаторы были идеальными частями палубы для посадки шлюпок.

Буллард увидел, что другие игроки уже собрались на самом краю стабилизатора. Позади них двое миниатюрных буфетчиков с «Ганимеда» пытались справиться с призе-

мистой спортивной гаубицей. Когда Буллард пробрался к ним, они выпустили первую из двух низкоскоростных люцифериновых бомб. Спустя мгновение два снаряда расцвели бледно-зелеными звездами на расстоянии нескольких миль друг от друга и в нескольких милях впереди — это были цели для игры. Когда Буллард присоединился к Фрезеру и Кингману, заняв позицию справа от них, буфетчики загружали в гаубицу покрытое мезоторием ядро. Игра была готова начаться.

По сигналу Мура один из ганимедцев дернул шнур, и светящийся шар полетел в космос прямо между целями. В то же время шесть игроков взлетели и помчались следом, оставляя позади себя тонкие огненные нити. Десятью секундами позже небо в порту и выше превратилось в лабиринт из полос переплетающегося пламени — игроки зигзагами бросались во все стороны, пытаясь удержать контроль над мячом достаточно долго, чтобы продвинуть его к той или другой медленно удаляющейся цели.

Командер Бекли с огромным интересом следил за огненными вспышками в небе. «Метеорбол, — думал он, сидя в ЦПУ и глядя на экран, — это идеальная игра для скайменов. Она хороша для мускулов: хотя игрок находится в невесомости, он вынужден непрерывно изворачиваться, чтобы управлять гибким непослушным ракетным соплом и еще держать одну руку свободной, чтобы парировать выпады противников или отбивать мяч». Но полезнее всего было чувство трехмерной ориентации, которое развивала игра. Это чувство действия и реакции во времени становилось почти инстинктивным, вырабатывая у игрока ка-

чество, крайне необходимое при управлении кораблем, — неопределенное чувство, известное как чувство корабля. Человек, обладающий им, сможет при случае управлять судном с завязанными глазами или без приборов.

Бекли снова увидел тонкий луч, пронзивший цели — зеленые люцифериновые огни. Далеко за ними вспыхивали и другие огни. Это означало, что одна из команд забила второй гол — хорошая работа за столь короткий срок. Хорошая, тем более что, хотя экипаж «Поллукса» имел много замечательных игроков, настоящих мастеров у них все же не было. Бекли верно предположил, что голы забил Буллард — силы двух офицерских команд явно были неравны.

Он усмехнулся, вдруг поняв, что теперь ребята с «Поллукса» вырвут еще один трофей у «касторских», своих традиционных соперников с «Кастора» — крейсера того же типа, что и «Поллукс». Бекли потянулся к телерадиопередатчику, чтобы немедленно связаться с Уорлоком и вызвать его команду на очередную игру в момент следующей встречи двух кораблей. Однако, отвернувшись от экрана, он заметил, что люди в диспетчерской вдруг замерли. Вшел капитан Майк Донган.

Бекли удивился выражению его лица — насколько ему было известно, все было спокойно. Сначала капитан ничего не сказал. Он просто обвел диспетчерскую задумчивым взглядом. Увидев коммандера на дежурстве и ни одного офицера на палубе, он взглянул на экран.

— Подайте сигнал к возвращению, — сказал Донган. — Затем прочтите это.

Подчиняясь кивку коммандера, человек у приборной доски повернул ключ. Плачущий зуммер, который прозвучит в шлемах офицеров за бортом, сообщил, что они должны срочно вернуться на корабль. Коммандер Бекли взял из рук капитана записку и взглянул на нее. Он заметил, что капитан Майк продолжал смотреть на него спокойно, никак не намекая на собственные чувства.

— Да, я прочитал, — сказал Бекли. — Это что, шутка?

— Шутка! — усмехнулся капитан. — Кажется, вы еще не слышали о результатах инспекции на «Канопусе». Вы в курсе, что Джо Дилл отстранен от командования и застрял на Uranе как комендант этого захудалого форпоста? Что каждого из его офицеров ожидает военный трибунал по самым разным обвинениям, от простой неэффективности до преступной небрежности? Что этот «Канопус», по сути, развалина, был направлен на марсианскую станцию для осмотра и капитального ремонта? В этом нет ничего смешного. Похоже, что теперь настала наша очередь.

Коммандер Бекли снова уставился на безобидное с виду сообщение. Оно по-прежнему казалось розыгрышем какого-то члена адмиральской свиты. Текст записи гласил:

«От командира патруля Юпитера командиру «Поллукса».

Вам следует подготовиться к инспекции всеобщей готовности 1400 SST 14 мая 3940 земного года. Весь персонал «Кастора» будет проводить проверку в соответствии с архивной копией Военно-морских сил США-1946-FT-53.

Аберкромби».

— Если я еще не сошел с ума, мне этого не понять, — медленно сказал Бекли. — Это означает, что нас будет инспектировать экипаж «Кастора».

— Именно так, — сверкнул глазами капитан.

— И, если это не шутка, там говорится, что они будут это делать в соответствии с каким-то доисторическим обычаем. Духи Ганнона и Нельсона! Что из сделанного ими на их триремах может подойти для нас?

— Принципы ведения войны очень слабо изменились на протяжении тысячелетий, — сухо произнес капитан Майк. — И более того, ваша история несколько запутана, Бекли. Американцам предшествовали еще и финикийцы. Те, что жили позднее, были все же более развитыми. Ведь им приписывают изобретение первого космического корабля. В любом случае, наша адмиральская комиссия, которая раскапывала вашингтонские архивы пятого под уровня, решила, что некоторые из их практик были достаточно хороши, чтобы их восстановили. Вот так.

— То есть, насколько я понимаю, нас будут проверять по системам каких-нибудь Джона Поля Джонса, Симса, Лихи или других давно умерших морских волков?

Бекли был рад, что не забыл имена нескольких древних землян. Это тактично опровергало намек капитана на невежество Бекли в области истории.

— Так точно.

— Хорошо, — сказал коммандер. — В таком случае я распоряжусь о подготовке. Фактически мы уже готовы. Вы знаете, что проверки никогда не доставляли нам особого беспокойства.

— Раньше нас никогда по-настоящему не проверяли, — мрачно ответил капитан. — Зайдите в мою каюту, я дам вам копию сообщения.

В другое время коммандер встретил бы возвращающихся игроков какой-нибудь веселой шуткой. Но на этот раз при виде веселых, разрумянившихся от игры и душа молодых людей Бекли не проронил ни слова. Он был погружен в чтение древнего документа, извлеченного из подземных хранилищ вашингтонского Старого города. Чем глубже Бекли вникал в этот текст, тем слабее становилась его уверенность в боеготовности корабля. Поначалу он еще испытывал некоторые трудности с устаревшей терминологией, но когда он понял смысл текста, перед ним возникли очертания огромной проблемы.

В конце концов Бекли сел и продолжил читать сидя. Его потрясла изобретательность людей, которых он считал примитивными только потому, что они жили очень давно. Неудивительно, что их корабли так хорошо служили им во время великой Терминалной Войны двадцатого столетия. Чудеса выносливости, которые они демонстрировали, объяснялись их готовностью к любому повороту событий — будь то повреждение судна или природная катастрофа. Экипажи их кораблей продолжали сражаться до тех пор, пока корабли оставались на плаву. И теперь Бекли понял, почему. *Они знали свое ремесло.* Система, в которой они действовали, их к этому принуждала. Поэтому адмиралтейство и решило недавно взять эту систему на вооружение.

Во время ужина Бекли сидел тихо и, казалось, был угрюмым. Он мысленно прикидывал качества моряков — самого себя, Чиннери, Мура, Фрезера, всех остальных. Насколько эти качества соответствуют тем наградам, которые моряки успели получить? Бекли невольно усмехнулся, вспомнив, как они заняли первое место на конкурсе ускорения. Бекли и Чиннери знали, что автоматические выключатели были отключены, а каждый предохранитель на корабле был продублирован толстой медной проволокой. И Бекли, и корабельный врач знали, как сильно ребят накачивали гравонолом. Подготовка к этому подвигу, вернее, специальных средств для его совершения, заняла четыре дня. Бессовестные уловки! Победа была дутой — теперь, в свете прочитанного, Бекли честно это осознавал.

После ужина, за сигарой, он попытался донести до своих подчиненных кое-что из того, что узнал сегодня, и что их ожидало. Сделать это оказалось не так-то просто. «Поллукс» долгое время считался образцовым кораблем, и такого мнения придерживалось большинство членов экипажа. Все считали, что корабль может выполнить любую задачу, которая по силам другим кораблям, причем сделает это быстрее и лучше, чем любой другой.

— Ну и что? — спросил Чиннери, узнав, что в ходе проверки Пит Розуэлл с «Кастора» постоянно будет рядом с ним, отмечая все, что он делает, и давая его действиям оценки, что каждый моряк будет иметь соответствующего напарника с соседнего крейсера. — Да пусть приходят. Пусть смотрят. Может, что-нибудь узнают. Кого волнует, что они увидят? Мое потребление урана при движении с

ускорением является самым низким во всем звездном флоте. У нас уже больше года не было поломок вспомогательных средств, и это рекорд для любой команды.

— Все так — многозначительно посмотрел на него Бекли. — Вы *слишком* хороши. Это делает вас дерзким, вы многое принимаете, как должное. А что бы вы сделали, если бы у вас, например, случился пробой? Если бы отключились ваши резервные генераторы?

— Но они в порядке. Они работают. Оба.

— А если бы они вышли из строя?

— Ну, на борту имеется достаточно селена, только...

— Совершенно верно. Однако до Юпитера не доходит достаточно солнечной энергии, и вы не проверяли генераторы с того момента, когда мы покинули станцию на Венере. Но предположим, вы сможете получить немного горючего, а затем они выйдут из строя. Что *тогда*?

— Аккумуляторные батареи, конечно.

— Аккумуляторные батареи — это хорошо, — резко сказал коммандер. — В прошлом ежеквартальном отчете, если мне не изменяет память, они были указаны, как 404D. Это ваша космическая кладовая. Как много усилителей, на ваш взгляд, вы смогли бы извлечь оттуда?

Чиннери погрузился в сосредоточенное молчание. Он никогда не видел коммандера в таком настроении. Бекли обратился к Фрезеру и резко спросил:

— Что нам делать, если выйдут из строя межсудовые телефоны?

— Перейти на телескрайб.

— А после этого?

— Остаются сигнализатор и телеграфная система.

— А что потом?

Фрезер выглядел озадаченным.

— Если мы потеряем напряжение на сигнализаторе, он может работать вручную. — Фрезер пожал плечами. — В конце концов, если вы настаиваете, всегда имеются курьеры.

— А почему бы не просто переговорные трубы? — спросил Бекли, приподняв бровь.

— Переговорные трубы? — отозвались сразу несколько офицеров. Остальные засмеялись. Системы управления становились все более примитивными.

— Именно так. Известно вам или нет, но «Поллукс» снабжен полной системой изолированных переговорных труб. Кажется, вам это все же не известно. Вы, верно, закрасили их либо нафаршировали старыми носками и любовными письмами. Теперь все убирайтесь отсюда и осмотрите свои участки корабля. Возвращайтесь в полночь. Я расскажу вам об этой инспекции еще кое-что и сообщу, как к ней надо подготовиться.

Группа офицеров вернулась в кают-компанию к двенадцати часам. Проверив те части корабля, за которые они отвечали, офицеры узнали мало нового. Они догадывались, куда клонит коммандер, и почти все думали, что уже знают ответ. На военном корабле всегда есть много разных способов сделать одну и ту же вещь, потому что в ходе событий приходится пользоваться тем, что оказывается под рукой, а время на переделки остается не всегда. Большинство из

них прекрасно разбирались в своем деле и своем оборудовании. Исключением был новичок Буллард. Среди офицеров он один еще сомневался в своей готовности выполнить любое задание, которое может быть на него возложено.

Перебрасываясь шуточками, все еще несколько озадаченные офицеры расселись в кают-компании. Командер Бекли вошел и бросил на стол копию документа, которую он сам недавно получил. Мур пересек каюту, взял бумагу и прочитал заголовок. Это был «Доклад главного арбитра инспекции боевой эффективности военных кораблей США, Аляска, Спринг, 1946».

— Я ужё говорил, что нас будет проверять «Кастор», — начал Бекли. — Но я еще не сказал вам, что затем мы будем проверять их.

— Не может быть! — крикнул Фрезер. — Мне всегда было интересно, как они зашпаклевывают свой главный конденсатор. Ведь это просто чудо, что он до сих пор не развалился.

По лицу Чиннери прошла самодовольная ухмылка. Пит Розуэлл, инженер «Кастора», в его глазах всегда был напыщенным ничтожеством.

Мур тоже улыбался, как кот при виде канарейки. Фредди Мак-Каски — штурман и старший смотритель «Кастора» тоже был его конкурентом — они соперничали из-за руки одной молодой леди, проживающей в Урсалополисе. Его блестящие взлеты и посадки в небесном порту давно раздражали Мура. Мур знал, хотя и сам адмирал был в курсе этого, что мастерство Мак-Каски объяснялось некоторыми посторонними устройствами, прикрепленными к обратной

стороне аэронавигационной карты «Кастора». А посторонними и непредусмотренными эти устройства были потому, что на надежность карты нельзя было рассчитывать в боевых действиях. Теперь Мур аж чесался от желания официально разоблачить Мак-Каски и тем самым положить конец его хваленому превосходству в качестве корабельного оператора.

Судя по дружному расцвету улыбок в каютах-компании, здесь многие надеялись лишить покоя своих друзей-конкурентов.

Бекли медленно осмотрел офицеров, не пропустив ни одного из них.

— Эх, — вздохнул он, — догадываюсь, о чем вы сейчас думаете. О том же, о чем думают на «Касторе». Только не забывайте, что они проверяют нас первыми.

Не поймите меня превратно. Жестокой конкуренции между нами не будет. Между дружеским соперничеством, вроде того, которое роднит нас с «Кастором», и открытой враждой разница очень небольшая. Люди с «Кастора» будут проверять нас не с точки зрения правосудия. Они будут просто наблюдать и записывать полученные данные. Решение выносит адмирал. Но могу поручиться головой, что они ничего не упустят. Они живут и служат на таком же корабле, как и наш, на его близнецце. Их жизнь подчинена такой же рутине. Они знают наши слабые места. Как и мы, они пытаются их скрыть. А поскольку у них те же недостатки, что и у нас, они, смею предположить, используют те же трюки, что и мы. Мы могли бы обмануть старика-адмирала, но только не команду «Кастора».

Как я уже говорил, они будут здесь в составе всего экипажа, начиная с капитана Эллина, и заканчивая помощником кока. Каждый из них будет иметь при себе секундомер и блокнот. И все мы окажемся под наблюдением. Осматривать будут каждый пост — позицию за позицией, весь корабль.

Если оставить за скобками предварительные переговоры и прочие реверансы, которые никого из нас не беспокоят, то первой проверкой станут аварийные учения. Они могут быть самыми разными. Согласно американской доктрине, настоящая проверка организации экстренного действия — это чрезвычайная ситуация. А одна из особенностей чрезвычайных ситуаций — это их возникновение в самый неожиданный момент. Кроме того, наши наблюдатели в то же время будут нами управлять. Это означает, что мы не сможем самостоятельно выбрать лучших и наиболее опытных коллег, чтобы сдать им этот экзамен.

Как все это будет работать? Адмирал возьмет список членов экипажа, будет читать его сверху вниз и выберет кого-нибудь наугад. Это может быть даже Буллард...

Буллард вздрогнул. Ему не нравилось это «даже», хотя на корабле он служил всего три дня.

— Адмирал прикажет: пришлите сюда лейтенанта Булларда. И Буллард сменит дежурного по кораблю. После этого мы можем передвигаться целый час, не зная, что происходит. И вдруг арбитр объявит: «Пожар в нижнем оружейном складе». Или «Проникающее столкновение». Какую бы чрезвычайную ситуацию арбитры ни выбрали, каждый человек с «Кастором» включит свой секундомер, приготовит

карандаш и будет следить за тем, к кому его приставили. Это будет проверка не только для Булларда, но и для всего экипажа. Что касается Булларда, на нем будет лежать вся ответственность за командование кораблем, и ни капитан Донган, ни я не сможем давать ему советы. И каждый из вас сможет только исполнять его приказы. Что бы он ни делал, — правильные вещи, или ошибочные, или вообще ничего, — все его действия, а также особенности его поведения будут записываться.

Давайте представим, к примеру, такую команду арбитра: корабль столкнулся с метеоритом, который пробил корпус и перегородки и влетел в каюту с членами экипажа. Крейсер находится в обычном состоянии, то есть экипаж не имеет скафандров. Были наши внутренние герметичные люки закрыты и задраены? Если нет, мы теряем воздух по всему кораблю. Буллард, несомненно, вышлет к месту аварии ремонтную группу. Ремонтная группа «Кастора» пойдет через промежуточный шлюз вместе с нашей группой, попутно все отмечая. Исправен ли шлюз? Какого рода пластиры наложит ремонтная группа и как долго он продержится? Будет ли он исправным или нет? Сколько пройдет времени, прежде чем воздух вернется в отсек? Не отошел ли пластиры? Сколько времени прошло между командами «тревога» и «отбой»?

Вы поняли, что наблюдать за нами будут буквально из-за наших спин. Не стану глубоко вдаваться в другие чрезвычайные ситуации или их варианты. Вы должны помнить, что любой из вас может неожиданно оказаться в чрезвычайной ситуации. Как при этом действовать, вы знаете.

— Думаю, знаем, — сказал Мур, осмотрев собрание.

— Такие проверки сравнительно незначительны, — продолжил коммандер Бекли. — А вот боевые вводные могут доставить нам серьезные неприятности. Они могут причинить нам ущерб.

— Ущерб?

— Да, мнимые аварии, сбой оборудования, несчастные случаи. В бою, вы знаете, такие вещи случаются. Мы взрываемся в шахтах. Нас поражают торпеды и снаряды. Мы перегружаем двигатели, и они сгорают. Замедляется процесс управления. Люди получают ранения и выбывают из игры, но кто-то должен заменить их на боевом посту. Могут сломаться наши орудия. И еще тысячи ситуаций могут выйти из-под контроля. Важный вопрос: что мы будем делать, когда это случится?

Капитан Эллин и его офицеры разработают график таких ситуаций и будут устраивать их нам одну за другой. Причем выглядеть это будет как можно более естественно. Если объявят неисправной первичную систему оповещения, наступит очередь коммутаторов телефонной связи. Если из строя выйдут телефоны, они обесточат Центральный пульт управления. Если скомандуют о газе в некоторых отсеках, то и в самом деле пустят туда некоторое количество газа. Вы должны подготовиться к тому, что эти ситуации пойдут сплошным валом и очень быстро, и вы должны знать свои распределительные щиты и трубные коллекторы от «А» до «Я». Это будет проверкой вашей квалификации и вашего хладнокровия.

— Они могут придумать и что-нибудь совсем из ряда вон выходящее, — протянул Чиннери. Кто-то рассмеялся. —

Полгода назад «Кастор» потерял лопасть в своей основной разгонной турбине. А еще на последних учениях у него было серьезное возгорание распределительного щита. Мало того, недавно при взлете на «Касторе» заклинило реактивный дефлектор, и он больше четверти часа крутился на высоте в восемь миль над Европа-сити, оставляя за собой огромный хвост синего пламени. Им тогда здорово досталось от коммандера патрульной полиции.

— Могут — значит, придумают, — мрачно произнес Бекли.

Кто-то опять рассмеялся, но на этот раз смех вышел довольно нервным. С того момента, как коммандер напомнил о переговорных трубах, уверенность офицеров несколько ослабла. К их удивлению, переговорные трубы действительно были обнаружены, причем именно в том состоянии, которое описал Бекли. Что же еще такого было на корабле, о чем они не знали?

— Я думаю, произойти может все, что угодно, — сказал коммандер Бекли, поднимаясь. — Кроме всего прочего, могут быть и человеческие потери. Из этого — Бекли положил руку на копию архивного документа — следует, что у наших веселых предков считалось признаком хорошего юмора в самом начале учений убить капитана. Как правило, они не укоснительно следовали такой команде арбитра. В этом до-кладе говорится, что в первые же пять минут проверки они убили практически всех своих офицеров, а заодно и многих матросов.

С того момента, когда арбитр объявляет нас мертвыми, мы не можем произнести ни слова, что бы ни случилось. Наш экипаж должен будет со всем спрашиватьсь без нас.

Наверное, это окажется хорошей проверкой, но смотреть на это, я думаю, будет тяжело. Я рекомендую вам в будущем уделять больше внимания учебе и тренировкам. Но прежде всего, каждый из вас должен быть готов немедленно взять на себя командование всем кораблем.

— К этому моменту, — сказал взволнованный Кингман, — корабль будет фактически разрушен. Его изрешетят мнимые пробоины, он останется без света, с поломанным генератором, заклиниенным управлением, потеряет две трети экипажа и...

— Да, всё это вы получите, — усмехнулся Бекли. Он наконец расслабился — впервые после того, как была прервана игра в метеорбол. — Спокойной ночи, парни, и приятных сновидений!

— Не волнуйтесь, мистер Буллард, — сказал на следующее утро во время построения Тобельман, капитан главной орудийной башни. — Нет в этой башне ничего такого, с чем мы не смогли бы справиться.

Однако Буллард беспокоился, поскольку был новичком. Беспокоился он деятельно. Каждый день из трех недель, которые оставались до начала инспекции, он отделялся от других офицеров и в одиночку изучал корабль и его внутренние механизмы. Днем он пробирался через шлюзы и аварийные люки, отслеживая прокладки кабелей и трубопроводов, ночью кропел над электросхемами и макетами. Буллард научился разбирать и собирать свое оружие, готовить орудийную башню к бою, стрелять в темноте. Он изучил запасной термоскоп и каждый день не меньше часа

практиковался в работе на старом курсографе Марк-XII, встроенным в его контрольную кабину, чтобы иметь возможность самостоятельно поддерживать огонь, если его связь с ЦПУ будет оборвана.

Он также проверил свой боезапас и изучил всё, что должен был знать о системах его распыления и о пожарных трубах. Он сам подготовил запасы тротила, нитрата аммония и алюминиевой пудры. Свой аммонал он не смешивал без необходимости, чтобы снизить риск возгорания.

К концу второй недели Буллард почувствовал уверенность в своих силах. На своем маленьком участке он ориентировался уже совершенно свободно. И чем больше он работал с Томлинсоном, тем лучше осознавал, что его поддерживает команда великолепных парней. То, что Буллард не мог сделать сам, могли сделать они. Именно это избавляло его от самых сильных опасений. Как вахтенный офицер, он регулярно принимал на себя командование кораблем, и чем больше Буллард проникал в его глубины, тем больше его впечатляли масштабы задачи, которую он сам поставил перед собой, — узнать о корабле всё.

Каждый кубический ярд его огромного пространства заключал в себе какую-то машину или электрическое устройство, о которых Буллард имел порой самые смутные представления. «Поллукс» был кораблем совсем другого типа, нежели старая «Азия» — реликт Третьей Марсианской Войны, который давно было пора отправить в утиль.

На «Азии» Буллард был главным инженером и, таким образом, знал каждый закоулок в этой старой посудине. Но когда он входил в технические отсеки «Поллукса», его

подавляли количество и сложность невиданного прежде оборудования. Булларду показали кластерное гнездо параболоида метательных отражателей вместе с их циклотронными возбудителями. Ему, как и другим офицерам, продемонстрировали работу труб, которые передавали пылевидный уран-235 в центры распада, и объяснили, как управлять лучами для гашения жидкого водорода. Фрезер провел его через котельные помещения и показал весь цикл получения энергии, начиная со странно спроектированных атомных реакторов и заканчивая конденсаторами на внешней стороне корпуса. В других местах он изучил турбины ртутных паров и чудовищные генераторы, которыми они управляли. Один из отделов этого огромного отсека показался Булларду знакомым. Однако он обнаружил, что этот отдел крепко заперт.

— А, это? — усмехнулся Чиннери, когда Буллард поступал в запечатанную дверь. — Набор старых водородно-кислородных двигателей. Запасные, знаете ли. Кажется, некоторые болваны из адмиралтейства предполагают использовать их, когда мы окажемся в «экстремальной ситуации».

Чиннери коротко засмеялся и хотел идти дальше, но Буллард не тронулся с места. Он хотел увидеть эти двигатели и проверить в них подачу топлива. Наконец-то он нашел хоть что-то из того, что мог понять с первого взгляда.

— Я забыл, что вы прибыли с флота созвездия Рака, — сказал Чиннери, делая притворно извиняющуюся мину, — но раз вам так интересно, вы увидите эти старые добрые моторы. — И Чиннери подозывал ракетчика, стоявшего недалеку.

— Покажите мистеру Булларду скелет в нашем шкафу, — сказал Чиннери. Он ушел, и его безупречная униформа сверкнула немым укором промасленному комбинезону Булларда.

— Я тоже служил на флоте в созвездии Рака, — улыбнулся ракетчик Бентон, открывая дверь. — На таких кораблях не задумываются об этих старых жидкотопливных двигателях, но мы с вами знаем, на что они способны. По крайней мере, вы можете на них положиться. Эти атомные взрыватели хороши, пока они работают, но для меня они слишком уж темпераментные. Вы первый офицер на «Поллуксе», который захотел посмотреть на эти двигатели, на наши «весла», как их называет мистер Чиннери.

Буллард рассмеялся. В Патрульных Силах странным образом сочетались ультрамодернизм и старые обычаи. Это противоречие отражалось в том, что люди старой морской закалки работали на современном оборудовании и при этом его ненавидели, а ученые корабельщики использовали для своих новейших открытий и наработок архаичные морские термины.

На другой день Буллард зашел в большой носовой блиster и увидел механизм, который рассеивал и поглощал космическую пыль и небольшие метеориты. Под пластиной из покрытой ванадием стали находился полый форпик, набитый стальной стружкой. Она была неравномерно распределена там, где другие свободно соединенные пластины разделялись наборами спиральных пружин. В целом амортизационный отсек напоминал огромный пружинный

матрас, закрепленный в носовой части корабля. Массивный метеорит, встречаясь с пластиной на носу корабля, не мог быть отражен, но каждая из внутренних переборок, которую тот пронзal, смягчала удар и все больше замедляла дальнейшее продвижение небесного тела. И только космическая глыба, летящая с относительно высокой скоростью, смогла бы прорваться через последнюю перегородку, отделявшую амортизационный отсек от кают.

За каютами матросов располагалась бронированная преграда, которая защищала сердце космического судна — колossalный тройной гироскоп стабилизатора, который формировал ядро всего яйцевидного корабля. Здесь находился центр тяжести летательного аппарата. Это сооружение, в свою очередь, поддерживала массивная опорная колонна из стали. Она поднималась из арок, которые поддерживали ускоряющие двигатели — те группировались вокруг колонны тяги. За тыльной стороной бронированного корпуса находились центральная диспетчерская, каюта стратегического планирования, склад взрывчатых боеприпасов и химические склады. В других местах на корабле располагались различные второстепенные агрегаты — вентиляторы для циркуляции воздуха, очистители, мусорные преобразователи и множество двигателей для разных целей.

К тому моменту, когда Буллард закончил полное обследование корабля, он был утомлен умственно и физически, но был рад, что сделал это. Он не пропустил ничего, обследуя запасники и машинные отделения, изучая планетарные бомбодержатели, углубленные в посадочных подстав-

ках, и селеновые гелиогенераторы в верхней части корпуса. Там было много деталей, предназначение которых Буллард понял не в полной мере, но главным было то, что он вновь обрел уверенность в себе. Он больше не чувствовал себя на корабле чужим.

Остальные тоже не ленились. Занятия ежедневно проводились во всех отделах, проводились настолько интенсивно, насколько это позволяли человеческие силы. Все мыслимые непредвиденные случайности были предусмотрены и отработаны.

— Если эти ребята с «Кастора» придумают хотя бы половину трюков, которые мы уже отыграли, — заметил Кингман в конце переполненного работой дня, — их инспекция получится замечательной. Но моя совесть, черт возьми, не пострадает, если здесь все же случится что-нибудь непредвиденное. Виной тому будет уже только недостаток моего воображения — больше ничего.

— Конечно, конечно, — пробормотал Чиннери. Представившие испытания сделали его немного обидчивым. Командер приказал ему очистить комнату от старых батарей и переустановить аккумуляторы.

— Говорят, — вмешался один из офицеров, — что Фредди Мак-Каски собирается приказать Муру посадить корабль на вершину того острого хребта возле северного полюса Ио. Причем сделать это ему придется на двух реактивных двигателях, вышедших из эксплуатации. Чтобы проверить мягкость посадки, они собираются положить на штурманскую стойку яйцо. Если при посадке оно упадет и разобьется, Мур получит оценку «ноль».

— Все это сплетни, — отозвался Фрэзер, — никто не знает, что вместо этих домыслов окажется на самом деле. Или чем эти сплетни для нас обернутся. Лично меня беспокоит только судьба нашего «Поллукса». Больше ничего.

И все же разговоры в этом духе продолжались, слухи, догадки, размышления растекались по всем закоулкам мощного крейсера. Даже самый младший член экипажа в последнюю ночь перед началом инспекции беспокойно ворочался в койке, пытаясь представить, какие безумные приказы ему смогут отдать, и что с ними придется делать. Впрочем, все люди на «Поллуксе» сходились в одном мнении: что бы ни произошло, единственной реакцией на команду арбитра будет радостное «Есть, сэр!». Невозмутимая готовность ко всему стала паролем команды. Все ее члены поклялись, что ни при каких обстоятельствах никто не проявит тревогу или удивление.

Этот важный день настал. Чистый, как вымытое небо, блестящий, отполированный почти до бриллиантового сияния, «Поллукс» гордо покоялся на стартовых стапелях в Урсаполис-Ярде. Под визг свистков — то была еще одна дань вековой традиции — проворный маленький адмирал взобрался на борт. За адмиралом последовали его помощники. Первый этап инспекции начался.

Шествие адмирала по безупречным помещениям было быстрым. Хотя некоторые детали интерьера ускользнули от его беглого взгляда, он не сделал никаких замечаний, и ни разу не остановился. Наконец, адмирал закончил свой обход и нарушил молчание.

— Выглядит корабль хорошо, — сказал он загадочно капитану Донгану. Затем адмирал отправился к себе обедать, сообщив попутно, что вернется через два часа для продолжения инспекции.

— Дело верное, — пробормотал один из офицеров. Капитан хмуро взглянул на него. По мнению капитана, пренебрежение адмирала к блестящим результатам малярных работ означало очень многое. Становилось ясно, что интерес старика сосредоточен на чём-то другом, и дальше могли последовать только практические задания. Не то, чтобы капитан особенно сомневался в их исходе, — он просто несколько насторожился. В конце концов, как он сам сказал Бекли, их никогда по-настоящему не проверяли.

Как только ушел адмирал, экипаж «Кастора» высыпал на берег. Первыми появились «срочники». Столпившись на причале, они размахивали блокнотами:

— Эй, «Поллюция»! Ну, сейчас вы узнаете!

Экипаж «Поллукса» пустил соперников к себе борт и провел их к тайникам корабля, надеясь, что пока арбитры находятся в приподнятом настроении, у них удастся заранее выпытать некоторые из секретов. Чуть погодя пришел капитан Эллин со своими офицерами. В назначенный час явился и адмирал.

— Так! — произнес адмирал своим пронзительным высоким голосом. — «Поллукс» пройдет мимо Юпитера к его маленькому спутнику, который сейчас стоит в оппозиции к планете. Корабль должен будет приземлиться на этом спутнике, а затем вернуться на базу. Выполняя это задание, он не будет ни поддерживать связь с базой, ни получать по-

моць извне. По ходу учений будут объявляться потери. Вы должны понимать, что в искусственных авариях вам придется вести себя совершенно так же, как если бы они были настоящими. Если корабль в какой-либо форме нарушит эти условия, оценка инспекции будет равняться нулю.

Капитан Донган легким кивком дал понять, что принял к сведению эти инструкции.

— Позвольте также добавить, — продолжал адмирал, — что если вдруг произойдет какой-нибудь реальный несчастный случай или реальная авария, это должно рассматриваться как часть задания. Господа, вы готовы?

Дурашливый весельчак Карлсон объявил взлет, и, несмотря на очевидную застенчивость, выполнил этот маневр хорошо. Корабль гладко и красиво поднялся, и, описав орлиную дугу, направился к огромному розовому диску Юпитера. Услышав, как главный арбитр обронил «неплохо сделано», Карлсон вытер со лба пот и с облегчением удалился. Следующая команда была адресована Кингману:

— Пожар в малярке!

С такой вводной Кингману уже приходилось иметь дело не раз. «Пожар» был одной из наиболее частых проверок. Расчет бросился к своим местам и выполнил все, что требовалось, должным образом. Действия матросов были безупречными, их оборудование оказалось в идеальном состоянии, даже самый придирчивый критик не нашел ничего, к чему смог бы придраться. И в самом деле: «Пожар в малярке!». Подумаешь! Если такими окажутся все команды, инспекция превратится в пикник.

— Ты только подумай, сколько сил мы потратили зря на подготовку, — злобно прошептал Чиннери в ухо Фрезера.

На долю Фрезера выпало «Оставление корабля». Экипаж вздрогнул в полном составе, когда телеголосовые ретрансляторы по всему кораблю отдали приказ «К шлюпкам!» Шлюпка № 3 по правому борту всегда была норовистой тварью. Пять раз из шести ее двигатель не заводился, если его предварительно не прогревали паяльной лампой. Поведение этой шлюпки так и осталось загадкой, потому что все проблемные части двигателя регулярно меняли, и все же шлюпка была непредсказуема. Но сегодня она снялась с места от первого же нажатия стартовой кнопки — совсем как испуганный голубь от прикосновения руки. Это было огромной удачей: использовать горелку на глацах арбитров с их блокнотами не было ни единой возможности.

Люди с «Кастора» рыскали среди вернувшихся шлюпок, но их попытки обнаружить ошибки были тщетными. Шлюпки были безупречны — вплоть до аптечек первой помощи, не говоря уже об энергетических установках и системах управления. Фрезер получил высшую оценку и был освобожден.

Пришел черед Булларда. Наступило долгое затишье. Корабль успел добраться до орбиты Ганимеда, прежде чем арбитры отдали команду «Столкновение». С этой вводной экипаж справился неплохо, хотя и был оштрафован на одну десятую — помощник плотника в попыхах забрался в безвоздушный отсек прежде, чем надел гермошлем. Услышав, что это единственная ошибка, Буллард с облегчением

вздохнул. Конечно, было досадно получить первую в ходе инспекции штрафную оценку, но все могло оказаться и гораздо хуже.

На долю Мура выпали «Действия поисково-спасательной группы». Во исполнение этих действий кораблю пришлось полетать над вулканом Сарпедон в экваториальной части планеты Европа, и спуститься в его гибельный кратер. Там экипаж Мура нашел и доставил на борт манекен, который помощники адмирала оставили в кратере несколько дней назад. Эта операция стала триумфом «Поллукса». Ведь манекен лежал в самом центре страшных Галогенных гейзеров. Фторосодержащие вещества тяжеловаты для стандартного оборудования, но спасательный катер «Поллукса» привез то, что нашел. Помимо того, что два члена экипажа получили отравление газом средней тяжести, других изъянов при выполнении задания не оказалось.

Адмирал стоял на шлюпочной палубе, когда Мур вернулся. Он посмотрел на остатки разъеденного манекена и на изъеденные шлемы и зловонные костюмы спасательной группы. Арбитр с «Кастора» вышел из катера и сообщил о двух случаях отравления.

— Слишком хорошая работа, чтобы испортить ее наказанием, — вынес решение старик. — Поставьте лейтенанту Муру оценку 4 из 4.

Той ночью в столовой ликовали. Экипаж корабля прошел уже две трети инспекции и никто еще ни разу не поскользнулся — за исключением одной десятой против Булларда. Никто не упрекал его за это, и все же Буллард не был доволен. Если бы кроме него оказались и другие штраф-

ные, он тоже ни в чем не упрекнул бы их. Но сейчас он был в одиночестве.

— А мы оказались лучше, чем вы думали, не так ли? — сказал Бекли коммандеру «Кастора» Авелю Уорлоку, похлопав его по спине.

— Инспекция еще не закончилась, — сухо ответил Уорлок. Он подмигнул Питу Розуэллу: — Завтра будет еще один день.

Ио был под кормой, когда в кают-компании прозвучал сигнал. Матросы бросились к своим боевым постам и к орудиям. Буллард вошел в кабину управления и надел наушники.

— Готово! — сообщил он, бегло осмотрев свой экипаж. Каждый человек стоял на своем посту, все были готовы.

Одна и та же сцена повторялась по всему кораблю. Капитан Донган находился в пункте командования, старший помощник — в комнате стратегического планирования, все остальные тоже находились на своих местах. И рядом с каждым членом экипажа обязательно стоял арбитр со своими тикающими часами и предательским блокнотом. Время настало. Вот когда начнется веселье. Окажется ли надежным экипаж «Поллукса»?

— Наблюдение началось, — подал сигнал главный арбитр.

Спустя четыре с половиной секунды Буллард выпустил первый заряд. Следом выстрелили его подчиненные.

Забитая техникой башня и так была переполнена матросами, и вдвое теснее становилось из-за присутствия арбит-

ров. Те так и плясали вокруг, то и дело записывая результаты стрельбы, либо фиксируя на бумаге поведение матросов «Поллукса». Рядом с Буллардом стоял Гейне Биссель, офицер боевой башни «Кастора». Он не спускал глаз с рук Булларда и в то же время поглядывал на список заданий в своем блокноте. Буллард завидовал свободе передвижений судей — им не придется в случае чего надевать скафандры. Сам Буллард и его матросы, конечно же, надели герметичные костюмы еще до начала проверки. Случайное попадание метеорита, нарушение внешней перегородки могли в любой момент привести к утечке воздуха из отделения.

Буллард дал второй залп. В то же время на пульте управления загорелись лампочки. На мгновение они потухли, но тут же загорелись снова. Внизу что-то случилось с основной осветительной проводкой и там срочно проводили ее замену.

— Ваши боевые подъемные двигатели не работают, — скомандовал Биссель, глядя на свой список.

— Поднять вручную! — почти в один голос с ним приказал Буллард. Он попытался сообщить о происшествии в центральный пункт управления, но телефоны в его гермошлеме вдруг перестали работать. Буллард выхватил штекер из розетки и подключился к другой. Телефоны по-прежнему не работали.

Его матросы готовили орудие к третьему выстрелу. Из-за ручного управления он был сделан на целых три секунды позднее обычного, однако в нормативы это укладывалось. Буллард увидел, как матросы досылают четвертый снаряд. Мельком взглянув на телескрайб, он увидел чере-

ду бегущих слов: «Боковой выстрел поразил командный центр и пункт стратегического планирования. Капитан и коммандер убиты. Командование передается запасной диспетчерской. Чиннери, командующий».

— Сигнальные огни погасли, — злорадно заметил Биссель, поднимая рубильник вверх. Огней не стало видно.

Левой ногой Буллард нащупал рубильник экстренного аккумулятора и включил его. Свет появился снова — на этот раз источником энергии стали собственные батареи башни, независимые от общей энергосети корабля. Тобельман вложил боезаряд в затвор последнего орудия и повернул ключ. Выстрела не последовало. Тогда он дернул шнур и выстрелил с помощью ударного механизма. Тут в руке арбитра мелькнул огонек, а следом полыхнул сигнальный пакет. Башню озарила вспышка, и тут же внутри стало темно.

— В вашем аккумуляторе короткое замыкание, — спокойно произнес в темноте Биссель. В его голосе сквозило плохо скрытое злорадство. Буллард понял, что это была импровизация. Однако условность аварии не имела значения. Блиссель снова толкнул рубильник.

— Заряжено в темноте, сэр! — крикнул Тобельман. — Готов!

— Огонь!

Гордость за свою команду переполнила Булларда.

— Вражеский снаряд только что уничтожил экипаж орудийной башни — проговорил Биссель. В башне воцарилась тишина. Каждому из матросов то же самое сообщили их личные арбитры. Биссель опять щелкнул портативной вспышкой и в ее свете записал время.

— Я тоже мертв? — спросил Буллард.

— О, нет. Вы в порядке. Ваша башня обстреляна, вот и все.

Буллард выскочил из башни. Если все его люди мертвы, не имеет смысла сидеть в темной башне и ждать у моря погоды. Ему надлежало быть в другом месте.

Лифт застрял между палубами — вероятно, это была еще одна авария. Буллард, за спиной которого пыхтел Биссель, бросился вниз по лестнице и через бронированный люк влетел в командный центр. В центре были только двое развалившихся в креслах арбитров, которые сверяли записи. Буллард тревожно взглянул на главную панель управления. Главный рубильник в ее верхней части находился в положении «открыто». Контроль, конечно же, осуществлялся в другом месте. Управлять отсюда было совершенно невозможно.

Буллард бросился по коридору к запасному командному центру — маленькой каюте позади планировочной. Тратить время на остановку в самой планировочной он не стал. Там, несомненно, он увидит то же, что только что видел в командном центре. Проходя мимо кают, он заметил толпившихся внутри офицеров, и это зрелище вынудило Булларда остановиться. Сквозь прозрачную дверь он с изумлением увидел большинство офицеров «Поллукса». Все они были либо без скафандров, либо еще снимали их. Среди офицеров находился и Чиннери — по мнению Булларда, он был временным командующим.

— Покойники, — усмехнулся Биссель. — Тут они и другим не будут мешать, и им самим тут будет удобно.

Но, судя по капитану Донгану, ему удобно не было. Капитан нервно расхаживал по каюте. На его строгом лице отражалась серьезная озабоченность. Бекли тоже выглядел не лучше.

Буллард поспешил дальше. Там он увидел каждого из своих друзей-офицеров, не было только Фрэзера. Означает ли это, что только он сам и Фрэзер были единственными выжившими? Буллард рванул на себя дверь запасного командного центра. Он походил на сумасшедший дом: пятеро офицеров, стоявших внутри, через переговорные трубы перекрикивались с пятью другими, оставшимися в других местах, и каждый кричал что-то свое.

— Я думал, вы мертвые! — воскликнул Фрэзер при виде Булларда. — Все полетело к чертям собачьим, связь ужасная. Но если вы ищете работу, спуститесь в машинное отделение и проверьте...

— Отставить! — крикнул арбитр, указывая на Фрэзера. — Вы! Вы мертвые, сэр!

Фрэзер поперхнулся на полуслове и стащил с себя шлем. Он, было, вышел из каюты, но в дверях остановился, оглянулся, как будто хотел что-то сказать, а потом задумчиво пошел прочь в сторону кают-компании, чтобы присоединиться к остальной части «мертвых».

Буллард вдруг понял, что он стал командиром корабля. Но о состоянии судна он не имел не малейшего представления. Он не знал ничего, кроме того, что, судя по вертикальным колебаниям, корабль мчался изо всех сил и продолжал разгоняться. Не выяснив, что происходит с кораблем, и что на нем еще продолжает работать, офицер не мог отдавать

разумных распоряжений. Тут Буллард увидел адмирала, капитана Эллина, коммандера Уорлока, и других офицеров с «Кастора». Они пристально смотрели на него через широкий иллюминатор в перегородке между планировочной и запасным командным центром. Выходит, в этой инспекции он должен стать козлом отпущения! Злая шутка. Его, самого младшего офицера на корабле, и последнего, кто вошел в состав экипажа, подвергают этому суровому испытанию! Это разозлило Булларда, но тут же его осенила мысль: а ведь это проверка и самого «Поллукса»! Корабль должен держаться до тех пор, пока жив хотя бы один член экипажа. Эти арбитры должны увидеть, что «Поллукс» подготовлен, притом хорошо подготовлен. Три недели интенсивных учений и неустанных трудов капитана и его коммандера по обучению экипажа не должны пропасть даром. Если судно еще поддается управлению, он будет им управлять!

— Молчать! — крикнул Буллард. Офицеры у переговорных труб удивленно взглянули на него. Буллард указал пальцем на ближайшего к нему:

— Доложить обстановку!

Один за другим, пятеро офицеров кратко описали то, что им было известно. Узнав детали, Буллард пришел в ужас от возникшей перед ним задачи. Торпедный отсек, как и боевая башня, вышел из строя. На химическом складе бушевал пожар. Огромные ртутные котлы были закрыты, их поврежденные пароперегреватели дали течь, и как следствие, все вспомогательные питание отключилось. По-прежнему работал только слабый и недостаточный источ-

ник питания — гелиоагрегат, мощности которого хватало лишь для сигнальных огней. Из строя вышли все средства, за исключением переговорных труб. И в довершение картины, основные реактивные двигатели заклинило на полной скорости. А тем временем корабль приближался к Юпитеру — колоссальному магниту. Учебное это было задание или нет, но что-то надо было сделать, причем очень быстро.

Взявшись за выполнение задания, Буллард удивился: сколько же еще может продолжаться этот фарс мнимого бессилия? Тем не менее, отбой военной игре дан не был, и Буллард не смел даже прикасаться к переключателям и клапанам, на страже которых стояли арбитры. Он должен был работать с теми средствами управления кораблем, которые еще оставались. Тем временем прозвучал новый сигнал — он предупреждал Булларда, что обстановка не терпит ни малейшего промедления. Поскольку автоматические регуляторы на линиях подачи урана не работали, ускорение медленно нарастало, и остановить этот процесс теперь можно было только вручную.

Буллард поднялся в отсек направляющих труб и там к своей радости обнаружил, что дежурство нес ракетчик Бентон. Бентон заверил его, что не осталось никакого другого способа перекрыть поток урана, как только использовать запрещенные клапаны дистанционного управления.

— В таком случае, принесите труборезы или дальномер со сканирующей разверткой и поломайте линию!

— Есть, сэр.

Буллард знал, что Бентону было известно: уран будет продолжать просачиваться, но пока не заполнился очаг

распадающегося вещества, он не мог вспыхнуть, то есть выделить чудовищную атомную энергию. А когда питание будет прекращено, с очагом справятся гасящие смеси.

С химического склада, на котором будто бы полыхал пожар, продолжали исходить настойчивые призывы. Матрос, засевший там, жаловался, что арбитр объявит его сожженым прежде, чем будет предпринята попытка справиться с огнем. Мгновение Буллард колебался. В действительности на складе не было ничего воспламеняющегося — за исключением фейерверков, которые арбитры доставили туда сами, чтобы добавить картине происходящего реализма. Следовательно, склад не был оборудован противопожарным устройством.

— Эвакуировать склад, — приказал Буллард. — Соберите людей с «Поллукса» и перенесите оттуда все в резервный вещевой склад.

— Есть, сэр! — обрадовался кладовщик, освобожденный от выбора: отказаться от должности или быть зажаренным заживо.

Буллард почувствовал замедление скорости корабля. Он понял, что Бентону удалось перекрыть линии подачи урана. Было жалко тратить силы таким образом, но приближаться на такой скорости к Юпитеру было немыслимо. Отражатели реактивных струй были перекрыты от носа до кормы, и поэтому рассчитывать на реактивные двигатели не приходилось. Буллад снова вызвал Бентона по переговорной трубе.

— Что случилось со старыми рулевыми клапанами в соплах жидкотопливных двигателей?

— Ничего, сэр.

- Тогда разогрейте двигатели и давайте двигаться.
- Есть, сэр.
- Бентон, когда они начнут извергать пламя, поверните корабль на 90 градусов от нынешнего курса. Придется сделать это вручную. Других средств управления этими моторами на подстанции нет.
- Есть, сэр.

Буллард почувствовал себя лучше. Он был искренне благодарен арбитрам, что те пощадили для него Бентона. Бентон был способным малым. Скоро они справятся с этим дико мчащимся кораблем. Тогда Буллард сможет взяться за другие неотложные дела. Сейчас его больше всего беспокоил всепроникающий шум, дополненный криком говоривших по трубам. Буллард решил отказаться от использования архаических труб, а вместо этого использовать радиотелефоны в гермошлемах. Это означало установку трехсторонней линии, потому что телефоны не были избирательными и если бы все начали говорить одновременно, результатом стала бы общая неразбериха.

— Скажите всему экипажу, — сообщил он офицерам, находившимся в запасном командном центре, — что никто не должен говорить. Допускаются только ответы на мои вопросы или сообщения исключительной важности.

Сообщение приняли. Чтобы проверить эффективность связи, Буллард начал последовательно вызывать разные части корабля. Оказалось, что, несмотря на массовое «убийство» офицеров, на постах оставалось еще достаточное количество «живых». Тем временем Буллард проверил со-

стояние «пожара» на химическом складе — несмотря ни на что, это «воспламенение» беспокоило его чрезвычайно. Все шло хорошо, как вдруг в телефонах гермошлема Булларда раздался дикий смех и тупое бормотание кладовщика. Буллард отозвался резким вопросом, но в ответ получил только сентиментальные бредни, чередующиеся с хихиканьем. Кладовщик был пьян, либо с ним случилось что-то по-ухузе.

Буллард взглянул на адмирала и офицеров-арбитров, наблюдавших за ним из планировочной. Они тоже выказывали некоторые признаки радости, а некоторые из них глупо ухмылялись. Пит Розуэлл исполнял какой-то бурлескный танец — довольно рискованную версию освященного веками чувственного танца, который часто можно было увидеть в кабаре Урсаполиса. В груди Булларда закипел гнев. Они что же, превратили инспекцию в настоящий фарс? Дурацкие шутки на его счет? Среди офицеров в планировочной он с особым негодованием заметил Авеля Уорлока, который, смеясь, вырывал из терминала какой-то провод. В довершение всего и сам адмирал начал дико скакать по кругу. На его лице, обычно весьма степенном и благообразном, расплывалась глупая проказливая ухмылка.

Буллард снова вызвал кладовщика. На этот раз он услышал голос трезвого и почти кающегося человека.

— Простите, сэр, мне приснился сумасшедший сон. Но он был ужасно забавный, сэр, — голос кладовщика становился все более трезвым и смиренным. — Должен вам доложить, сэр, что арбитры потеряли сознание. Они валяются повсюду...

Забавный сон?! Арбитры потеряли сознание?! Буллард не стал терять ни секунды. Оставив запасной контрольный центр, он помчался к резервному складу.

Буллард пробрался сквозь огонь и дым вспышек, ми-новал наполовину опустошенные шкафы с химическими реактивами и вошел на резервный склад. Он увидел, что кладовщик склонился над предметами, лежавшими на полу. Буллард нагнулся и поднял дымовую шашку. Но она не могла быть причиной всеобщего сумасшествия. Это был стандартный продукт — смесь люцифера с небольшим количеством солей стронция, который дает яркое пламя и значительное количество дыма, не выделяя при этом большого тепла. Его чад не был ни опьяняющим, ни снотворным.

Буллард увидел, что большая часть химических веществ, обычно лежавших в шкафах, теперь валялась на полу склада. Все они были стандартными веществами и не считались опасными. Там были бочонки различных солей и бутылки с кислотами, но ничто из них не было разбито. На вершине пирамиды стояли три округлые плоские колбы с почти черной жидкостью. Он определил их содержимое: контейнеры для раствора йода, также безвредного.

Прежде, чем идти на помощь матросу, пытавшемуся привести в чувство пострадавших арбитров, Буллард приоткрыл забрало шлема и осторожно втянул воздух ноздрями. Ого! Этот тошнотворный сладковатый запах показался ему странно знакомым. Тут же у Булларда начало звенеть в ушах. Он резко закрыл шлем и нащупал свой кислородный вентиль. Усилием воли он продолжал удерживать со-

знание. Он знал, что через секунду его головокружение пройдет, поскольку то, что он вдохнул, было ничем иным, как закисью азота. Но откуда исходил этот газ, и насколько сильной была здесь его концентрация?

Буллард шагнул к ящику с нитратом аммония. С виду он выглядел нормально, но какое-то чувство подсказывало Булларду, что это и есть источник испарений. Он подошел к ящику ближе и вдруг почувствовал у себя между лопатками источник тепла. Это было похоже на то, как если бы он встал спиной к открытой дверце печки. Буллард обернулся и увидел три колбы йода, а за ними — дымок угасавшей вспышки.

Ситуация была предельно ясной. Колбы с йодом выполнили роль фокусирующих линз для инфракрасных лучей. Под влиянием этого слабого нагревания нитрат аммония начал разрушаться и выделять закись азота. Теперь Буллард понял и безумное поведение кладовщика, и причину, по которой арбитры лежали без сознания.

Он бросился к колбам с йодом и переставил их на пол. Затем Буллард прыгнул к клапанам контроля воздуха и увеличил напор кислорода, поступавшего в отсек. Он вызвал Бентона, приказал ему включить аккумуляторные батареи, до сих пор стоявшие в резерве, и включить вентиляторы. Он должен был очистить склад от «веселящего газа».

«Веселящий газ»! Вот причина диких выходок офицеров-арбитров! Теперь это становилось понятным. Буллард бросил взгляд на открытые переговорные трубы и тут же понял, что случилось. Вообразив, что могло бы произойти

выше, Буллард вздрогнул. Закись азота, будучи тяжелее воздуха, протекала через открытые переговорные трубы в центр управления и в другие отсеки, расположенные возле центра тяжести корабля. Все эти офицеры без шлемов, как с «Поллукса», так и с «Кастора», были навеселе. Возможно, сейчас они лежали без сознания. Буллард захлопнул газонепроницаемые крышки переговорных труб, и прокричал в микрофон своего гермошлема команду всем остальным людям на корабле.

— Слишком поздно, — сказал Бентон. — Они ведут себя, как сумасшедшие. Но как мне было это понять? Я не чувствовал запах, я думал, что это было частью игры. Только теперь я понял...

— Что только теперь? — переспросил Буллард. Сердце его замерло.

— Ну, — произнес Бентон, все еще продолжая колебаться, — ведь речь шла о таком величественном персонаже, как командующий патрульными силами Юпитера, — адмирал пришел, танцуя на ходу. Он хлопнул нашего капитана по спине и сказал: «Давайте устроим хорошую вечеринку». А капитан Майк сказал: «Конечно, вы уже многое упустили»...

Буллард застонал. Закись азота просочилась и в кают-компанию тоже.

— Затем они начали дико смеяться и все кругом ломать.

Буллард молча слушал рассказ Бентона. Одни кабели были вырваны целиком, другие неправильно соединены. Происходили короткие замыкания. Рычаги управления были сломаны, а стрелки на приборах выкручены и остав-

лены под углом; короче говоря, проверяющие ребята ужасно набуянили. Жертвы веселящего газа сделали все, чтобы превратить учения в суровую реальность. Теперь корабль по-настоящему вышел из-под контроля.

— Продолжайте качать им кислород! — прокричал Буллард. — Я зайдусь кораблем.

В рассказе Бентона не было преувеличений. Контрольный центр, планировочная и запасная планировочная выглядели так, как будто там произошло землетрясение. Панели были завалены выломанными ручками управления, сломанными циферблатами и рваной бумагой. Сломано было даже астронавигационное табло, а бортовой журнал изорвали в клочья. Повсюду свисали обрывки проводов. Каюта была в полнейшем беспорядке. И тут же сидели офицеры, которые все это сделали. Они были уже слишком пьяны, чтобы продолжить безобразия, но идиотские ухмылки все еще гуляли по их лицам.

Но смысла сокрушаться по этому поводу не было. Над кораблем нависла угроза столкновения с Юпитером и она продолжала увеличиваться. Буллард вспомнил об этом, когда почувствовал толчок — это заклинило устаревшие жидкотопливные двигатели. Старый добрый Бентон! Несмотря на сумасшедший дом, бушевавший вокруг него, он продолжал справляться с двигателями и снова запустил их. Корабль накренился, одурманенных офицеров бросило к стене и с силой ударило об нее. Санитары, бегавшие по кают-компании с аптечками скорой помощи, теперь должны были справляться с новыми проблемами. Некоторые из пациентов уже были без сознания по двум причинам сразу.

Буллард тоже мог бы обеспокоиться состоянием начальства, но вслед за проблемой жидкотопливных двигателей пришло новое, совершенно непредвиденное испытание. Корабль охватила странная дрожь, и он начал крениться каким-то совершенно необычным образом, отчего у Булларда побежали мурашки по спине. Некоторых арбитров, еще находившихся в сознании, начало рвать; обломки оборудования и мебели колотились о стены, их носило так, как будто корабль оказался во власти шторма. На корабле стоял неописуемый шум.

И громче всех был пронзительный визг вышедших из-под контроля двигателей. Амплитуда колебаний корабля продолжала увеличиваться, и Булларду стало мучительно ясно: авария дошла до массивных гироскопов в самом сердце судна. Буллард, с трудом переставляя ноги, пошел к ним, цепляясь за выступы, до которых мог дотянуться, и уклоняясь от летавших по кораблю обломков. Наконец он добрался до бронированной двери отсека с гироскопами и только тут понял, что на самом деле произошло. Исправить положение было не так-то просто.

В пьяном разгуле арбитры порвали силовые кабели, от которых работали двигатели, и гироскопы пошли вразнос, причем в неравном темпе — возможно, это объяснялось трением их подшипников. Буллард, конечно же, знал, что он может отключить ток, подававшийся на аппаратуру, но если он это сделает, работа гироскопов перейдет в сильную отдачу. Если движение гироскопов замедлится быстро, инерция их вращения перейдет на корабль и заставит вращаться уже его. Такие перегрузки экипаж не выдержит.

Буллард все еще слабо надеялся, что он сможет восстановить ток на магнитных катушках. Но поиски среди обломков могли занять часы, тогда как в его распоряжении были только минуты, да и их-то оставалось не так много.

— Пришлите мне человека и принесите побольше свободных кабелей, — приказал он Бентону. — И еще мне нужна смазка для гироскопов, работающих от аккумуляторов.

Буллард смотрел на стальные столбики, которые поддерживали подшипники гироскопа, — их было шесть пар, каждая пара располагалась под определенным углом к остальным. То, что он не мог сделать силой электрического сопротивления, он будет делать трением. Если Буллард сможет регулировать движение подшипников, он сможет контролировать и скорость гироскопов. Сначала попытка сделать это показалась ему безнадежной — ведь у него просто не хватило бы сил, чтобы сдвинуть огромные рычаги. Но тут ему в голову пришла мысль о способе, который, по крайней мере, стоил попытки.

— Обведите конец кабеля вокруг этого места, — приказал он. — Сделайте катушку, спираль вокруг вон той колонны под подшипником. Я хочу намагнитить его.

Один из матросов Фрезера сделал, что ему сказали. Но на лице его было написано недоверие. Какая разница, будут намагничены опорные столбы или нет?

— Отлично! — прокричал Буллард, когда вокруг последнего из столбиков была сделана катушка. Затем он приказал включить слабый ток и с помощью реостатов начал подавать его на катушки. Работать с сердцем корабля было

немыслимо трудным занятием, да к тому же Булларда и его помощников еще и бросало из стороны в сторону из-за качки. Но Буллард был упорен, и наконец настало время испытать его устройство.

Награда, доставшаяся Булларду, была велика — он услышал, как завывания двигателя начинают утихать. По крайней мере, ему удалось остановить ускорение. Теперь ему предстояло согласовать работу всех трех гироскопов.

— У нас есть идея, — сказал Буллард главному электрику, который ему помогал. — Продолжайте с ними работать, пока они не будут крутиться синхронно. Подшипники нагреются, но мы ничего не можем с этим сделать. Смажьте их, а если это не поможет, отправьте кого-нибудь вниз за жидким воздухом. Делайте что угодно, но не давайте им остановиться совсем, или мы врежемся в Юпитер.

— Есть, сэр. Но как мы это сделаем?

— Это называется магнитострикция, — объяснил Буллард, направляясь к выходу из отсека. — Небольшой магнетизм заставит сталь расширяться, вот и все. Если подшипники будут двигаться с трудом, смажьте их еще.

Буллард вышел из отсека и направился к корме. Где они находятся сейчас? Выиграют ли они эту схватку с Юпитером? Он чувствовал вибрацию корабля, шедшего сейчас на шести реактивных двигателях, и понимал, что контроль над ситуацией начинает возвращаться. Но как быстро это произойдет?

Бентон казался обеспокоенным. Двигатели вели себя странно, им явно не хватало мощности, чтобы выполнить

возложенное на них задание. Неконтролируемое движение «Поллукса» было остановлено, но только и всего. Чтобы резко вырваться вперед, требовался больший толчок, но Бентон не решался на это. Вшел Буллард.

— Ничего не поделаешь, — проговорил он. — Заставьте эти реактивные трубы работать как следует.

— Они расплавляются, — предупредил Бентон.

— Делайте, — мрачно произнес молодой исполняющий обязанности капитана. — Хуже быть уже не может.

Бентон пожал плечами и включил вторую линию подачи топлива. Его помощники, посланные на склад, вернулись с запасными форсунками. Через несколько минут бешеной работы они были соединены с импровизированными нагнетателями и к трубам начали поступать новые порции топлива. Выхлоп двигателей «Поллукса» изменился от красного, как след метеорита, огня до ослепительно белого цвета, свойственного хвосту кометы класса «А». Решительные мотористы продолжали разгонять двигатели, нагнетая топливо до тех пор, пока сами не начали падать с ног, — люди уже не выдерживали, несмотря на обильные инъекции гравонола. Загнанные санитары остались в покое «мертвых» офицеров «Поллукса» и арбитров с «Кастора», и переключились на помощников Бентона.

Тут в отсек ввалился главный арбитр — капитан «Кастора» Эллин. Его с обеих сторон поддерживали подчиненные офицеры. Хотя капитан с каменным лицом уже выглядел трезвым, все они были сильно потрепанными. Их лица и руки были в синяках и порезах; все трое носили повязки, наложенные на них санитарами. Они, по крайней мере, уже

могли держаться на ногах. Тем не менее, их, как и все еще одурманенных офицеров, бросало из стороны в сторону, как будто уже укрученный гироскоп продолжал бесноваться.

— Адмирал говорит, — заявил капитан Эллин, — что инспекция отменяется. Прекратить занятия и вернуться на базу.

— Вот уж черта с два! — вскинул Буллард. — Передайте адмиралу, что не в его власти отменить мои занятия. Можете сказать ему, что я уберусь отсюда, когда и если смогу это сделать. А пока дайте дорогу этому человеку.

Капитан Эллин удивленно открыл один, оставшийся не подбитым, глаз, но посторонился и пропустил матроса, нагруженного грудой запасных частей. Капитан «Кастора» посмотрел на сердитого молодого человека в запачканной и порванной униформе, обвел взглядом отсек, снова взглянулся на Булларда. Он все еще не понял, что произошло, и как они оказались в таком положении. Решительно все приборы были неисправны. Эти потные, усталые люди могли лишь догадываться о давлении, напряжении, силе тока и обо всем остальном, с чем они имели дело. Если в такой ситуации человек мог чувствовать корабль, то это было неловкое, попросту ужасное чувство. Это было отвратительное чувство обреченности.

— Первый пошел, — заметил Бентон спокойно, когда корабль содрогнулся и сделал небольшой рывок. Они скорее почувствовали, чем услышали возрастающий рев снаружи. Матрос с бледным лицом, сидящий верхом на дымящемся

нагнетателе трубы № 4, отчаянно пытался закрыть клапан. Первая из перегруженных труб нагрелась до предела — из него вдруг вылетело огненное облако, которое полетело к Юпитеру, подчиняясь притяжению планеты. Голос Бентона был спокоен и подбородок его не дрожал, но глаза ракетчика выдавали тревогу.

— Держитесь, — сказал Буллард. — Сейчас мы не можем расслабляться. Помощники тоже должны держать себя в руках. Сейчас мы на подъеме, и если продержимся хотя бы полчаса, то горы останутся позади.

Капитан Эллин и два его помощника осторожно отошли в угол отсека. Эллин был слишком компетентным офицером, чтобы вмешиваться. Он уже вполне разобрался в ситуации и понял: эти чумазые парни знают, что делают. Поэтому капитан всего лишь внес в свой исписанный блокнот еще несколько записей.

Спустя примерно двадцать минут огненное облако испустила следующая труба. Это была труба № 3, а через пять минут настала очередь № 1 и почти одновременно с ней — № 6. Но остальные две продержались, пока корабль не достиг горного хребта, и не миновал его. Судя по всему, критическая точка была пройдена. Буллард приказал сократить форсированную тягу на двадцать процентов, когда сдала следующая труба. Теперь оставалась только одна, последняя, и она составляла всю движущую силу корабля. Этого было крайне недостаточно, но все же сейчас они двигались вперед, в чистые темные глубины космоса. Буллард спешно снизил ее мощность до нормальной, продолжая удивляться тому, что они до сих пор держались.

Он вышел из мучительной жары отсека в охваченный беспорядком корабль — надо было разыскать перископ. Несколько минут Буллард пробирался сквозь проходы и душные коридоры, обыскивал оставленные боевые башни и пункты управления стрельбой, пытаясь найти уцелевший инструмент. Он обезумел от радости, когда наконец нашел перископ в торпедном отсеке. Буллард благоговейно взял его в руки и взглянул на Юпитер. Сердце его вздрогнуло от радости: огромный розовый диск занимал только часть поля зрения.: Поспешно сняв показания градаций вдоль перекрестных линий, Буллард установил, что они уже находились за пределами самого опасного из гравитационных полей Юпитера. Сейчас они должны были приближаться к небольшому спутнику — их пункту назначения.

Буллард покрутил перископ и наконец увидел в него маленькую железную планету. Заметив ее, Буллард начал отдавать приказы своим матросам, находившимся в трубном отсеке. Теперь они должны были сделать поворот, располагая единственной работающей трубой и пятью отказавшими, а при этом сопротивляться собственной инерции. Необходимость ускорить полет резко сменилась на задачу его замедлить. Таков был приказ адмирала: опустить корабль на безжизненный кусок железа.

Кое-как они это сделали. Спустя четыре часа, а может, и шесть часов — ведь время утратило для них значение, — изможденный и очень грязный молодой лейтенант с обессиленными остатками своего экипажа, пошатываясь, вышел на черную равнину сокровенного спутника Юпитера.

Какое-то время они рассматривали огромный неповоротливый корабль, на котором сюда прилетели. Внешне это был тот же ухоженный, мощный крейсер, что и накануне. Но какой беспорядок царил внутри него! Впрочем, внешний вид корабля сейчас их не беспокоил. Сейчас им надо было оценить ущерб, нанесенный кораблю частичным разрывом труб. Был ли он необратимым? И что за местность простиралась сейчас под беспомощным ныне крейсером — Гордостью Небес?

Лейтенант Буллард не позволил кораблю столкнуться с Юпитером, но этого было мало. Насколько он понимал, он командовал «Поллуксом» временно, и тактические задачи первого этапа были решены. Он должен был убраться с этой скалы, вернуться в Урсаполис и посадить корабль в его док. Бентон мрачно покачал головой. Все возможности совершать чудеса были исчерпаны. Чтобы сесть на Каллисто, им понадобится не одна труба, а три, и даже с ними маневр наверняка будет неуклюжим и крайне рискованным.

Так они разговаривали, обсуждая пути и способы вернуться, когда их обнаружили адмирал и капитан Донган. Адмирала и Донгана разбудил Эллин, он и сказал им, где искать Булларда.

— Молодец, Буллард, — произнес капитан Майк. — Адмирал обещал вам особую благодарность. Доложите мне сейчас точное состояние судна и я помогу вам. Первое, что хочет адмирал, — это какое-нибудь радио, чтобы мы смогли вызвать на помощь буксиры. Как только это будет сделано, вы можете идти отдыхать. Я возьму командование на себя.

— Нет, сэр! — горячо выкрикнул Буллард. — Я требую оставить мне право продолжить работу. Они в ходе учений довели нас до аварийного состояния. Но инспекция еще не закончилась. В соответствии с правилами, если мы позовем на помощь, мы проиграем. Мы не можем...

— Мы не проиграем, — спокойно сказал капитан Майк. — Задание было отменено. Непредвиденные обстоятельства...

— Вот именно! — воскликнул Буллард, срывааясь почти на крик. Он был возмущен до предела. — Именно непредвиденные обстоятельства! И «Поллукс» не смог с ними справиться! Именно это будет обсуждать весь флот. Над нами будут смеяться в каждой кают-компании от Плутона до Меркурия. Если мы позволим им отозвать это задание теперь, мы все окажемся ненужными и обманутыми. Ведь наш корабль, лучший в целом...

Буллард был почти в истерике. Он просто не осознавал, что его поведение дошло до неповиновения командиру. Ему пришлось испытать очень многое, и его нервы были истощены. Сейчас он сосредоточился на своей проблеме, и находился не в том настроении, чтобы позволить оттолкнуть себя от ее решения. Найти выход было в его силах. Он должен был найти его любой ценой. Иное решение было бы для «Поллукса» пораженческим. Оно означало бы признание провала, а это было немыслимо. В конце концов, что это за непредвиденное развитие обстоятельств, которые их победили? Закись азота? Ну и что? Это была обычная опасность. Она могла возникнуть и в других, не экстремальных условиях, и с ней пришлось бы иметь дело. Уклониться от этого испытания означало бы спрятаться

за очень слабым оправданием. Буллард был одним из тех, кого арбитры выбрали в качестве подопытного кролика, и он не мог уклониться от своей участи. По его мнению, под угрозой оказалась не только репутация корабля, но и его собственная честь.

Буллард продолжал извергать неосторожные слова, он выражался на грани бунта. Но капитан Майк слушал его серьезно. Наконец, задумчиво глядя на лейтенанта, он произнес:

— Мне нравится ваше настроение, Буллард, но это к делу не относится. У нас нет выхода. Уже слишком поздно. Что касается вашей репутации, можете не опасаться...

— Да не в этом дело, сэр... — Буллард уже чуть ли не плакал.

— Пусть поступает, как знает, — вмешался адмирал. — Его позиция правильная. Лично мне кажется, что сейчас мы теряем время, но я не могу сказать, что отрицаю спрашиваемость его слов. Если он думает, что сможет вытащить отсюда корабль, пусть попробует. Я даю вам еще двадцать четыре часа, чтобы справиться с этой проблемой, Буллард. В течение этого срока вмешиваться в ваши дела никто не будет. Удачи!

Если Буллард и был на грани истерики, то причина, по которой несколько слезинок скатились по его щекам, была другой. Сначала его охватило ликование. Но тут же его сменил трепет: только сейчас до него дошла вся полнота ответственности, которую он на себя взял. Буллард понял, что, настаивая на таком решении проблемы, он подвергал

опасности опозориться и себя, и «Поллукс». Ведь раньше у них имелось, по крайней мере, правдоподобное и официально приемлемое оправдание. Но если теперь он не спрятится с кораблем, он пропадет вместе с ним. Булларда охватило раскаяние. Неужели тщеславие вынудит его скомпрометировать имя корабля, к которому он так привязался? Буллард мгновенно протрезвел. Теперь он понимал хорошо, как никогда раньше, что должен добиться успеха. Пока «Поллукс» не вернется в док, офицер не будет свободен от ответственности.

Эта мысль вдруг необычайно укрепила Булларда. Его усталости как не бывало. С помощью нескольких скучных слов ему удалось донести до Бентона и его помощников ту же мысль, которая вдохновила и его самого. Для них официальные оправдания не будут иметь никакого значения. Они должны вернуть корабль назад!

Между тем крейсер, совершивший посадку, окружила группа наблюдателей. По единодушному решению арбитров, правила инспекции были смягчены: теперь «мертвые» могли наблюдать за действиями команды и разговаривать — при условии, что они ни во что не будут вмешиваться. От «умерших» товарищей по «Поллуксу» пришли слова поддержки. Целый экипаж болел за них, тогда как люди с «Кастора» время от времени позволяли себе остроты в адрес занятых ремонтом людей. Адмирал, при всем своем великодушии, был раздражителен и нетерпелив. На следующий вечер у него был назначен ужин с губернатором Каллисто, и его раздражала мысль, что он может пропустить эту встречу. Экипажу «Кастора» тоже не терпелось вернуться домой. Они стре-

мились подняться на борт своего корабля, потому что за последние несколько часов увидели, что им нужно срочно сделать на их собственном судне. Инспекция «Кастора» экипажем «Поллукса» была назначена на следующую неделю.

Буллард упорно не обращал ни на кого внимания. Он открыл грузовой люк, и его помощники вытащили из трюма пять огромных цилиндров. Используя лебедку, они при бледном свете Юпитера и его спутников расположили эти цилиндры у борта «Поллукса». На корме установили тяжелые штативы, и покрытые алмазами сверла начали вгрызаться в железо — твердь маленького спутника. Несколько человек возле кормы принялись обрабатывать портативными развёртками разорванные вспышками, заузбренные сопла труб. Чиннери и Розуэлл, главные инженеры «Поллукса» и «Кастора», внимательно наблюдали за этой работой.

Чиннери не проявлял особой радости, глядя на работу Булларда, — этого молодого офицера из артиллерийского отдела, позволяющего себе вольности с неприкосновенным запасом деталей. И он даже не попытался подавить свое презрение к последней попытке Булларда исправить положение.

— Эти ребята притащили запасные втулки для устаревших труб, — объяснил он Розуэллу. — Я и забыл, что у меня где-то валялся их набор. Но они им не помогут. Они негабаритные. Мы таскаем их с собой, потому что у них слишком большой размер. Их можно подогнать к любой трубе, но для этого понадобится мастерская с первокласс-

ным оборудованием. Приладить эти втулки к трубам надо будет так, чтобы не оставалось ни малейшего зазора.

Розуэлл кивнул. Как соперник, он собирался посмотреть на провал этой попытки. До сих пор «Поллукс»правлялся с каждой из аварийных ситуаций. И Розуэлл надеялся, что теперь-то этот заносчивый экипаж наконец потерпит неудачу.

Но Буллард их не слышал, да его и не волновало то, о чем они могли сейчас говорить. Они с Бентоном находились возле сопел громадных труб, вооружившись гигантскими кронциркулями. Они уже знали, что втулки были негабаритными, но приказ Булларда по сужению их диаметра сейчас исполнялся. На корме корабля были вырезаны отверстия, в которые сейчас вставляли втулки. Те, кто первоначально поднимали трубы, вернулись на палубу с буксировочными цепями высокой прочности — ввиду чрезвычайной ситуации решили использовать их.

Люди, подгонявшие втулки к соплам труб, доложили, что их работа завершена. Однако Буллард, измерив их диаметр, нахмурился. Сопла все еще были слишком малы. Как же ему сейчас не хватало станка, чтобы обрезать их в нужных местах! Но ближайшим местом, где находились такие станки, был Урсаполис. Поэтому Буллард должен был уменьшить внешний диаметр втулок иным способом.

Он стравил воздух из резервуаров корабля через клапаны на его теневой стороне, собрал сжиженный газ в цистерны и погрузил в него концы труб. Но даже сократившись до минимального размера, они все еще были велики. Буллард начал впадать в отчаяние: главная работа была еще впереди.

ди, а времени на эксперименты совершенно не оставалось. Тем временем на корме установили тяжелые рым-болты и пропустили через них цепи — корабль предстояло сдвинуть с места при помощи огромного гидравлического домкрата. И все-таки трубы были слишком толстыми. И Буллард теперь не видел другой возможности, кроме как раскалить сопла труб. Он не хотел этого делать, потому что звук резервуара, по которому постучали молотком, показывал, что в нем осталось критически мало топлива. Они потратили его слишком много, чтобы избежать столкновения с Юпитером. Жидкого водорода едва ли хватило бы, чтобы улететь со спутника и добраться до своего порта — а еще там понадобится небольшой запас для посадки.

Бентон покачал головой, когда его спросили о возможных источниках топлива на спутнике. Весь уран остался за бортом, когда сопла труб разрывались от избыточной подачи топлива. Тогда это было неизбежно, и жалеть об этом не приходилось.

Буллард сел и обследовал мысленно корабль, по очереди вспоминая содержание каждого склада. Там не было ничего, что он мог бы использовать, и что не имело бы в себе какого-нибудь изъяна, исходя из целесообразности применения. Например, аммиака там было предостаточно... Внезапно Булларда осенила идея.

— Установите первую трубу — распорядился. — Номер 1. Затем отправьте весь свободный личный состав в носовой блистер. Притащите сюда пару тонн металлической стружки. Ее мы и будем использовать.

В первую трубу подали топливо, и пламя начало усиливаться. Затем подали сжиженный воздух. Пройдя через утрамбованную в трубах стружку, пламя начало ее плавить. От сильного жара труба покраснела и увеличилась, и к соплу первой трубы тут же приставили втулку. Затем в работу включился огромный домкрат. Корабль пришел в движение и поднялся на дыбы. Поехав вверх, он натянул цепи, которыми был сейчас прикован, но монтажные петли прочно сидели на своих местах в железе, из которого состояла планета. Содрогающийся «Поллукс» всей своей тяжестью навалился на втулку и она прочно встала на место.

Затем втулки были вставлены и в другие трубы. И когда они остывали, сжатие металла охватило трубы настолько же плотно, насколько это можно было бы сделать в любой мастерской Солнечной системы, оснащенной отборными инструментами. Буллард не сомневался в их надежности. Втулки останутся на месте.

Он справился с задачей на час раньше установленного срока. И когда на борт подняли последний использованный инструмент, предупредительный сигнал сообщил о старте. «Поллукс» изверг пламя — сразу было видно, что исходило оно из таких же устаревших двигателей, какими была оснащена «Азия», — взревел и устремился вверх, домой.

— Пожалуйста, отправьте это сообщение, — приказал адмирал уставшему, но умиротворенному капитану «Поллукса». Буллард взглянул на адмирала с удивлением. Радио исправили, но о чем он собрался сообщать? Никакой буксир теперь не понадобится. Они прибудут в порт через час — за это время любой буксир успеет только разогреть-

ся. Буллард взял у адмирала сообщение и прочитал его. Оно было адресовано всем кораблям и станциям и начиналось со слов: «Сегодня я провел инспекцию крейсера «Поллукс» и нашел его готовым во всех отношениях к любой внештатной ситуации в боевой обстановке...»

В этот момент Булларда постигло очередное испытание. Что-то стало не так с его глазами, и текст сообщения вдруг расплылся в сплошное пятно. Он успел разобрать слова «особое одобрение» также в отношении «командира корабля Булларда», и увидел знакомую подпись — Аберкромби. Оценка боеготовности корабля была наивысшей, и это было все, в чем нуждался Буллард. Корабль выполнил свою задачу.

БЕЛЫЙ БУНТ

Чтобы устроить бунт, не обязательно затевать драки и стрелять в своих офицеров! А офицерам не обязательно быть подчиненных, чтобы спровоцировать их на бунт! Для этого достаточно одного дотошного шкипера на корабле!

I.

Первый раз в жизни старший помощник командира корабля Буллард осознавал, что боится, сильно боится. Удивительно, но причиной страха была всего лишь рутинная проверка. Через десять минут он нацепит свой меч, этот декоративный церемониальный реликт минувших дней, наденет свою неудобную фуражку и поведет нового капитана Чиннери лабиринтами славного космического корабля «Поллукс».

Он беспомощно оглянулся, скользнул взглядом по фигуре капитан-лейтенанта Фрезера, затем посмотрел на книжную полку, занятую чуть ли не морской саженью томов в добрых переплетах. Буллард свирепо уставился на них. Раньше он понятия не имел, что их окажется так много.

Раньше он просто выполнял свои обязанности, как считал нужным, а главы и строфи оставлял небесным юристам.

Но эти толстые книги содержали нормы, которые регулировали всю жизнь Космической Стражи. Тут было восемь толстых томов «Надлежащих правил». Следующие три тома — «Директивные инструкции», плюс пять томов «Инженерных инструкций». Тут же красовался набор книг по космической навигации и четырнадцать томов «Межпланетного закона». Дальше стояли книги по тактике и стратегии, потом...

Буллард содрогнулся. Это было уже слишком. Нарушение, даже случайное, любого из пунктов этого собрания сочинений формально означало бы «измену присяге». А новый шкипер был цербером в отношении этих правил.

— С этого момента действуют правила, — сказал он Булларду неделю назад, во время конфискации у всего экипажа и уничтожения сшитой на заказ униформы. — Все правила. А не только те, которые пришли вам по вкусу.

Буллард вспомнил мрачные лица людей из его прежде жизнерадостной команды: ребятам пришлось собственно ручно бросать в печь свои изысканные мундиры. Рулетка в руках Чиннери показывала, что одежда слишком тесна в бедрах, а в плечах аж на три дюйма шире положенного. А это, по его словам, явно нарушило разделы «Б» и «Д» параграфа 8878.

Так и была уничтожена вся одежда. Для Чиннери не имело значения то, что ни один уважающий себя скаймен даже в худшие времена не позволил бы себе надеть униформу дрянного пошива. Естественно, не волновал его и

тот факт, что каждый комплект формы обходился ее владельцу в три месячных оклада. Его интересовал только строго уставной покрой униформы — а он таким не был. Но что поделать с тем, что девчонки на планетах оценивали моряков по их формам? Что, если моряки начнут отлынивать от работы и бездельничать?

— Пара дней на воде и хлебе выбьют из них эту дурь, — язвительно сказал Чиннери в ответ на протесты Булларда. — Вопрос в другом: будем ли мы управлять кораблем, как того требует департамент, или станем пресмыкаться перед подчиненными?

Буллард вспомнил последний отчет по результатам адмиральской проверки — той, которая принесла им всем благодарности и повышения, а заодно и почетный знак, которым командование отметило «Поллукс» как лучший из действующих кораблей. Для молодого человека, которого учили, что успех приходит в награду за выполнение своих обязанностей, эта награда была справедливой. Единственным важным он считал результат, а не способы его достижения.

В дверь постучали. Стук прозвучал подозрительно корректно. Буллард сложил газету, которую читал, и бросил на стол.

— Передайте капитану, что я приду, — устало произнес Буллард. Поступило еще одно из тех пустых и бессмысленных сообщений, которые он получал уже на протяжении десяти дней.

— Капитан приказал ответить по форме, в письменном виде, — спокойно и жестко ответил Булларду капитанский адъютант. Его выпрека была идеальной, и всё же в опреде-

ленной степени надменной. Адъютанты капитанов-провокаторов часто перенимают их привычки.

Буллард мрачно взглянул на него и потянулся за вторым томом «Нормативов». Документ лежал перед Карлсоном вверх ногами, но он смог его прочитать.

От: Командующего офицера.

Кому: Исполняющему офицеру.

Субъект: Обязанности.

Норма: пар. 2688, Устав.

1. До моего сведения дошло то, что данная норма не соблюдается.

2. Вам предписывается в письменной форме изложить причины, по которым вы нарушаете свои обязанности.

Чиннери.

Буллард нашел параграф 2688, прочитал его и запнулся. Он всего-навсего означал: старший помощник обязан заводить хронометр.

Пробормотав проклятие, Буллард нажатием кнопки вызвал писаря и продиктовал ему три коротких предложения: «Хронометр «Поллукса» функционирует идеально. Его ежедневно обслуживает ассистент штурмана, как это и заведено на флоте. Старший помощник не понимает намеков командующего офицера по поводу нарушения им своих обязанностей».

Прикусив губу, Буллард дождался, когда писарь отступит на машинке письмо, подписал его и без лишних слов передал ожидающему адъютанту.

Через две минуты адъютант вернулся.

— Капитан сказал, — произнес адъютант еще более надменно, — что его не интересуют так называемые «обычаи, заведенные на флоте». Он говорит, что нормы обязывают старшего помощника заводить хронометр, и что в них нет ни слова про передачу этой обязанности подчиненным. С этого момента он требует четких ответов на свои вопросы, а не уклончивых оправданий.

Буллард тяжело взглянул на стоявшего перед ним адъютанта. Краска начинала заливать его лицо. Адъютант ответил ему спокойным взглядом.

— Он передал, что вы должны подчиняться «Директ...»

— Вон отсюда! — зарычал Буллард, поднимаясь из-за стола.

— Он изводит тебя! Вот что он делает, этот придурок! — выкрикнул Фрэзер, когда адъютант исчез в коридоре. — Он до сих пор не забыл, как ты ему задал на той адмиральской проверке. Он завидует, он аж пожелтел от...

— Полегче! — предупредил Буллард. — Он всё-таки наш старший офицер.

— Старший, мать его! — сплюнул Фрэзер. — Да, рангом он выше. Но я на этого тушицу даже смотреть не могу без отвращения. И каждый раз, когда я вижу этого адъютанта-умника Алека, я хочу ему врезать. То же могу сказать про этого скользкого корабельного писаку. Требовать от тебя лично заводить хронометр! Почему, черт...

— Почему? — мрачно усмехнулся Буллард. — Если ты думаешь, что это было чересчур, то взгляни на вот это. Он прислал мне ее как раз перед твоим приходом.

Буллард протянул Фрэзеру предыдущую записку.
Тот присвистнул и протянул:
— Ого!
Глаза Фрэзера, продолжавшего читать записку, полезли на лоб.

— Да, — с горечью подтвердил Буллард, — в параграфе 2751 сказано, что обязанности исполняющего офицера считаются выполняющимися, если сходится квартальный отчет по запасам. Но ты же видишь: эти пройдохи истолковывают параграф таким образом, будто он обязывает офицера лично проверять каждый предмет, а не их подборку.

— Ты имеешь в виду все эти огнеупоры в Д-66? Я их посчитал кубическими ярдами, но они проведены в книге номер...

— Я должен посчитать их все. Все чертовы сорок две тысячи с чем-то единиц.

— Как мы вообще чего-то добьемся, если будем работать такими темпами? — спросил Фрэзер. Как и все офицеры на корабле, он получил от капитана Чиннери нормы по выполнению тех или других заданий. Он давно забросил вне-плановые артиллерийские занятия. Все его товарищи по батареям сидели по горло в бумагах, сверяя списки запасных частей, серийные номера двигателей и т. д.

— Вот и звоночек, — прокомментировал Буллард звук гонга, донесшийся из казармы. Он потянулся за мечом и фуражкой. — Что ж, идем, послушаем плохие новости.

Новости и в самом деле были плохими. Самодовольный пухлый Чиннери долго проверял каждый отсек корабля, указывая на технические недостатки. Единственное, что

его удовлетворяло, была безобразно сидевшая на моряках униформа, которую сшили из плохо окрашенной ткани женщины-заключенные с мрачной Юноны. Недовольные, кислые физиономии моряков его не волновали. Его целью был идеальный корабль «на бумаге», причем его рвение должно быть отражено записями в бортовом журнале. Реперенты из департамента их прочитают и узнают о его усилиях, тогда как второстепенные элементы, вроде морали, могли быть опущены.

В нижнем отсеке корабля отряд проверяющих сделал обычную остановку. Тут капитан заметил старомодную сигнальную панель — она была установлена над межсубдовой коммуникационной доской. Чиннери потянулся к панели, протер тыльной стороной ладони стеклообразное покрытие и обнаружил черную карту под номером «24-Б».

— Что это значит? — крикнул он несчастному оператору, только что поступившему на службу. — Что ты будешь делать, когда одна из этих штук упадет?

— Я... я не знаю, сэр. Никто никогда мне не рассказывал...

— Как! — взревел Чиннери. — Ты тут обязан вести наблюдение, и не имеешь понятия, что должен делать? Буллард! Что все это значит?

Чиннери подался к Булларду, исказив свое толстое лицо страшной, как ему казалось, гримасой.

— Эта панель... — спокойно начал Буллард. Но Чиннери перебил его:

— Неважно. Я знаю, что это за панель. Почему этому человеку не объяснили его обязанности?

— Потому что... — снова начал Буллард. Но капитан его не слушал.

— Не отговаривайтесь! Адъютант! Запишите... в отчет командующего... об этом инциденте. Смотрите, это образует определение номер четырнадцать в случае «невыполнения служебных обязанностей», не правда ли?

— Номер семнадцать, сэр, — ответил адъютант, листая блокнот.

— Хмммм, — промычал Чиннери.

— Но... — закипел было Буллард.

— Никаких «но», молодой человек. Я начинаю замечать, что ваша хваленая эффективность представляет собой всего лишь серию случайных совпадений. Вы только подумайте! Иметь дежурного оператора, который не знает, что ему делать в случае пожара!

Чиннери обернулся к окончательно запуганному парню и заговорил с отеческой интонацией:

— Это, мой мальчик, индикатор высоких температур в оружейных магазинах. Если показатели начнут опускаться, тут же затопи этот магазин и отрапортуй мне. Ручки управления справа от тебя — вон там.

Буллард, багровый от ярости, все же сдержался. Тут он перехватил подмигивание мрачного Фрезера и решил оставить всё как есть. Фрезер, как и сам Буллард, знал, что панель была отключена от датчиков в пороховых складах. Падение значения на панели могло всего лишь означать, что панель трясет, — а это уже случалось и приводило к довольно неловким последствиям. Потому эту аварийную систему демонтировали и заменили на улучшенную, рас-

положенную в центральном отделении. Был даже издан приказ о полном демонтаже старой системы, и она просто ожидала очередного прибытия корабля в свой порт на Луне.

Подобные скандалы продолжились и в других местах, но до конца свою непогрешимость капитан проявил лишь в торпедном отделении. Там Чиннери потрогал странную выпуклость на внутренней перегородке.

— Что там находится? — спросил он.

— Старые торпедные лебедки, — ответил Фрэзер. — Вместо них мы теперь используем магнитные. А эти закрыты листовой обшивкой, чтобы не загрязнялись.

— Ах, вот оно что! — сказал Чиннери. — Ну, это я запомню.

Он тут же отправил своего адъютанта в каюту за квартальным отчетом. Когда тот вернулся, Чиннери опять свирепо взглянул на Фрэзера.

— Нарушений становится все больше, — сказал капитан. — Не проводятся постоянные проверки, нет ежемесячных испытаний, отсутствуют квартальные отчеты за три года с лишним. Отсутствуют материальные запасы и обязательные комплекты запасных частей. Для вас нормативы хоть *что-нибудь* значат?

Фрэзер удивленно взглянул на капитана.

— Нечего, нечего простофилю из себя корчить! — раздраженно сказал Чиннери. — Раз лебедки установлены, не имеет значения, используете вы их или нет. А поскольку они установлены, они являются предметом штатного обслуживающего порядка и отчетов.

— Но, капитан, — заговорил Буллард, — единственная причина, по которой они все еще здесь, — это решение департамента. Департамент сообщил, что будет дешевле оставить лебедки на прежнем месте, чем утилизировать их. Более того, мы не можем запускать их — приводы, которые ведут к моторам, сняты.

— Тогда установите новые! — выпалил капитан. — И замените моторы, если понадобится.

— Так точно, сэр! — прорычал Буллард.

Это была уже последняя капля. Если Чиннери продолжит в том же духе, не пройдет и месяца, как корабль превратится в сумасшедший дом для буйно помешанных — в абсолютно небоеспособный боевой корабль. Ничто так не разрушает дух матросов и офицеров, как бесполезная, дурацкая работа. Особенно, когда она мешает чему-то действительно полезному.

Вскоре Буллард понял, что его неприятности только начинаются. По должности он был обязан доводить бессмысленные распоряжения Чиннери до своих подчиненных, которые, в свою очередь, передавали их своим матросам, выкрикивая при этом ругательства и нелестные комментарии. Что касается матросов, то они пока что помалкивали, упорно выполняя приказы. Разгоравшееся негодование становилось повсеместным и общим, и оно, наконец-то, сталоенным в тот день, когда Чиннери надавал пощечин четырем матросам и отправил лейтенанта Карлсона в карцер на десять суток. Смысл обвинений, которые предъявил им Чиннери, не вполне был понятен, но сам капитан заявил, что

— Тогда установите новые! — выпалил капитан.

те проявили «вмешательство в чужие дела». Они сделали что-то сами, не дожидаясь прямого приказа.

— Коммандер, — заявил Фрэзер, — дальше так продолжаться не может. У нас был лучший корабль на всем этом чертовом флоте, но где мы теперь? Сумасшедший дом! Он плывет в преисподнюю прямо у нас под носом. Матросы на грани бунта! Бентона и Тобельмана понизили в званиях, это вопиющая несправедливость! И я слышал...

— Да, я знаю, — мрачно ответил Буллард. Какое-то время он сидел, погрузившись в глубокие раздумья. Буллард знал, что по кораблю ходит коллективное письмо, что создаются комитеты старшин, а в центре брожений находятся три фигуры.

— Позовите этих троих сюда, — сказал вдруг Буллард. — И Каррика, аптекаря, тоже.

Вызванные прибыли. Буллард внимательно разглядывал их, пока они строились перед столом. Он знал их хорошо, как и они его. Они были опорой корабля, истинными лидерами экипажа — старшины, на которых офицеры могли положиться в любом деле. Такие люди могли и сделать капитана, и сломать его. Глядя на их лица, Буллард с благодарностью вспомнил грубого старого старшину, который тактично поставил его на место, когда тот еще был сопляком. Многие из таких неуставных уроков от младшего по званию получать было тяжело, но теперь Буллард понимал, что эта выучка сделала его лучше.

— Старшины, — сказал он, глядя им в глаза, — у нас трудное задание. У нас новый капитан. Он... он, скажем так, отличается от капитана Донгана. Он более... почтает порядок, если вы понимаете, о чем я.

— Да, сэр, — хором ответили старшины, — мы в курсе.

— Порядок — маскировка его некомпетентности, — гневно выпалил Фрэзер. — Он отлично знает, что пока следует уставу, его невозможно снять, что бы ни произошло с кораблем. И если хоть кто-то проявляет инициативу или здравый смысл, его шея сразу попадает в петлю. Это может закончиться плохо. Клянусь вам, это подлец! Тыфу!

— Можно дать эмоциям волю, Фрэзер, — сказал Буллард спокойно, — но это не изменит ситуацию. Капитан Чиннери — всё еще наш капитан, поэтому он больше, чем просто человек. Он символ... символ высшей власти. Более того, каждый отанный им приказ был вполне законным. Любое неповиновение с нашей стороны навредит нам, а не ему. У нас нет выхода, кроме как подчиняться.

— И смотреть, как корабль катится в ад! — крикнул Фрэзер.

— Возможно.

Только теперь Фрэзер и матросы заметили тень улыбки на лице Булларда и хитрый огонек в его глазах.

— Допустим, — сухо произнес Буллард, глядя на ряды книг, — так и случится. Будет расследование, естественно. Будут предъявлены обвинения. Они всегда начинают с верхушки. Я предложу им там и остановиться. Я совершенно точно не собираюсь брать на себя ответственность.

— В смысле?

— Это значит, что единственный возможный для нас путь — сотрудничество.

— Сотрудничество? — нервно рассмеялся Фрэзер. Бентон и его товарищи промолчали.

— Так точно. Капитан Чиннери жалуется на неуместную инициативу. Что ж, давайте не проявлять инициативу. Он хочет «уставной» корабль. Давайте соблюдать устав — превратимся в небесных адвокатов. Давайте делать то, что нам говорят, и ни черта больше!

Буллард обвел взглядом трех изумленных старшин и покрасневшего офицера. Он заметил, как исчезают улыбки Бентона и Тобельмана, а раздражение на лице Фрезера сменяется пониманием.

— Неплохо... неплохо, — медленно выговорил наконец Фрезер. — Встречный пожар, да?

— Мы распространим эту новость, сэр, — ответил Бентон. Его товарищи уже откровенно улыбались. — Пусть будет «сотрудничество».

— Хорошо — сказал коммандер Буллард, открывая второй том Устава. Никто, кроме всемогущего господа Бога, имеющего в распоряжении вечность, не был способен выполнять все обязанности, предписанные старшему помощнику. Но попробовать сделать это было можно. Параграф за параграфом...

Буллард остановился на параграфе 2707:

«Время от времени старший помощник должен проводить персональную инспекцию с целью проверки исправности лодочных отсеков...»

— Отлично! — произнес Буллард, — я обставлю его именно на этом.

Он вышел на просторную площадку, где были закреплены шлюпки. Сто девятнадцать предметов в каждом отсеке,

а всего было восемь шлюпок! На выполнение только этого простого задания понадобится два дня работы!

II.

Прошло около двух недель, как снова поползли слухи о возобновлении бандитизма на Нептуне. С бандитами могли справиться только космические корабли. На обрывистой и неровной поверхности планеты, к тому же в безвоздушном пространстве, проводить свои операции обычная планетарная жандармерия не могла. Слухи о том, что на борьбу со злодеями скоро отправят один из больших кораблей, патрулирующих окрестности Юпитера, тоже становились все более похожими на правду.

Когда они дошли до Булларда, он только вздохнул. Скорее всего, этим кораблем будет «Поллукс». Какая ирония судьбы: в последнем отчете адмирала Аберкромби именно этот корабль был отмечен как наиболее подготовленный для экстренных ситуаций. И все же каждый человек на борту «Поллукса», кроме Чиннери, знал, что «Поллукс» четырехмесячной давности ушел в прошлое и стал легендой. Выводы? Над ними можно теперь только смеяться. Или плакать по этому поводу.

Всего три дня назад в конденсаторе на правом борту возникла течь. Когда о ней доложили капитану, он отправился туда лично взглянуть на поломку.

— Снимите и уберите эту трубу, — приказал он.

Подчиненные Бентона приступили к работе: сняли и убрали трубу, затем сменили обшивку, вручную проделали все подсоединения и вернули трубу в строй. Через час сломались еще две трубы.

— Черт возьми! — завизжал Чиннери, когда ему об этом доложили. — Как? Вы только вчера были в этом конденсаторе. Вы не видели, что две другие трубы были на грани поломки?

— Вы приказали нам убрать ту, что протекала, сэр, — сказал Бентон. Он мог бы добавить, что проблема была не в трубах, а в деформированной магистрали. Но его об этом не спрашивали.

— Какой идиотизм! — прорычал капитан Чиннери. — Что ж, снимите всё снова и повторите ремонт.

— Убрать трубу, которой мы занимались вчера? — спросил Бентон, изображая легкое удивление.

— Нет, дурак, те, которые только что прорвало!

— Есть, сэр!

Буллард хладнокровно наблюдал за этой сценой.

Слова Чиннери, сказанные несколько недель назад, продолжали жечь его душу. «Когда я захочу, чтобы что-то было сделано, я прикажу это сделать! Корабль не настолько сложный, чтобы один человек не осилил управление им».

И все же, вспоминая тот инцидент, зная, что нынешним утром конденсатор сняли в третий раз, Буллард задавался вопросом: каким образом «Поллукс», если прикажут, доберется до Нептуна? И что он там сможет сделать, если доберется? Буллард пожал плечами и выбросил эту мысль из головы. Теперь это забота Чиннери.

Буллард перевел взгляд на осточертевшего адъютанта, который стоял перед ним с неизменной запиской в руках.

Вяло взяв записку, Буллард прочитал:

«В свете нашего вероятного скорого отбытия на одну из планет, вы обязаны провести ряд необходимых действий, чтобы не допустить доставку контрабанды на корабль. Раздел 10009 Правил».

Буллард помрачнел. Он, и не заглядывая в «Правила», знал, о чем шла речь, — это был единственный параграф в Уставе, выполнить который не осмелился бы даже самый дотошный штабной буквоец. Это был параграф, который касался Нептуна и Плутона. Марсианская йола-йола, запрещенный напиток, была единственным средством против загадочной невидимой радиации, излучаемой этими двумя холодными и гористыми планетами. Там она не опьяняла, а была жизненно необходима. Но поскольку у руля стояли земные пуритане, Космической Страже до сих пор не удалось отменить этот параграф. Поэтому неписанные правила службы требовали просто закрывать глаза на его нарушение.

Молодой офицер знал, что команда матросов, которая возвращалась из увольнения, достаточно опытна, чтобы спрятать контрабанду и спасти лицо дежурного офицера, который будет обязан провести формальный обыск. Он взглянул на часы. По времени Ио — спутника Юпитера — уже перевалило за пять. Скоро шлюпки начнут возвращаться. Буллард, охваченный тревогой, встал и направился

к выходу. Он уже разбирался в методах Чиннери и теперь опасался провокации.

— Что это за штука? — спросил Буллард лейтенанта Питто, палубного офицера, показывая на выставленное возле трапа устройство.

— Переносной флюорескоп, сэр. Согласно приказу капитана. Он выставил трубу с рентгеновским излучением для обследования всего пространства в проходе.

Буллард нахмурился и поспешил в свою каюту. Подавлять гнев он недавно научился, но в некоторые моменты справляться с собой ему было особенно сложно. Он разгадал коварный замысел капитана. По-видимому, Чиннери, когда это входило в его планы, тоже умел обходить нормы и правила. Чтобы убедится в своей правоте, Буллард открыл том под названием «Отношение к личному составу». Да, он тоже существовал. У матросов тоже были какие-то права.

«14074: Ни одна особа, находящаяся на службе, — ни она сама, ни ее личные вещи — не подлежат досмотру, кроме случаев с явной или значительной причиной. Кроме случаев подозрения в краже и когда известно, что матрос находится на плохом счету, утверждение моряка об отсутствии у него контрабанды считается достаточным...»

Итак, предстоял обыск, который не был обыском. Липкий, грязный способ запятнать репутации сотен матросов и взвалить за это ответственность на него, их командира. Буллард захлопнул книгу. Ни черта у него не выйдет!

Спустя двадцать минут Буллард спрыгнул с одного из гироскоптеров, выполнявших на корабле роль паромов. Место для посадки еще было пустым, но скоро его заполнят моряки с пакетами, полными разрешенных товаров, среди которых будет припрятана и запрещенная йола-йола. А на корабле их будет поджидать капитан Чиннери со своей ловушкой.

— Придержите следующую шлюпку до моего возвращения, — бросил Буллард лейтенанту Карлсону, стоявшему на берегу. С этими словами он поспешил к ближайшему бару.

По дороге Буллард встретил немало моряков с «Поллукса», направлявшихся к парому. Они робко салютовали, явно продолжая мучиться от своей безупречно уставной униформы, вид которой делал их на берегу париями.

Когда Буллард добрался до бара, он был пуст. Ну, или почти пуст. В одном из темных закоулков, к тому же закрытом стойкой, сидел помощник капитана — корабельный писарь Норвик. Когда за Буллардом хлопнула дверь, он заметил, как Норвик сложил блокнот и спрятал его в карман. На столе стояла шеренга бутылок, большинство из которых были пустыми. Бармен из огромной бутыли переливал в пустые бутылки жидкость нежно-фиолетового цвета — *йола-йолу*.

«Так, — подумал Буллард, — проверил и перепроверил». Главный шпион Чиннери собирал улики на месте преступления!

Буллард встал и размашистым шагом вышел из бара. Он увидел достаточно. Пузатые бутылки, выставленные на столе, позволили ему понять, как именно на корабль будет

проноситься контрабанда. А присутствие шустрого адъютанта капитана возле рентгеновского аппарата у трапа «Поллукса» показало, как Чиннери собирался сделать подножку ему и всему экипажу.

Буллард приближался к пристани, пылая от гнева. Но возмущение не затуманивало его разум. С каждым шагом он продумывал способы, которые можно было противопоставить козням Чиннери. Как и в ту минуту, когда Буллард предложил экипажу двусмысленное «сотрудничество», главным его желанием было предотвратить настоящий бунт. Он хотел спасти экипаж и младших офицеров от узколобого и некомпетентного капитана. Их провоцировали на каждом шагу, их подвергали придиркам и упрекам. Буллард опасался их явного возмущения. Ведь в таком случае проиграют все.

Эту ситуацию он считал очень неприятной. Как и экипаж, Буллард был способен на безоговорочное подчинение — под компетентным руководством. К сожалению, даже замечательному экипажу «Поллукса» приходилось выполнять приказы какого-то манекена, а не капитана, — человека, который прятал свою некомпетентность за уставными условиями. Однако подчиняться ему приходилось. Стало быть, именно этим и надо было воспользоваться.

Когда Буллард добрался до пристани, сердце его упало. Карлсон закончил беглую проверку и уже запускал матросов в шлюпку, ожидавшую взлета. Это было плохо — ведь если у матросов найдут алкоголь на пароме, это будет

означать, что они пронесли его на борт «Поллукса». Теперь предупредить матросов, оставаясь вне юрисдикции Космической Стражи, уже было нельзя. Буллард слышал шаги Норвика за своей спиной, поэтому вернуть матросов на берег, чтобы они избавились от контрабанды, было бы хуже, чем ничего не сделать. Поменять свои планы Булларду пришлось мгновенно:

— Всем выйти из шлюпки. Построиться на берегу.

Лица матросов вытянулись от удивления, но все же они сошли на берег и построились.

— У меня приказ, — медленно сказал Буллард, — убедиться, что на борт не будет пронесена контрабанда. Но прежде, чем опросить вас по этому поводу, я проверю состояние вашей формы.

Буллард обратился к патрульному, который стоял тут же, поигрывая своей дубинкой.

— Одолжите-ка мне ее на минутку, — сказал он, забирая у патрульного дубинку.

Встав перед первым матросом в строю, Буллард осмотрел его сверху вниз. Узкие брюки не позволяли что-либо в них спрятать. Понятно, что вся контрабанда лежала в нагрудных карманах. Буллад поднял дубинку и слегка постучал ею по груди матроса. Раздался глухой звон.

Теперь Буллард ударил сильнее и перешел к следующему матросу. Буллард слышал, как за его спиной звякают падающие на пристань осколки, но он не оглядывался. Предварительный удар, затем резкий... Каждый раз слышался глухой треск, а на кителях матросов появлялись медленно расползающиеся пятна. Буллард по-прежнему не огляды-

вался. Где-то за его спиной захихикали, но лицо молодого офицера не изменилось.

Пройдя вдоль строя, он четырнадцать раз услышал звон и столько же раз ударил. Затем Буллард встал перед строем и, глядя в глаза матросам, а не на фиолетовые лужицы возле их ног, произнес:

— У кого-либо из вас есть при себе контрабанда?

— Нет, сэр!

Матrosы ответили хором, как по команде. Лицо Булларда начало расплываться в невольной улыбке, но он сдержался.

— Всем зайти на шлюпку! — приказал он.

— Когда будете на борту, — сухо обратился Буллард к Каррику, — сможете поближе ознакомиться с работой вза-шего рентгеновского флюороскопа. Капитан Чиннери уже приготовил его и стоит у трапа.

— С-сукин же с... — понесло Каррика.

— Заткнись! — прорычал Каррику Бентон. Потом он сказал коммандеру: — Спасибо, сэр, мы отправимся на следую-щей шлюпке.

— Замечательно, — ответил Буллард.

Бентон развернулся и махнул рукой матросам, подхodившим к шлюпке:

— Стойте, ребята, я хочу с вами поговорить.

— Поехали, — сказал Буллард рулевому, усаживаясь возле промокших, источавших запах йола-йолы матросов, кото-рых он только что проверил. Буллард покосился на писаря, севшего напротив. Лицо писаря скривилось в ухмылке — он как будто смаковал удачную шутку. Затем Буллард взглянул

на уносящийся пейзаж Ио. Он пожал плечами. На *этой* шлюпке контрабанды нет. И никто не сможет доказать, что она там была.

— Вы педантичный тип, Буллард, вот и всё! — от злости Чиннери повысил голос до крика. — Вы были обязаны задержать этих матросов, изъять бутылки как доказательства и привести их ко мне для...

— Моя обязанность, — спокойно ответил Буллард, — это проведение действий, необходимых для предотвращения доставки на борт контрабанды. Насколько мне известно, она сюда не попала. Приказ, который предписывает мне такую обязанность, хранится у меня в ожидании суда по делу «Поллукса», который...

— Будьте уверены, трибунал вы уже заслужили! — рявкнул капитан. — У меня есть независимый свидетель, который видел эти бутылки с йола-йолой...

— Видел бутылки, наполненные бледно-фиолетовой жидкостью, — спокойно уточнил Буллард. — К несчастью, это были хрупкие бутылки. Их содержимое вылилось. Невозможно доказать, что было в этих бутылках. Насколько мне известно, это был одеколон из цветов плимриса, который произрастает на Ганимеде.

Раздались звуки корабельного колокола.

— Неважно, — сказал Чиннери, сменяя злость триумфом. — Следуйте со мной к трапу. Как только я узнал о вашем малодушном поведении, я отправил сообщение береговой охране, чтобы они прекратили ощупывать животики.

Буллард последовал за Чиннери. Охватившие его чувства были довольно противоречивы. Он был совершенно уверен в находчивости Бентона. Что же получится из предупреждения, которое он успел ему сделать?

— Вот эти трое, — отрапортовал адъютант Пито, показывая на трех моряков, стоявших у подпорной стенки. — Остальные чисты.

— Ага! — обрадовался Чиннери, посмотрев на встревоженного Булларда. — Я же вам говорил.

Моряками, стоявшими перед ним, были знаменитые корабельные старшины — Бентон, Тобельман и Каррик. Чиннери нагнулся к флюорескопу и прищурился. Каждый из старшин что-то прятал на животе под кителем — это были плоские прямоугольные предметы. Их форму ни с чем не спутаешь — конечно же, бутылки йола-йолы! Сделанные из свинцового стекла, они светились как игрушки на елке.

— Обыскать их! — крикнул капитан, уверенный в успехе. — Раздеть!

— Сэр, мы протестуем, — ответил Бентон. — Мы клянемся, у нас нет контрабанды. У вас нет права...

— Исполнять приказ! — крикнул капитан дежурному боцманду.

Кители тут же были сняты. Из-под поясов протестующих моряков вытащили то, что они прятали.

— Что за... — капитан Чиннери снова и снова крутил свою добычу, но никак не мог понять, что это такое. Этот предмет, сделанный из гипса, был слегка закруглен. На нем красовался грубый барельеф женского лица с подписью

«Сувенир из бариумных шахт Ио. Сделан из нашего фирменного продукта — радиозащитного гипса».

Какое-то время капитан Чиннери тупо смотрел на сувенир, который сжимал в руках. Затем он швырнул его на палубу, развернулся и пошел внутрь корабля по коридору. Вцепившись трясущимися руками в волосы, он бормотал на ходу: «Черт, черт, черт!» Проводив взглядом его силуэт, Буллард рассмеялся. Следом раздался хохот двадцати моряков. Тут пришвартовалась следующая транспортная шлюпка с матросами. Помощник Пито, судя по всему, был совершенно сбит с толку. Теперь он даже не попытался воспользоваться дискредитированным флюороскопом.

Бентон поднял свое гипсовое произведение искусства и сунул его за пояс.

— Кто-то должен мне пинту, — сказал он проходившему мимо моряку.

— Ты ее получишь, — ответил тот. — Даже две.

III.

Их окружали крутые стены кратера Нерея, похожего на исполинский Колизей. Лица людей, находившихся в контрольной каюте «Поллукса», отмечали грубые и мрачные гримасы. Они волновались, и многие из них задавались вопросом: разумно ли они в конечном счете поступили? Корабль с ужасающей скоростью опускался на зазубренный конус в центре кратера, и каждый на корабле знал, что их

судно наполовину было развалиной. Часть его машинного отделения разрушили из-за постоянных тренировочных запусков. То же самое можно было сказать о батарее. Корабль еле работал. Сражаться на нем теперь было весьма проблематично. Между тем экипажу «Поллукса» сообщили, что в этом кратере находится более тысячи матерых головорезов.

И все же моряки, каждый из которых размышлял сейчас над собственным вкладом в воцарившийся хаос, не могли не вспомнить некоторые из высказываний капитана. В тесной комнате то один, то другой вспоминал грубые приказы капитана Чиннери:

- «Когда мне понадобится информация, я сделаю запрос».
- «У меня полно идей, молодой человек. От вас я ожидаю исполнения».
- «Неважно, почему. Я говорю — вы исполняете!»
- «Конечно, это ухудшает результаты стрельбы, но этого требуют правила».
- «Отменить тренировку! У вас впереди написание трех квартальных отчетов».
- «Вы превышаете свои полномочия. С этого момента ожидайте приказы!»

И так далее. Тебя ругали, если ты что-то делал, ругали, если ты чего-то не делал. Когда люди недовольны, вкладывать в работу душу не способен никто.

Капитан Чиннери принял меры против возмущения экипажа, и спуск корабля сопровождался тихой ненавистью моряков. Фрезер наблюдал за горизонтом в поисках логова

бандитов. Вдруг зашипели выхлопные газы. Тут же шипение прекратилось. Чиннери гневно крикнул по коммуникатору в машинное отделение:

- Кто остановил мотор?
- Закончилось топливо, сэр.

Чиннери побледнел. Никто не произнес ни слова, но ответ был очевиден для всех. Причина остановки тоже была всем известна. Они разобьются, потому что водородные трубы вовремя не отрегулировали. И причиной этому был отказ Чиннери дать свое согласие на последний официальный запрос о выдаче урана. Ведь корабль уже израсходовал свою квартальную норму!

Чиннери запустил антигравитационные элементы, но они были слишком слабы, да и сделал он это слишком поздно. «Поллукс» врезался в конус на скорости около девяноста миль в час. От удара корабль высоко подпрыгнул вверх и тут же ударился носом снова. Моряки поднимались, потирая ушибленные места и переглядываясь. Повсюду в отсеках царила разруха.

— Огонь на всех складах боеприпасов! — донеслось из громкоговорителя. — Склады затоплены.

Буллард нахмурился. Его «бездейственное сотрудничество» зашло дальше, чем он ожидал.

Приказы капитана, развешанные на доске уведомлений в запасном командном центре, гласили: затопить склады, если любой из индикаторов покажет пожар! От сотрясения, вызванного жесткой посадкой, индикаторы сработали. И оператор, слепо подчиняясь приказу, его выполнил. Теперь корабельные орудия были бесполезны.

Чиннери, казалось, растерялся. Но он продолжал держать себя в руках.

— Приготовьте торпеды! — приказал он. — Увидев нас в таком состоянии, бандиты смогут атаковать нас в любой момент.

— Не можем, — мрачно ответил Фрэзер. — Не работает ни одна из лебедок.

— Не работает?! — выдохнул Чиннери.

— Так точно. Вы же хотели, чтобы работали старые лебедки — для отчета. Мы выполнили ваше пожелание. Но для этого нам пришлось снять с работающих лебедок моторы. Понадобятся сутки, чтобы вернуть их обратно и привести торпеды в состояние боеготовности.

Раздался звон колокола.

— Со всех сторон кратера к нам приближаются отряды бандитов, — отрапортовал дозорный. — Отряды усилены танками и гусеничной артиллерией неопознанного типа.

— Сделайте что-нибудь, Буллард, — пробормотал Чиннери, взглянув на своего молодого старпома. — Вы же весьма изобретательны.

— Я в вашем распоряжении, сэр, — сухо ответил Буллард. — Какие будут приказы?

— Боевики разворачивают пушку, — сообщил дозорный. — Она находится к западу от нашей кормы. Их пехота заходит со стороны склона.

— Отправьте против них десант, — произнес Чиннери, несколько раз судорожно сглотнув.

— Сожалею, — ответил Буллард, — но отсек стрелкового оружия затоплен. Там же остались наши лучевые ружья. У

нас теперь нет другого оружия, кроме кухонных ножей. Вы же помните свой приказ: оружие должно находиться только на оружейных складах.

Корабль задрожал. Прозвучали краткие команды, а тем временем по бронированному корпусу корабля начал бить свинцовый град. Бандиты пристреливали пушку.

— У пешего отряда на вооружении тепловой бурав, — доложил дозорный. — Они идут к нам с севера.

— Открыть огонь! — прохрипел Чиннери. Он был на грани обморока.

— Чем? — безжалостно спросил Фрезер.

Внезапно Чиннери собрался и выпрямился. Он окинул затравленным взглядом мрачные лица офицеров. Затем обратился к Булларду:

— Вы победили, Буллард. Я с самого начала понял, что в конце концов из нас двоих останется кто-то один. Но устроить бунт — это уж слишком. Я уступаю ради блага корабля. Вступайте в должность. Распоряжайтесь, как считаете нужным.

Чиннери замолчал. Затем он склонился над полкой с картами и его вырвало.

— Открытый мятеж и неподчинение, — пробормотал он. — Черный бунт!

Губы Булларда презрительно скривились.

— Какой конкретно приказ не был исполнен? Вам кто-нибудь когда-нибудь угрожал? Вы развалили корабль, а теперь хотите спрятаться. Потому что вы не знаете, что делать. Вы трусы!

Буллард свирепо смотрел на согнувшегося в три погибели капитана.

— Но в соответствии с вашим любимым полным собранием правил, — продолжал он, не обращая внимания на гранату, стучавших по корпусу, — вы не можете самоустраниться. Пока капитан жив и здоров, он не может быть освобожден от ответственности — никогда!

— Я болен, — простонал Чиннери, оседая на пол.

Буллард взглянул на судового врача, лейтенанта Херилона.

— Да, он серьезно болен, — сообщил Херилон после беглого осмотра. — Диагноз: паника. Прогноз: отвратительный. Иными словами, он негоден для службы.

— Хорошо, — сказал Буллард. — В таком случае я приму командование. Док, не забудьте внести все это в отчет.

Врач улыбнулся. Корабль стал снова управляемым.

Буллард взялся за работу с энергией юного бойскаута:

— Бентон! Разогрейте старые трубы на корме и приготовьтесь включить умеренную тягу.

— Харрис! Возьмите эти две тяжелые лебедки и перенесите их на палубу. Установите их у бортов и поворачивайте корабль, пока мы не развернемся кормой к пушке бандитов.

— Тобельман! Снимите с кронштейнов полдюжины своих торпед, погрузите их на тележки и бережно доставьте в пусковой отсек.

— Карлсон! Вы сделаете баллистические расчеты. Затем мы выпустим торпеды. Вы знаете и о гравитации Нептуна, и о вакууме снаружи. Бентон даст вам таблицы давления.

— Но трубы шире торпед, — возразил Карлсон.
— Я знаю. Обматывайте торпеды проводами, пока они не придутся впору!

Буллард сделал паузу и отдохнул. Тут он увидел позленевшего, забившегося в угол Норвика.

— Вы, капитанский писарь! Возьмите свой блокнот и займитесь делом! — голос Булларда был грубым, а взгляд — тяжелым. — Я хочу, чтобы с этого момента вы записывали каждое нарушение норм. Начните с нормы, под каким бы номером она ни была, согласно которой нельзя использовать инженерные материалы в оружейном отделе. И не забудьте, что если пропустите хоть одну, пойдете под трибунал!

— Есть, сэр, — пробормотал корабельный писарь, доставая толстый блокнот.

Дозорный докладывал снова:

— Бандиты прошли уже половину склона. У них еще какие-то машины, не могу разобрать, какие.

— Фрэзер! — крикнул Буллард. — Сколько вам понадобится времени, чтобы превратить вон тот большой вытяжной вентилятор на верхнем стабилизаторе в центробежный пулемет? Ведь вы разбираетесь в этом?

— Так точно, сэр. Разбираюсь. Около пяти минут!
— Хорошо. Только сделайте это за четыре.
— Есть, сэр. А как же боекомплект?
— На складе Д-60 лежат три или четыре тонны шарикоподшипников. Используйте их.

Через несколько минут Буллард замолчал. Он протер глаза и покачал головой. Его вдруг начало одолевать какое-

то странное недомогание. Внезапно Буллард испугался: а вдруг он неожиданно для самого себя просто рухнет без сил? Он глубоко вздохнул, но это не помогло. Тут Буллард заметил, что у него дрожат руки.

— Уровень радиации становится угрожающим, сэр, — доложил судовой врач. — Несколько моряков уже слегли из-за этого. Я прописал *суприн*, но от него мало пользы.

Буллард понял, что с ним происходило.

— Не тратьте время на возню с этим препаратом, — сказал он нетерпеливо. — Налейте всем йола-йолы.

— На борту ее нет, — ответил Херилон. — Я пытался...

— Что значит «ее нет»?! На борту целые галлоны йола-йолы. Просто спросите Каррика или Тобельмана, или...

Но Херилон уже оправился выполнять приказ.

Корабль содрогнулся — на этот раз из-за отдачи. Карлсон выпустил первую торпеду из кормовых ракетных труб. Спустя мгновение раздался второй залп.

— С той группой бандитов разделались! — радостно отрапортовал Карлсон. — Ха! Ну и сила у этих торпед!

— Помогите Фрезеру с другими.

Через десять минут Буллард, подкрепившийся двойной дозой йола-йолы, с правого борта наблюдал за ужасной гибелью бандитов. Набирая обороты, взвыл мотор высокой мощности. Затем послышались щелчки стальных шариков, ударявшихся о лопасти вентилятора. Град, выпущенный из этого колоссального мушкетона, сразил наступавших пиратов. Секунда, другая — и их загадочная машина стояла без присмотра, в окружении груды трупов.

— Кажется, всё, — сказал Буллард. — Передайте Бентону, чтобы готовился подниматься из этой ямы на старых двигателях. Мы наберем еще урана, как только доберемся до базы.

Адмирал Майк Донган, смотревший на стопку бумаг, которую выложил перед ним Буллард, поднял глаза. Майк, прежний командир Булларда, после своего повышения был отправлен во внешнюю зону в качестве командующего. Именно ему, прибыв на передовую базу Тефии — спутника Сатурна — сейчас докладывал Буллард.

— Однако... — замялся адмирал. Насколько он помнил Булларда по «Поллуксу», тот никогда не выказывал прileжания к бумажной работе.

— Это первая пачка, — пояснил Буллард. — Это всё претензии ко мне. Их составили перед тем, как я взял на себя временное командование...

— Понятно, — ответил адмирал Майк Донган. Просмотрев бумагу, лежавшую наверху, он швырнул всю стопку в мусорную корзину.

— Следующая пачка — про то, что я сделал неправиль-но, чтобы вытащить «Поллукс» из того кратера. До того момента я и не догадывался...

— Правда? — участливо переспросил адмирал Майк. Он открыл ящик в своем столе и аккуратно сложил бумаги внутрь. — Отправлю-ка я эти документы в контроль-ный отдел. — Он закрыл ящик и запер его на ключ.

Буллард не мог знать, как будут восприняты эти доку-менты, но вот такого поступка он от Майка Донгана точно не ожидал. Буллард растерянно молчал.

— Видите ли, — сказал адмирал Майк, глядя на дым своей сигары, — мне поручили подготовить следующий сборник нормативов...

Буллард поморщился.

— ...под названием «Инструкции для действий в чрезвычайных условиях».

Адмирал открыл шкафчик в стене.

— Ммм... и это... это именно то, что нам для этого сборника нужно.

Адмирал достал из шкафчика бутылку с запретным ароматным соком Марса — йола-йолой. Затем он наполнил фиолетовым напитком два стакана.

— Этим утром, перед тем, как капитана Чиннери включили в список уходящих на пенсию, он прислал длинный список ваших... ваших «упущений». Кажется, он именно так их назвал.

— И что же? — Булларда распирало нетерпение.

— Выпьем за них, — сказал адмирал, поднимая стакан и любуясь нежным цветом напитка. Он сделал небольшой глоток.

— Но четырнадцать исков и Бог знает сколько уточнений...

— На которые всем наплевать, — решительно произнес адмирал. — С бандитами вы ведь разобрались, правда? И «Поллукс» на базу вернули. Правильно? Так какого же черта! Пей до дна, парень, ты получил мою старую работу! Теперь ты капитан «Поллукса!»

СКВОЗЬ БЛОКАДУ

Хороший техник может превращать в оружие самые разные вещи, а эффективное оружие не всегда должно убивать.

— А вот и акулы!

Пока шумела сирена, Рэд Лири, старшина-рулевой, пристально смотрел на пульсирующий рубиновый свет датчика. Он записал курс, положил руку на ключ подачи топлива и выжидающе посмотрел на капитана.

— Подожди, — сказал тот, — пока они не спросят про-пуск. Спаркс! Ваш борт укомплектован людьми?

— Да, сэр.

— Крейсер мятежников приближается к левому борту. Через минуту они нас вызовут. Не рискуйте заговорить с ними. Придерживайтесь правил. Я немного боюсь вашего диалекта. Один промах — и с нами покончено.

Почти в тот же момент прозвучал вызов — шумно и настойчиво. Сначала были одни вопросительные знаки. Затем появился вопрос: «Что за корабль?» «Остановите корабль, чтобы принять досмотровую команду».

— Ответьте им, Спарк, — приказал Кемп. — Скажите им «OK».

Рука Рэда двинулась. «Королева облаков» вздрогнула, а затем вдруг накренилась назад, поскольку корабль сбросил ускорение. Все трое посмотрели друг на друга. Вот и началось. В ближайшие полчала все решится. Их изощренный маскарад подвергнется испытанию. Они получат ответы на многие вопросы. Разделят ли они неизвестные судьбы прежних четырнадцати кораблей? В самом деле невозможно прорвать блокаду, устроенную Марсом и Юпитером? Суждено ли им остаться в живых или умереть? Им и всей Земной империи? Рэд сглотнул, Спаркс нервно облизнулся. Кемп, капитан корабля, придирчиво осматривал комнату: не окажется ли так, что они пропустили что-нибудь подозрительное? Ничего не заметив, он облегченно вздохнул. Декорации были расставлены, а спектакль сейчас начнется.

Никто из знавших прежде Джека Кемпа — находчивого и аккуратного молодого лейтенанта Космических вооруженных сил Земли, не узнал бы его сейчас. Его лицо закрывала густая черная борода с искусственными вкраплениями седины — работа специалистов из отдела хромохирургии разведслужбы. Борода гармонично сочеталась с такой же искусственной сединой на висках лейтенанта. Сильный загар, полученный от космических лучей, не был искусственным, но его, казалось, усиливало понощенная униформа, отделанная зеленовато-золотой тесьмой. Каждый дюйм его облика соответствовал тому образу, который он и хотел создать, — внешность потрепанного жизнью шкипера второсортного корабля с Венеры. Экипаж Космических во-

оруженных сил тоже был замаскирован в соответствии со званиями.

Что касается судна, никто из отлично знавших вооруженные корабли Космической линии не смог бы догадаться, что эта потрепанная посудина на самом деле была «Виолеттой» — кораблем, который прославил себя еще до войны, во времена наступательной операции в окрестностях Сатурна.

«Виолетту» замаскировали так же тщательно, как и ее экипаж. Это было сделано благодаря творческой фантазии и безошибочной памяти дюжины оперативных работников лунного штаба.

Не была пропущена ни одна деталь корпуса, оборудования или груза. Оправленный в рамку, прикрученный болтами к перегородке в каюте, бортовой журнал был достаточно потрепанным. Его покрывали уродливые коричневые отметины — как будто какой-нибудь небрежный интендант оставил дверь незапертой, когда судно качалось в паровой атмосфере своего родного порта. Казармы экипажа были украшены интимными снимками доступных женщин, снятых на фоне фантастических пейзажей Венеры. Каждый человек на борту имел не только поддельные лицензии и паспорта, но и письма, написанные разными почерками на влагостойкой венерианской бумаге и имеющей надлежащие марки и штемпели. Снаружи за все неровности в корпусе цеплялись заросли живучего венерианского мха, который процветает даже в вакууме, — его высадил искусственный специалист из лондонского Большого межпланетного ботанического сада. И, конечно же, прямо над но-

сом корабля красовалась непременная полуцилиндрическая ниша — в ней скрывался инфракрасный прожектор, который помогал капитану находить путь в мглистых высотах над гаванью Афродиты. Если в этой декорации что-то и пропустили, недосмотр был случайным, а не намеренным.

Легкая дрожь дала знать о том, что к кораблю пришвартовалась шлюпка. Кемп поднял рубильник, включив свет в шлюзе и сняв напряжение с предохранителя на внешней двери. Затем он снял со стены спортивную модель лучевого пистолета Mark-IX-Heimlitz, сунул его в кобуру и пошел по коридору навстречу своему противнику.

По шипению воздуха он понял, что гости уже вошли в шлюз. В тот же миг дверь распахнулась, и из шлюза вышел хмурый офицер в сопровождении двух матросов со сверхмощными лучевыми пистолетами. С первого же взгляда Кемп понял, что они прибыли с Каллисто, — об этом говорили серебряные ромбы, вышитые на их мундирах. Такую эмблему носили только на Каллисто. В те времена, когда спутник Юпитера Каллисто был исправительной колонией Земли, ромбами отмечалась одежда заключенных. Десять лет назад планета обрела независимость и ее обитатели сделали ромбы своими национальными знаками и открыто щеголяли ими по всей системе.

— Мы вас раскусили, — сказал пришелец-офицер, едва войдя на корабль. Он без церемоний вытащил из-за кобуры Кемпа пистолет и передал его одному из своих матросов. — Оставь этот номер на потом, — добавил он презрительно, когда Кемп отступил назад с изумленным и одно-

времени возмущенным лицом. Затем офицер развернулся и размашистым шагом пошел к отсеку, в котором размещался центр управления. Встревоженный Кемп молча последовал за ним. Офицер абордажной команды оказался не таким уж простым человеком, и справиться с ним будет нелегко.

— Превосходная маскировка, — сказал он, бегло осмотрев центр управления. — Если бы ваши первые корабли маскировали так же, как этот, то на одном из них вы смогли бы выйти сухими из воды.

Надменно осмотрев Кемпа, он сказал:

— Отлично, приятель, затягивай свою песню, я слушаю. Там снаружи, пока мы ждали вас, нам стало скучно, и мы хотим развлечься. Надеюсь, вы придумали что-нибудь новенькое. Рассказ о том, что вы невинный торговый корабль с Венеры, который плывет по своим делам через космическое пространство, уже давно устарел. Но все равно валяйте. Только короче и живее, потому что я эту басню уже знаю.

Кемп пожал плечами и безнадежно развел руками. Пришелец блефовал и Кемп это знал.

— Что же еще я могу вам сказать? Осмотрите нас. Если вы в нас сомневаетесь, проверьте наши документы, трюмы, все, что угодно.

— Сомневаемся? — раскатисто захохотал офицер с Каллисто. — Видите ли, мистер Земных вооруженных сил «не-знаю-вашего-ранга», я в вас нисколько не сомневаюсь. Есть пара вещей, которые я о вас не знаю. Например, ваше имя. Но там, на шахтах, это не будет иметь значения. Вам в любом случае дадут номер.

Он приступил к методичному обыску, ничего не пропуская и при этом подшучивая. Он пролистал корабельный журнал, осмотрел таблички с заводской маркой на каждой части астронавигационного прибора, поскреб по противогрибковой краске, чтобы посмотреть, что под ней, и понюхал ее. Благодаря все еще висевшим в воздухе испарениям гуль-гуля, пахло настоящей Венерой. Офицер посмотрел на большой кувшин высушенных и истолченных листьев гуль-гуля на столе радиста. Из кувшина было взято не больше пригоршни травы, столь ценимой космонавтами Венеры, — значит, с тех пор, как интернированный на лунную базу экипаж «Королевы облаков» оттуда бежал, полдюжины человек выкурили эту траву за день или около того.

Плоское, грубое лицо пришельца засияло. Он ткнул пальцем в почти полный кувшин:

— Ну вот, я же говорил! Пустой кувшин, — почти кричал он, — еще смог бы меня обмануть. Но сейчас я увидел все, что хотел увидеть. Вы, парни, всегда перебарщиваете. Смотрите, дураки: вас интернировали на Луне, а там вы не смогли бы достать эти сорняки. Как вы говорите, на Луне вас продержали под замком целый год, и все это время не выпускали с вашего корабля. И вот два дня назад вы взлетаете с полнехоньким кувшином. Как это могло случиться?

Кемп терпеливо улыбнулся, сверкая из-под бороды тщательно подделанными золотыми зубами.

— Мой друг, вы слишком, слишком подозрительны. У нас этого добра навалом. В трюме вы найдете его тысячи фунтов. Посмотрите в судовой манифест: это часть нашего груза, который мы везем к вам на Ганимед. Правда, мы взя-

ли несколько сотен фунтов для собственного употребления, и нам надо будет уладить это дело с грузополучателем. Но закон позволяет нам в экстренном случае использовать свой груз. А то, что нас захватили эти проклятые земляне, и было экстренным случаем.

Офицер с Каллисто все еще смотрел с подозрением, но он взял манифест и накладные, просмотрел их и отправился на обход корабля. Целый час он рыскал в трюме, но не смог найти среди груза ничего необычного. Трюм был заполнен товарами с Венеры, все они были предметами общей торговли со спутниками Юпитера. Найти какие-либо признаки того, что здесь прячут оружие, ему не удалось. Корабль, как показал осмотр машинного отделения, точно не был судном-ловушкой, то есть боевым кораблем, замаскированным под торговый. Он был снабжен обычновенными вспомогательными генераторами. Корабль с такими двигателями не мог быть и рейдером.

Вернувшись в центр управления, офицер с Каллисто оставил свой насмешливый, агрессивный тон и стал слушать Кемпа более учтиво. Впрочем, было ясно, что он все еще не хотел отпускать корабль.

Кемп продолжал говорить. Он рассказал, как ему не повезло, — его схватили в первую же неделю войны. Жизнь интернированных моряков оказалась тяжелой. Рассказал Кемп и о плачевном состоянии земного флота, и о некомпетентности его офицеров, и о всеобщем отчаянии, которое преобладало на Луне. Особое значение Кемп придавал тому факту, что он успешно противостоял всем попыткам за-

брать с его корабля груз в пользу землян — ведь это было бы нарушением нейтралитета Венеры. Такой поворот событий мог втянуть в войну и ее, причем на стороне противников Земли.

Офицер с Каллисто продолжал хмуриться. Кемп все еще не убедил его. С одной стороны, он не нашел на корабле ничего по-настоящему подозрительного. С другой стороны, здесь не оказалось ничего такого, что нельзя было бы подделать. Кораблю, который мог бы стать трофеиным, офицер не желал оставлять ни единого шанса ускользнуть от него. В то же время он знал, что Венера выступала против возобновления войны, и ему очень хотелось найти предлог, чтобы уладить разногласия Венеры с его родной Каллисто.

Кемп чувствовал его колебания. Он едва заметно подмигнул Рэду Лири. Пора было брать игру в свои руки.

Усыпанная веснушками рука Рэда незаметно скользнула за спину и нашупала кнопку. С третьей попытки ему удалось открыть дверцу шкафчика со звездными картами. Кемп продолжал говорить, упрашивая разрешить ему продолжить свой путь.

— О, черт! — вскричал пришелец, вскакивая с места. К его бешено дергающейся голени прилипло что-то неприлично лохматое и грязно-белое.

— О, извините! — воскликнул Кемп, испуганно бросаясь к нему. Побегав вокруг дрыгавшего ногами офицера, он после ряда неудачных попыток схватил наконец за шкирку странное зловонное животное. — Я должен был вас предупредить про Фло-Фло. Она не любит незнакомцев.

Существо оказалось взрослой мышью-щекотуньей — одним из тех пернатых грызунов, которые так характерны для Венеры. По какой-то причине, непонятной другим обитателям Солнечной системы, — возможно, это был всего лишь предрассудок, — жители Венеры очень любили этих тварей. Еще ни один корабль не вылетел с этой планеты, не имея на борту талисман в виде мыши-щекотуни. При этом они издавали страшное зловоние, воровали всё, до чего могли добраться, кусали своими острыми крупными зубами всех без разбора — как друзей, так и врагов — и имели другие отвратительные привычки. Отвращение землян к этим животным было столь велико, что когда Фло-Фло была конфискована, пришлось обойти чуть ли не все зоопарки, прежде чем в одном из них ее согласились приютить.

Прикончив несчастное животное, офицер еще долго хмурился. Но по мере того, как его проклятия стихали, становилось все более очевидно, что его сомнения насчет «Королевы облаков» рассеиваются. Недовольно фыркнув, он подошел к стеллажу для карт, записал сведения о своем визите в бортовой журнал и расписался в нем. Затем он бросился вниз, кивком приказав двум своим матросам следовать за ним.

— Выбросите отсюда эту мерзкую тварь. С вами я закончил, — произнес он в тот момент, когда двери шлюза закрывались за ним и его спутниками.

— Да, конечно. Спасибо, сэр, — Кемп чувствовал, что может позволить немного вежливости. С проверкой было покончено. В руке Кемп держал список паролей и отзывов на ближайшие три недели, в течение которых можно было до-

лететь до Ганимеда. Офицер с Каллисто поделился этими сведениями, чтобы облегчить кораблю путешествие, — настолько он был убежден в том, что имеет дело с подлинными обитателями Венеры.

— На этот раз пронесло, — сказал Кемп, вновь запуская двигатели. — Теперь мы направляемся к Оберону. Нам предстоит подделать еще одну пачку документов, обменять их на то, что нам нужно, а затем вернуться.

— Думаю, самое последнее сделать будет трудно, — произнес Рэд.

— Трудно? — вмешался Спаркс. — Я бы сказал, почти невозможно.

— Пока у нас есть это «почти», с нами все в порядке — бодро сказал Кемп. — Дайте кораблю еще ускорения. Мы это выдержим.

Пока они не прошли мимо последних астероидов, встречные корабли три раза запрашивали у них пароль. Но пароли они знали, всеобщая уверенность в том, что блокада Земли непреодолима, была железной, и поэтому корабль больше не останавливали и не обыскивали. У Кемпа было время, чтобы обдумать следующие шаги.

Чем больше он размышлял над поставленной перед ним задачей, тем больше его удивляла ироничность ситуации. Земля, владычица обширной Земной империи, в сто раз более населенная и богатая, чем все остальные обитаемые планеты Солнечной системы вместе взятые, оказалась беспомощной в столкновении с двумя своими бывшими коло-

ниями. У них не хватало людей и ресурсов, чтобы вторгнуться на Землю, но бывшие колонии сделали то, что смогли, — перекрыли Земле весь товарообмен с другими планетами. Стратегия была простой. Удерживая земной флот на приколе, они лишат Землю ее последних колоний — систему Сатурна и планеты, которые находилось вне этой системы. После этого бывшие колонии получат контроль над единственным источником энергии, в зависимость от которого попала цивилизация. Тогда Земле придется платить бешеные деньги за сверхмощный эка-уран, который добывают только на Обероне.

Такое положение вещей сложилось в результате слабой и расчетливой политики, которой придерживался Большой Совет после успешного завершения Повстанческой войны десять лет назад. Предоставив трем восставшим планетам гарантии свободы и подписав с ними вечные договоры о дружбе, Земля позволила своему флоту обветшать до такой степени, что от него остался только таможенный патруль. С другой стороны, колонисты, озлобленные долгими годами анархии, теперь хотели большего, чем независимость, — они хотели отомстить. Таким образом, они тайно начали масштабное строительство флота. И когда их флот стал достаточно сильным, они нанесли удар. Земля, застигнутая врасплох, оказалась к этому совершенно не готовой и не смогла нанести ответный удар.

Земляне начали лихорадочно исправлять свою ошибку. Все судостроительные верфи планеты работали день и ночь. Вскоре уже каждую неделю в строй вставали роскошные, оснащенные самым современным вооружением

корабли. Они совершали короткие путешествия на Луну, где их укомплектовывали экипажами и присоединяли к стремительно растущему флоту. За несколько месяцев флот землян почти сравнялся с блокирующей эскадрой. Еще через несколько месяцев он должен был превзойти флот мятежников. И только тогда мир узнал ужасную правду: для такого огромного флота не хватало топлива. Пацифистский и некомпетентный Совет не предусмотрел такого развития событий и не обеспечил флот резервами. Топлива хватало только для одного старта и кратковременного полета. Имевшиеся запасы его следовало сохранять для чрезвычайных ситуаций — таких, как внезапные налеты на города Земли. В этом и заключалась ирония ситуации. Блокада препятствовала доставке топлива, с помощью которого она могла быть с легкостью прорвана. Имея топливо, Земля могла бы располагать всем топливом Солнечной системы; без него она в скором времени должна была капитулировать, потому что топливо требовалось и для гражданских целей. Его нехватка уже принесла много бед и страданий.

То один, то другой корабль отправлялся за топливом, используя при этом всяческие хитрости и уловки. Но назад не вернулся еще ни один из них. Кемпу разрешили сделать последнюю попытку. Если он вернется в течение оговоренного времени, война будет выиграна. Если нет, то придется сдаваться.

Выбор маскировки и выработка плана операции были предоставлены самому Кемпу. Из всевозможных вариантов он выбрал самый простой — добропорядочное торговое

судно, которому не приходится никого опасаться. Кемп догадывался, что предыдущие корабли были разоблачены из-за спрятанного на них секретного оружия, и поэтому решил не брать никакого. Как бы изощренно оружие ни прятали, скрыть его от тщательного обыска было невозможно. Поэтому приходилось изобретать нечто совершенно новое и неожиданное. В подготовку экспедиции Кемп вложил всю душу. Он знал, что ее успех или провал могут зависеть от самой маленькой детали.

Когда он пройдет мимо крейсеров, которые держат блокаду, он должен будет приобрести на Обероне тысячу тонн эка-урана. Из радиоперехватов вражеского радио Кемп уже знал, что Оберон давным-давно взяли войска экспедиционной армии Марса. Документы «Королевы облаков» надо будет изменить таким образом, чтобы они смогли пройти еще один, самый тщательный осмотр врагом. Все упоминания о фиктивном пребывании на Луне должны быть уничтожены, а пункт назначения изменен. Наконец Кемп закончил эту работу. Теперь, согласно документам, корабль направлялся прямо с Венеры к внешним планетам. Капитан корабля был уполномочен продать товар по собственному усмотрению и вернуться. Кемп также позаботился о том, чтобы страница с подписью абордажного офицера осталась в записях. Она показывала, что корабль осмотрели и пропустили.

В Спрайтбурге все прошло гладко. Груз с продуктами Венеры прибыл на опустошенную планету очень своевременно, и лишних вопросов никто не задавал. Кроме того, что Кемпу пришлось поторговаться и сыграть возмуще-

ние по поводу котировок межпланетных валютных ставок, прикладывать особые усилия ему не понадобилось. На второй день, уже разгрузив свой корабль, он повел «Королеву облаков» над Эльфийской грядой и посадил ее возле шахт. Еще через двадцать четыре земных часа его корабль был битком набит драгоценным эка-ураном. Этой тысячи тонн было достаточно, чтобы полностью обеспечить земной флот, и еще оставался запас.

Лишь когда Кемп зашел к начальнику порта за документами, которые удостоверяли оплату пошлины, у него появилось нехорошее предчувствие. В день своего прибытия Кемп имел дело с заместителем начальника, но сейчас на его месте сидел другой человек. И Кемп его тут же узнал. Четыре года назад, когда Кемп служил в Околосолнечном патруле, этот начальник порта находился на Венере в качестве генерального консула Марса. Вполне можно было ожидать, что он хорошо знаком с флотом Венеры. Кемп мысленно поблагодарил свою бороду и седины, потому что в те времена он несколько раз обедал в обществе этого человека.

Начальник порта подписал документы, не сказав ни слова. Протянув их через свой стол Кемпу, он бесцеремонно произнес:

— Вы, я вижу, работаете на компанию «Тернли и Хайтауэр». Пожалуйста, передайте мое почтение мистеру Тернли, когда снова будете на Венере. Кстати, как поживает старик? Мне говорили, что в последнее время он сильно сдал.

— О, с ним все в порядке, — улыбнулся Кемп, убирав в карман документы и «Руководство по управлению нейтральными кораблями», которое ему тоже вручили. Он

старался держаться небрежно, но вряд делал это безупречно. Изучая все, что ему было известно о «Королеве облаков» и ее владельцах, он многое упустил. В кают-компании висело фото, изображающее мистера Хайтауэра, окруженного служащими, перед входом в их офис. Но что касалось его старшего партнера, Кемп не смог разузнать ничего. Теперь же это грозило ему катастрофой. Кемп мысленно взмолился: пусть разговор перейдет на другую тему!

— Значит, в порядке... — задумчиво пробормотал начальник порта, мягко постукивая по столу своими полными, белыми пальцами. — Хм-м-м-м... Право же, совершенно невероятно.

Он задумчиво посмотрел на Кемпа, а затем резко, как будто проснувшись от глубокого дневного сна, встал и схватил его руку:

— Ну что ж, капитан, вы можете отправляться в путь. Следуйте по обозначенной траектории, и проблем у вас не будет. Чистого вам пространства и счастливой посадки. И не забудьте про мое послание мистеру Тернли. Меня зовут Хорнтриммер.

«Королева облаков» уже давно мчалась по траектории XXX-B-37, подчиняясь всем правилам Марса и Юпитера, а Кемп снова и снова вспоминал это короткий диалог. И нравился он ему все меньше. Было в нем что-то неопределенное-зловещее. Почему «невероятно»? Реакция Хорнтриммера была, по крайней мере, необычной. Ведь он разрешил кораблю уйти, хотя задержать его было так легко. А если уж он его заподозрил, то почему все же отпустил?

У Кемпа не было ответов на эти вопросы, однако они продолжали его волновать. Все свободное время он либо бродил по кораблю, либо изучал оборудование в отсеке вспомогательных двигателей. Он ломал голову, пытаясь продумать способы защиты, если до этого дойдет, но не находил ничего подходящего. Совсем ничего. Их штатной электростанции хватало только для того, чтобы управлять вспомогательными двигателями корабля, у них не было ни дюжины запасных киловатт. На борту не было ни единой взрывчатки. Корабль в самом деле не был вооружен. Но если его маскировку разгадают, все пропало. Единственным способом прорвать блокаду было твердое следование плану, разработанному еще на Луне.

Этот план был простым и дерзким, и две трети его уже были выполнены. Оставался последний шаг. Подойдя на расстояние двухсот часов полета к кольцу блокады, состоявшему из вражеских крейсеров, «Королева облаков» должна будет послать условный сигнал и повторять его до тех пор, пока не убедится, что он принят. Затем ей следовало сойти с эклиптики с набором высоты — так, чтобы она могла подойти к Земле с северного полюса, через область, которую патрулировали слабее всего. За несколько часов до прибытия «Королевы облаков» к кольцу блокады, эскадра отборных тяжелых кораблей землян стремительно атакует соседний участок. Последние остатки топлива на Земле будут использованы ими, чтобы привлечь к себе внимание и дать «Королеве облаков» проскользнуть через цепь крейсеров. Крейсеры, которые бросятся навстречу землянам, не будут останавливаться, чтобы осматривать ржавый торговый ко-

рабль, даже если и обнаружат его, — таков был замысел. На такой тонкой нити и висели сейчас надежды землян.

Кемп послал условный сигнал, когда они были уже над астероидами, настроил дефлекторы на резкий подъем и начал набирать высоту. К этому моменту прошло уже восемь часов, как по радиосвязи начали поступать приказы с крейсера, который мчался за ними следом. Но теперь быстрородный «Фоллиот» с Каллисто уже догонял «Королеву облаков» и требовал, чтобы она остановилась. Лицо Кемпа, слушавшего эти приказы, было напряженным и суровым. Теперь ему не оставалось ничего другого, как только повиноваться. Он отдал необходимый приказ.

— Не верю своим глазам! — воскликнул абордажный офицер, когда внутренняя дверь шлюза открылась. — Это ли не мой старый друг с Венеры! Как я рад вас тут встретить!

Перед Кемпом стоял тот самый человек, который проверял их по пути к Оберону.

— Ах да, пока не забыл... Коммодор Хорнтриммер просил меня вам передать, что мистер Тернли умер три года назад. Он был его тестем.

Офицер с Каллисто злобно расхохотался. Затем он повернулся к сопровождавшей его группе:

— Обыщите этих идиотов на предмет оружия и расставьте стражу. Потом можете располагаться сами. Мы доставим эту развалюху по заданному курсу и перезагрузим их топливом наш собственный флот.

Он победно покосился на упавшего духом Кемпа.

Капитан Кемп и его люди не были заперты, но исполнять свои обычные обязанности им приходилось под наблюдением захватчиков. Два их офицера по очереди постоянно находились в центре управления, сидя за пультом в кресле капитана. Вооруженные матросы, готовые выполнить любую команду, стояли в дверях. Офицер, который захватил корабль, — коммандер Тильсен, — принес толстый том с обложкой, закрытой на замок, и начал передавать длинные шифровки. «Фоллиот», который все это время парил по курсу на высоте в десять-двенадцать миль, унесся прочь, оставляя хвост фиолетового пламени. «Королева облаков» должна была продолжать свой путь в одиночестве.

Кемп был вынужден находиться в компании Тильсена и подвергаться бесконечному потоку его злорадных замечаний. Тильсен утверждал, что во время их первой встречи его не удалось обмануть, и что он разрешил кораблю уйти, потому что знал, как легко его при желании перехватить. Но Кемп понимал, что тот лгал, пытаясь сохранить лицо. Тильсен с наслаждением рассказывал, что когда судно будет разгружено, Кемпа отправят на Марс и там позорно повесят как шпиона. И его, и всю команду «Королевы облаков».

Во время первого перерыва на отдых Кемп лежал и беспокойно ворочался в койке. Он снова и снова, уже в сотый раз вспоминал каждую деталь корабля, который так хорошо знал. Он обязательно должен был предупредить Землю о том, что произошло. Но сколько бы Кемп ни ломал голову, он при всем желании не мог придумать оружие, которое позволило бы отбиться от захватчиков. Но однажды,

в тот момент, когда он в сотый раз мысленно следовал по монтажной схеме электропроводки, его вдруг озарило. Эта мысль пришла к нему так резко, как будто он услышал звук гонга. Конечно же, инфракрасный прожектор! На него подавалось напряжение в пять миллионов вольт, хотя сила тока и была пустяковой. Определенно, с этим что-то можно было сделать.

Когда перерыв на отдых закончился, Кемп бодро зашагал в кабину управления. В конструкции корабля имелось несколько деталей, на которые он раньше никогда не обращал особого внимания. Теперь они приобретали новое значение.

На протяжении всей следующей вахты Кемп поднимал глаза к потолку каждый раз, когда он чувствовал, что караульные перестали смотреть на него. Его интересовало точное местонахождение ниши с прожектором, которая находилась на корпусе корабля вверху. Ниша была четко очерчена двойным рядом заклепок, и ее центр находился как раз над креслом с Тильсеном, который многословно рассказывал о пытках, применяемых на Марсе к определенному типу приговоренных узников. Кемп зевал, притворяясь, что слушает, но его ум был занят расчетами предполагаемого расстояния между заклепками. К тому моменту, как вахта закончилась, он уже точно знал, что ему нужно будет сделать, и в течение оставшегося времени вспоминал то, что видел раньше.

Он уже не волновался и не паниковал. Он точно знал, что он хочет сделать. Через пятнадцать минут после того, как караул устроился на отдых, Кемп шел вниз по темному

коридору. Он направлялся в инженерный склад. Кроме стражи в кабине управления и одного захватчика в кабине вспомогательных генераторов, другой охраны на корабле не было. Захватчики были полны презрения к своим жертвам. Они искренне считали, что те ничего не смогут сделать.

Кемп закрыл за собой дверь склада. Спустя мгновение он уже усиленно работал ножовкой, вырезая кусок в шесть футов из медного стержня диаметром в один дюйм, найденного на складе. Отрезав его, он взял напильник и срезал один конец стержня под углом примерно 45 градусов. Эта работа заняла считанные минуты, потому что материал не был твердым.

До этого момента Кемп был вполне доволен, но когда ему понадобился диск из тяжелого металла, он обнаружил, что на складе ничего подходящего не было. Он вынул из смотрового окна круглый затвор и критически осмотрел его. Затвор четырех дюймов в диаметре был сделан из платины. Слишком толстый — не сгодится. Он шарил по ящикам еще четверть часа, но все детали в форме диска были или слишком широкие, или недостаточно широкие, либо они были сделаны из легких металлов, таких как сталь или бронза. Но он должен был найти материал с более высоким атомным числом.

Кемпа начало одолевать уныние, но тут он вспомнил о пригоршне кусков металла, которые получил на Обероне при окончательном расчете за проданный груз. Эти массивные трехдюймовые монеты были отчеканены из золотистого цвета урана-100, сплавленного с небольшим количеством

иридия. По форме, размеру и составу они были как раз тем, в чём Кемп нуждался. Прежде, чем караул закончил отдых, он приварил одну из монет к сплющенному концу медного стержня и отшлифовал этот диск до зеркального блеска. Кемп оставил стержень в углу, вместе с банниками для чистки труб, и, довольный, пошел обратно к своей койке.

Бесконечное, как казалось, дежурство подходило к концу. После того, как Кемпа сменили, он принялся считать секунды — настолько ему не терпелось продолжить начатую работу. Через десять минут все стихло, и Кемп незаметно пробрался на склад. Его стержень был там, где он его и оставил. Он взял с полки и надел космический шлем, затем повесил на плечо сумку с инструментами, взял еще пару гаечных ключей, стержень с золотистой насадкой и направился к шлюзу.

Никто не слышал, как Кемп вышел. Дверь он прикрыл очень осторожно, а корпус был изолирован настолько хорошо, что услышать изнутри легкий стук его обуви было невозможно. Кемп пробрался к прожектору и сложил инструменты возле него. Одну за одной он отворачивал муфты, которые удерживали фокусирующую линзу в оправе. Затем он вынул ее и продолжил работать с фильтрами, которые находились за ней. Через полчаса Кемп добрался до конца вакуумной трубы и разбил ее ударом кувалды. Это было грязной и утомительной работой — на ощупь извлечь сложные нагревательные элементы. Приходилось быть осторожным с осколками вакуумной трубы. Спустя час Кемп очистил трубу от всего, что в ней до этого было.

Затем лег и во весь рост растянулся в полом цилиндре длиной десять футов и один ярд в диаметре. На обоих концах цилиндра были концы кабеля, ожидавшие подключения.

Кемп быстро установил медный стержень на основание — внутренний конец, и приварил стержень к нему. Затем он подключил к стержню конец кабеля. Кемп сделал катод собственного изобретения. Затем он продвинулся к открытому концу ниши и там сделал анод. Покончив с этим, Кемп вернул на место крышку, которую снял, чтобы пролезть внутрь, прикрутил ее болтами и вернулся внутрь корабля. Часы Кемпа показывали, что у него в запасе имеется еще час. Этого было достаточно, чтобы шепнуть пару слов Спарксу, — под его столом находился рубильник, которым включался прожектор.

Когда они заступили на вахту, Спаркс ногой включил рубильник, а Кемп начал наблюдение. Он знал, что для выполнения его плана понадобится некоторое время, но не знал, сколько именно. Он знал, что результаты будут довольно необычными, но не знал, как они будут выглядеть. Однако триста миллиампер, поданные на диск из урана-100 под напряжением пять миллионов вольт, наверняка что-то сделать могли.

Вахта медленно тянулась под обычные насмешки Тильсена. К концу первого часа поток его слов стал более отрывистым, а паузы между фразами — более длинными. Время от времени его лицо стало выражать удивление и досаду. Несколько раз Тильсен снимал фуражку и чесал голову. Казалось, он не заметил, как после последнего почесывания на его плечи упала прядь волос.

— Что, черт возьми, происходит с воздухом? — вдруг прокричал он, вскакивая с места и тут же садясь снова. — Как же у меня болит голова!

Рэд Лири взглянул на индикаторы и назвал показатели. Все было в норме, система кондиционирования воздуха работала совершенно. Тильсен хмуро взглянул на Рэда, как будто не хотел признавать сказанное им. Он снова выпрямился в своем кресле, но начал то и дело наклоняться и хватать себя за ногу. Наконец он позвал одного из своих матросов, стоявших в дальнем конце кабины. Когда матрос подошел к Тильсену, он наклонился и отбросил от своей ноги какой-то невидимый предмет.

— Забери эту гадость и убей ее! — произнес он голосом, полным злобы. — Чертова дикая кошка!

Затем он чуть согнулся на своем кресле, опустил подбородок на грудь и, казалось, грустно задумался. Кемп осторожно проследил за положением Тильсена: не вышла ли его голова из пучка невидимых лучей, источник которых находился наверху. Этого явно не случилось, потому что спустя еще четверть часа Тильсен вдруг вскочил. Его глаза вылезали из орбит:

— Назад! Назад! Полный назад! Айсберг прямо по курсу! — дико прокричал он, вцепившись в пульт. Дрожащая рука Тильсена замерла на стекле циферблата — казалось, холодная гладкая поверхность его успокоила. Он перестал кричать и сел в кресло. Тильсен дрожал всем телом, капли пота стекали с его лица и разбивались о панель. Одно его ухо бил тик — оно дрожало, как лист на ветру. Два матроса подошли к Тильсену и с тревогой посмотрели на него.

— Я могу вам чем-то помочь, сэр? — робко спросил один из них.

Тильсен был суров даже по отношению к самому себе. Он выпрямился в кресле и злобно уставился на матроса.

— Так говорят змеи в этой долине? — прошипел он. Тильсен изогнулся, как будто хотел прыгнуть на несчастного матроса. Его рука потянулась к кобуре и испуганный матрос отступил в сторону. Тильсен, охваченный безумием, выхватил лучевой пистолет и сразил первого матроса выстрелом, который выжег ему половину груди. До того, как второй матрос успел выстрелить в своего командира, он тоже был пристрелен. Затем Тильсен, грязно ругаясь, швырнул пистолет на тело убитого и остановился, раскачиваясь как пьяный.

Кемп наблюдал за ним, затаив дыхание. На что еще окажется способно его изобретение?

Как только в дверях появился другой офицер, за которым толпились матросы, Тильсен, судя по всему, утратил всякий интерес к происходившему. Он начал щипать себя — сначала медленно, как будто сбрасывал с себя воображаемых муравьев, затем все быстрее. Спустя минуту он уже рвал на себе одежду, как будто она горела. Наконец Тильсен издал душераздирающий крик, упал и стал кататься по полу, дергая ногами и кусаясь. Тут соотечественники набросились на Тильсена и защелкнули наручники на его запястьях и лодыжках.

— Что вы с ним сделали? — набросился на Кемпа офицер.

Кемп пожал плечами:

— Он сошел с ума, вот и все. Чем я мог ему помочь?

Офицер смотрел на беспомощного Тильсена, который изгибался у его ног. Даже посторонний человек не смог бы не заметить, что с его головой произошло что-то ужасное. С его макушки и затылка опали волосы, а кожу как будто сожгло огнем. И все же ни одно известное оружие не смогло бы нанести такую рану — лучевой пистолет сжег бы весь череп целиком.

Офицер внимательно исследовал помещение, он даже взял и под разными углами осмотрел пластины, лежавшие возле капитанского кресла. Но рубильник Спаркс выключил уже давно — в тот момент, когда свихнувшийся Тильсен выскочил из кресла. Обнаруженные пластины ничего не показывали.

— Чертовски интересно — пробормотал лейтенант с Каллисто, изучая их. — Это могла быть сильная радиация. Такой эффект не могло вызвать больше ничего.

Лейтенант нахмурился и бросил непонятные пластины в угол. В конце концов, — сказал он сам себе, — Тильсен и был немножко сумасшедшим. Бывали же случаи...

— Я сменю его! — крикнул лейтенант, сердито осмотрев стоявших вокруг него землян.

И он сел в кресло капитана.

— Вот такая история, — закончил Кемп свой рассказ три дня спустя. — Мы сделали то же самое и с его приятелем. После этого справиться с матросами было легко. Двоих мы привезли живыми.

Он стоял перед столом адмирала — коменданта лунной базы. Снаружи, внутри огромного кратера, покоялся по-

трепанный корабль «Королева облаков». Справа и слева от «Королевы» стояли военные корабли — в них перекачивали жизненно необходимое топливо.

— Благодаря атаке, которую вы начали точно в установленное время, нам встретился только один вражеский крейсер. Мы обманули его, и он нас пропустил. У нас была книга марсианских кодов, вы же знаете. Мы трижды отправили сигнал XXX, который в их кодировке означает «срочная конфиденциальная миссия высочайшей важности, не вмешиваться».

— Отличная работа, — произнес адмирал. — Я позабочусь, чтобы вы как можно скорее получили орден Небесного Креста и повышение по службе. Но как же вам...

— Гамма-лучи, — сказал Кемп. — Я знал, что они губительно действуют на организмы. Поэтому мне пришлось сорудить мощную рентгеновскую установку и использовать ее против тех типов. Они ничего не могли заподозрить, пока не стало слишком поздно. Вы же знаете, эти лучи нельзя почувствовать.

Для этого мне понадобилась гигантская вакуумная трубка, катод из подходящего материала и высокое напряжение. За пределами корабля вакуум уже был, а катод я сделал из подручного материала. Напряжение тоже было — оставалось только включить рубильник внутри корабля. Гамма-лучам приходилось преодолевать дюйм иридиевой стали, но это не очень ослабило силу их разрушительного действия. Даже больше того: вторичное излучение облучаемого иридия в составе стали усилило вред, который причиняло им излучение, исходившее от диска из урана-100.

В любом случае, этого хватило, чтобы повредить им мозги. Когда они чувствовали, что происходит что-то неладное, они уже не могли умножить два на два и что-либо предпринять для спасения.

— Это было что-то вроде самодельной трубки Кулиджа¹, не так ли?

— Вроде того — усмехнулся Кемп, снова вспоминая суматоху, которую он устроил при помощи отличного инфракрасного прожектора с Венеры. — Но это сработало.

¹ Приспособление, испускающее рентгеновские лучи (*прим. ред.*)

КОМАНДА ЛЕНТЯЕВ

Командиру космической лодки встретился гигантский линкор противника, вынужденный ему сдаться!

На углу стола в Спайдер-Хинтон-плейс на Юноне сидели три молодых офицера. Один из них барабанил по столовщице беспокойными, нервными пальцами и нарочито хмурился. Двое других как будто развлекались, поигрывая своими бокалами и поглядывая на собиравшихся девушек. Все трое носили серебряные значки в виде полумесяца — эмблемы земной космической стражи.

И сам полумесяц, и смысл эмблемы очень раздражали младшего лейтенанта Алана Маккея, ЗКСРФ, класс 5. На языке официоза это означало просто «офицера ограниченной квалификации» с Резервного флота Земной космической стражи, но для нетерпеливого молодого Маккея и общества в целом, — в том числе для девушек, развлекавших флот, — и для личного состава самого флота это означало отсутствие квалификации, неподготовленность, непригодность. Это означало «полусырой» и «некомпетентный». Это означало, что его владелец, вполне вероятно, — напы-

щенный молодой осел, переодетый офицером стражи. Он может внушительно выглядеть за чайным столиком, но так и оставаться навсегда пустым местом. И Алана Маккея это крайне возмущало.

Его чрезвычайно раздражало то обстоятельство, что своим успехом — ведь он, пока еще младший из Ялнэлов, уже был произведен в офицеры и стал командиром космической лодки КЛ, — Маккей был обязан мощным усилиям своей неугомонной тети Клары. Да, это было так. С хитростью Макиавелли она приводила в действие все пружины, чтобы обеспечить племяннику повышение по службе и непыльную работенку. Он не знал, хотя и догадывался, — об этом говорил результат его недавнего рапорта с просьбой о переводе на более активную службу, — что его личное дело в кадровом отделе было оклеено самыми разными записочками вроде «Не переводите этого офицера на другое место, не уведомив меня. — Верховный адмирал», «Только ПС», то есть «только планетарная служба», и тому подобными. Всякий раз, вспоминая тетю Клару, он мягко чертыхался. А уж сколько проблем создала для совести Маккея его черная неблагодарность по отношению к своей тете!

Кабаре начало заполняться — день клонился к вечеру. Две девушки замедлили шаг возле их столика. Младший лейтенант Хартли призывно помахал им рукой.

— Присаживайтесь, — пригласил он, — и выпейте с нами. Мы свободны до конца дня.

— Вас, ребята, мы прибережем для времен поскучнее, — ответила одна из девиц. — Сегодня здесь будут настоящие

моряки. — Она потянула свою спутницу за руку. — Пойдем, милочка. Ты не позволишь себе остаться с этими типами.

Девушки ушли.

— Сам напросился, дурак, — пробормотал Террел, еще один младший лейтенант. — Ты что, не видел доску объявлений, когда мы выходили из комендатуры? «Поллукс» прибывает. Его здорово потрепали в большой схватке с троянцами. Сейчас он идет на лунную базу для капитального ремонта. У них каждого человека наградили Новой Звездой, а капитан Буллард получил бриллиантовые наконечники для своего Небесного Креста. Для нас лучше всего убраться отсюда и вообще не высовываться, пока «Поллукс» не уйдет.

— Да, — мрачно сказал младший лейтенант Маккей. Лицо его было красным.

Маккей вышел в гардероб, где висели их скафандры. Здесь матросы и офицеры с восьми других лодок КЛ уже снимали свои защитные костюмы, чтобы пойти на танцплощадку. Маккей небрежно кивнул одному, другому... Затем он махнул рукой двум своим младшим офицерам и все вместе они вышли из кабаре.

— Капитан «Поллукса» может проверить нас, — сказал Маккей коротко. — Возвращайтесь на лодку и от드айте ее как следует.

И он с отвращением добавил про себя: «Мы не способны драться, зато можем сверкать своими начищенными железками. Как будто такой человек, как Буллард, заботится, черт возьми, о блеске!»

Ведь для него Буллард был тем же, кем он был практически для каждого парня на всех пяти планетах — кумиром.

Кто не слышал о его подвигах в этой нудной, затянувшейся войне между Федерацией Внутренних Планет и Империей Юпитера? И вот теперь Буллард был здесь! Аллан Маккей вздрогнул. Он должен представиться ему, ибо таковы строгие правила этикета. Все младшие корабельные командиры должны отдавать дань уважения любому старшему. Маккей был одновременно и рад, и смущен. Ведь он был крупным, рослым парнем, имевшим хорошее образование, а на груди носил этот злосчастный полумесяц — клеймо непригодности. Что с того, что он командовал космической лодкой КЛ-331? У похабных флотских песен, как и у жаргона старых небесных волков имелась только одна расшифровка «КЛ» — «команда лентяев».

В самом дурном расположении духа младший лейтенант Маккей смотрел, как за куполом, накрывшим Хебеспорт, на площадку рядом с его собственным кроичечным судном спускается могучий космический монстр. Несмотря на внушительные размеры, «Поллукс» шел вниз легко и непринужденно, и это удивило Маккея, поскольку сообщения о полученных кораблем повреждениях оказались верными. Каждый фут его поверхности свидетельствовал о боях, из которых корабль вышел победителем.

Две трети его носовой части ушли внутрь корабля, а то, что осталось на месте, покрывала голубая окалина — след взрыва гремучего газа. Почти квадратный ярд поверхности «Поллукса» нес наспех наложенный металлический пластырь. Один из стабилизаторов корабля распланился полностью, и массивные потеки застывшего металла протянулись

вдоль всего корпуса до кормы. Неуклюжее, странного вида аварийное устройство находилось на месте реактивных дефлекторов, а от нижней башни в корпусе корабля осталась только зияющая дыра.

Но «Поллукс» спускался аккуратно и без посторонней помощи. Маккей продолжал смотреть на него, пытаясь представить, как он выглядит изнутри. Ведь ни он, ни его товарищи из патруля Юноны еще никогда не ступали на корабль такого класса. Маккею рассказывали, что «Поллукс» от носа до кормы начинен всякого рода механизмами и приборами, но этого он представить не мог. Основной специальностью Маккея в школе были межпланетные языки; все знания по физике и механике он получил на своей маленькой КЛ-331.

Маккей увидел, как открылся шлюз корабля и кто-то, должно быть Буллард, вышел из него в сопровождении нескольких людей. Они пошли через поле ко входу в купол, как вдруг неожиданно остановились на середине и стали смотреть вверх. Издалека летел небольшой корабль, и, судя по короне яркого пламени над ним, он сбрасывал скорость. Несмотря на то, что Маккей служил недавно и вообще в космонавтике разбирался не очень хорошо, смысл этой картины был ему ясен. Это летела одна из прикрепленных к Большому Совету курьерских лодок особого назначения. Ничем, кроме экстренной ситуации, нельзя было объяснить форсированную работу ее двигателей.

Группа Булларда продолжала стоять на прежнем месте до тех пор, пока лодка не приземлилась. Из нее выбежал курьер, который через все поле побежал к Булларду. Мак-

кей увидел, как Буллард взял у него белый конверт. Он вертел его в руках, в то время как курьер, сильно жестикулируя, что-то говорил. Буллард сначала отрицательно помотал головой, затем кивнул, и курьер пошел обратно к своей лодке.

Что бы капитан Буллард ни собирался сделать изначально, прибытие курьерской лодки явно изменило его планы. Вместо того, чтобы продолжить путь к куполу, он отправился прямо к стоянке, на которой выстроились лодки КЛ. Маккей объявил тревогу своим людям, и послал одного человека оповестить экипажи других лодок.

Мурашки бегали по коже Маккея, когда он стоял возле своей лодки и ждал. Его КЛ, прибывшая первой, стояла теперь в конце всей шеренги, и пока Буллард не проверил все лодки, он не подошел к нему. Наконец, они оказались лицом к лицу. Буллард бодро ответил на приветствие младшего по званию и спросил:

— Разрешите вас проверить, сэр?

Маккей молча кивнул, но в этом уже не было необходимости. Буллард прошел мимо него и оказался внутри лодки. Маккей пропустил офицеров, сопровождавших Булларда, а затем вошел сам. Буллард осмотрел половину КЛ-331. Он вышел из очередного закутка, заглянул в машинное отделение, перешел в кабину управления, затем обернулся к одному из адъютантов.

— А это, пожалуй, лучшая лодка в группе. Не так ли?

Офицер, к которому обратился Буллард, кивнул.

Буллард привычной рукой ощупал тумблеры и кнопки на панели управления, затем взглянул вверх. Мрачная

улыбка мелькнула на его лице, но Буллард подавил ее. Он внимательно посмотрел на Маккея. Тот задыхался, как рыба, вытащенная из воды. Во взгляде капитана «Поллукса» мелькнуло любопытство.

— Один из моих людей, сэр, — выпалил Маккей, покраснев до корней волос. — Он получил это для передачи. Мы решили повесить это здесь.

«Это» было маленьким шелковым флагом — маленькая красная звезда на бледно-голубом фоне. Такие флагшки висели в миллионах домов на Земле, Венере и Марсе. Это был флаг действительной службы. Он означал, что член семьи ушел на войну.

— Ну и что, — спросил капитан Буллард, — вы думаете по этому поводу?

Теперь улыбка исчезла с его лица. Взгляд капитана стал пронзительным и жестким. Он ни разу не отвел взгляд от глаз Маккея, но у того возникло чувство, что его осматривают с головы до ног. Во взгляде Булларда он не нашел намека на то, каким должен быть ответ.

— Да, сэр, — слогнул Маккей. — Мы думаем.

Капитан Буллард продолжал безжалостно смотреть на него. Маккей понял, что от него ожидали большего.

— О, сэр! — взорвался он. — Я сам ни о чем не просил! Это была безумно любящая тетя. Я пробовал и пробовал, но они отклоняли мои письма! Это, это...

— Довольно! — сказал Буллард жестко, будто гвоздь забил. — Важно не то, что вы делаете, а как вы делаете. Есть старая пословица: «Тот, кто стоит и ждет, тоже служит». Вы не знаете артиллерийской стрельбы. Вы, смею сказать, не

отличите один конец торпеды от другого. Возможно, вам не хватает других знаний, необходимых для нашей профессии. Вот и все, что означает для меня ваш полумесяц. Однако кое-что вы все-таки знаете. И важно не только то, что вы знаете, но и то, как вы используете свои знания в чрезвычайной ситуации.

Младший лейтенант Аллан Маккей, ЗКСРФ, класс 5, растерянно кивнул. Слова Булларда были разумны и даже утешительны. Но в глубине души Маккей знал, что он нес бесполезную и унизительно безопасную службу — в тот момент, когда на карту был поставлен ход истории. Капитан Буллард повернулся к сопровождавшим его офицерам.

— Я бы хотел поговорить с младшим лейтенантом один на один, — тихо произнес он.

Когда офицеры вышли, Буллард снова обратился к Маккею:

— У вас есть шанс. Вы видели, как спускалась курьерская лодка? Фактически она вышла из строя. И отремонтировать ее не удастся даже за несколько дней. Ее капитан вручил мне депешу, которая должна быть передана дальше. Она представляет собой сверхсекретное и срочное сообщение, которое не может быть передано по радиосвязи. Оно должно быть доставлено лично главнокомандующему силами противника, передано в его руки, а если это окажется невозможно, послание должно быть передано ему в устной форме. В настоящее время он блокирован в системе Юпитера. Как скоро вы сможете отправиться?

— В течение часа, сэр, — ответил Маккей. Теперь, получив то, о чем он просил, младший лейтенант испугался.

Справится ли он с заданием? Что будет, если он потерпит неудачу?

Но Буллард ни в чем не сомневался. Он достал конверт, который Маккей уже видел издалека. Конверт был покрыт тяжелыми государственными печатями.

— Депеша, — сказал Буллард, — написана на простом английском языке, она не зашифрована, и на то есть причина. Красные буквы «СР» в нижнем правом углу означают «сообщение, связанное с риском». Вам разрешается при угрозе захвата или утраты документа открыть конверт, прочесть депешу и запомнить ее смысл. После этого вы должны будете съесть ее или полностью уничтожить другими способами. Затем вы должны любой ценой передать сообщение главнокомандующему. Передавать его кому-либо другому нельзя даже под пытками. Готовы ли вы взять это на себя?

Маккей посмотрел в стальные глаза Булларда и увидел нечто такое, от чего не мог уклониться. Вопрос капитана был не вопросом, а приказом.

— Готов, — сказал он просто, и протянул руку за сообщением.

— Попрошу вашу подпись, — спокойно ответил капитан Буллард.

Рука Маккея дрожала, когда онставил подпись. Но когда Маккей закончил эту процедуру, младший лейтенант был награжден дружеской улыбкой человека, которого так давно и сильно обожал, а мгновение назад так боялся.

— Запомните, мистер Маккей, — Буллард взглянул на конверт, — если вы окажетесь в руках врага, вы будете предоставлены самому себе. Все будет зависеть от вашей со-

— Готов, — сказал он просто, и протянул руку за сообщением.

образительности и от ваших способностей действовать. На вас возлагается огромная ответственность. Не бойтесь ее.

Имейте в виду, что в сложном, чрезвычайном положении любое действие лучше бездействия.

Маккей смутно ощущал, как ему пожали руку и похлопали его по плечу. Затем герой его детских мечтаний ушел. Секунду спустя Маккей очнулся и нажал кнопку общей тревоги. Чтобы стартовать через час, предстояло сделать еще многое.

Удаляясь от Хебеспорта, Маккей взглянул на него с высоты еще раз. Купол с учебной войсковой частью и кабаре возле него выглядели как десятицентовая монета на тротуаре при виде с пятого этажа, а темные корабли, лежавшие на озоновом снегу, казались мухами — одна крупная и несколько точек. Ни Хартли, ни Террелу Маккей не сказал, куда и зачем они направлялись. Он только назвал курс и пообещал все объяснить в свое время. Хартли был помощником Маккея по астронавигации, а Террел управлял двигателями. Помощником Хартли был Рэд Дунган — рыжеволосый, веснушчатый старшина-рулевой, а помощником Террела — Билли Келси, радиост, более известный по кличке Спаркс. Он один из них не носил серебряного полумесяца. Этот старик из Резервного флота в свое время побывал на первых марсианских войнах.

Никогда прежде Маккей не испытывал такой большой ответственности. По своим общим характеристикам КЛ-331 была очень похожа на его собственную яхту, и Маккей никогда не сомневался в способности управлять этой космической лодкой. Ее вооружение было ничтожным — оно состояло из десятимиллиметровой игольчатой пушки,

пригодной только для того, чтобы взорвать с ее помощью бродячую мину. Лодка КЛ предназначалась для патрулирования, а не для сражений. Но теперь она должна была сражаться или бежать, а поскольку не могла делать первого, оставалось только последнее. А это, как показали быстро сделанные расчеты, было почти невозможным.

Маккей еще продолжал соображать, как, с учетом их низкого ракетного радиуса, набрать оптимальную скорость, чтобы сохранить достаточно топлива на случай чрезвычайной ситуации, как вдруг именно такая ситуация и пришла. О ней сообщил рулевой Рэд. Он следил за космосом при помощи не слишком чувствительного термоскопа Марк-1, которым была снабжена КЛ-331.

— Там впереди что-то большое, — доложил он.

Рэд вытащил книгу, которая содержала схемы разных комбинаций инфракрасных лучей, исходящих из смешанных веществ. Он ломал голову над перекрестными ссылками, пока не наткнулся на группу цифр, которая соответствовала показаниям термоскопа. Маккей прочитал:

«ЛТ-848-501, перегруженный пятнами типа Ф: с атомным двигателем тип ББ при отключенной нормальной тяге, но работающей вспомогательной. При нормальной интенсивности обычно составляет пять единиц расстояния. Для других показаний применить правило обратных квадратов».

Это могло означать только то, что они приближаются к линкору с Юпитера самого мощного класса! Потому что

Федерация не могла похвастаться больше ничем, кроме таких высокоспециализированных крейсеров звездного класса, как «Поллукс».

Тут зашипел телеголосовой передатчик и сквозь треск эфира донесся гортанный голос:

— Фрэтэндон? Сезрэйк най оут флотц-крайген заб снагелбискери фрэтэндон?

— Что это? — воскликнул Хартли.

Сообщение повторилось и Маккей еще раз его прослушал. Он лучше читал тексты на языках Юпитера, чем воспринимал их на слух.

— Он хочет знать, земляне ли мы. Он говорит, что если да, то мы должны поравняться с ним и остановиться.

Пока Маккей говорил, он переключил реактивный дефлектор на режим пикирования и круто повернулся направо. Одновременно он включил тумблер максимальной скорости.

— Управляйте, Хартли. Мне надо кое-что сделать.

Предчувствие того, что он может не выполнить полученное задание, почти вывело Маккея из равновесия. Его голосовые связки напряглись и перестали действовать, холодный пот выступил у него на лбу и стекал по его спине. Он знал, что настало время уничтожить важное сообщение. Маккей все еще колебался. Сможет ли их догнать линкор с Юпитера? И как этот линкор, каким бы большим он ни был, смог прорваться через тучу крейсеров, которые кружились вокруг Юпитера и его планет?

Он остановился, все еще нерешительно сжимая запечатанный конверт. Тут в кабину просунул голову Спаркс:

— Получено сообщение с «Поллукса». Сейчас я его расшифрую.

Он хлопнул дверью.

— Как наша обстановка? — беспокойно спросил Маккей Хартли.

— Паршиво, — ответил Хартли. — Корабль вошел в поле видимости — большой, с белыми и черными щелями на его боках — он сейчас накапливает энергию.

Спаркс шагнул в комнату. Маккей прочитал листок, который ему вручили:

Для Вашей информации: ПЕРЕХВАЧЕНО — генеральный директор — главнокомандующему: полное отступление согласно отданному приказу. Ожидайте дальнейших приказов с марсианской базы. Курьерский корабль, примите к сведению изменение целевого назначения.

Маккей не ждал более ни секунды. Его дрожащие пальцы разорвали драгоценный конверт и вынули тонкий лист бумаги. Теперь он знал, что по какой-то причине блокада была снята и флоту Юпитера позволили выйти. Он расправил бумагу и начал читать.

Он пропустил витиеватый заголовок. Письмо было от Большого Федеративного Совета к главнокомандующему военным флотом Юпитера. Первый абзац был полон лестных слов об успехах флота. Во втором шла речь о трудностях, выпавших на долю трех планет, о миллионах потерянных людей и об израсходованных триллионах денег. Налоговые тяготы стали невыносимыми. В третьем параграфе говорилось:

«До сих пор мы надеялись, что наша блокада Юпитера в конечном счете принесет положительные результаты. Но согласно последним сведениям, в этом году все спутники Юпитера собрали небывало богатый урожай флерига, а стада лизвертов, благодаря их интенсивному разведению, стали больше, чем до начала войны. А поскольку противник теперь имеет неограниченные ресурсы, мы больше не можем надеяться на победу. Поэтому издан приказ о стратегическом отступлении.

Проинформируйте Его Императорское Величество, что полномочная комиссия направляется к нему с просьбой о немедленном перемирии. Уведомите его, что наши условия в целом будут следующие: признание господства Юпитера над всеми внешними планетами и спутниками; разделение астероидов в соответствии с решением конференции, на которой также будет определена сумма контрибуции, которую мы будем выплачивать».

Маккей побледнел. Это было невероятно! Федерация складывает оружие теперь — после освобождения половины планет от безжалостных и агрессивных каллистианцев, после побед во всех главных сражениях войны. Причем они соглашались дать императору Юпитера — самозванцу, который до войны был простым каллистианским наемником, — больше, чем тот смел надеяться когда-либо заполучить. И в дополнение к этому позору еще и обещание выплачивать контрибуцию!

Маккей еще раз пробежал глазами депешу. Вдруг КЛ-331 сильно вздрогнула и накренилась.

— Они подцепили нас тяговым лучом, — прокричал Хартли.

Маккей оторвал от депеши полоску, свернул ее и положил в рот. Затем оторвал еще кусочек, еще один, и еще один. К тому времени, когда небольшое патрульное судно землян было посажено на линкор захватчиков, Маккей проглотил последний кусок бумаги. Конверт он обратил в пепел и растер его пальцами.

Телеголосовые передатчики заговорили снова:

«Лю сунт аф трэбл виттервэнг — ЛОШТ!»

— Вежливые, черти, — пробормотал Маккей, подвешивая к поясу кортик с золотой рукоятью, который был церемониальным потомком меча. — «Будут ли его превосходительство добры взойти на борт нашего корабля — ПОЖАЛУЙСТА!» — горько передразнил он.

Сказать, что младший лейтенант Алан Маккей удивился, войдя в недра линкора «Дрэвел», означало бы сильно приуменьшить силу его впечатления. Он был, если выражаться наиболее точно, просто поражен.

Вдоль коридора выстроились восемь дежурных. Тут же стояла шеренга из четырех музыкантов — с помощью труб *цзыбл* они исполняли чрезвычайно неприятную, хотя и характерную для планеты Ио, мелодию, оказывая тем самым Маккею императорские, а вернее, какофонические почести. Два гигантских барабанщика выбивали дробь. Позади всех стоял адмирал в золотых кружевах со своей свитой. Все

были предельно изможденными, хотя и носили пышные наряды.

Маккей неловко отдал честь. Он поразился, увидев, как адмирал отвешивает низкий поклон и снимает со своего пояса собственный кортик. Приняв вертикальное положение, он сделал два шага вперед и протянул кортик Маккею.

— Пжалста, вы возьмите. Мы очень ужасно, но земляне в порядке. Теперь забирать шлюпка и уходить. Может так Ио достать «Дрэвел» другое время, нет?

Он умоляюще посмотрел на Маккея.

— Я думаю, будет лучше, если мы побеседуем на языке Ио, — предложил младший лейтенант Маккей, машинально забирая у адмирала знак капитуляции. Он не знал, что с ним делать, поэтому повертел кортик в руках и вернул его адмиралу. — Если я правильно понял, вы мне сдаетесь? — спросил он, все еще не веря сам себе.

— Да, — сказал адмирал, делая очередной низкий поклон. Он жестом показал, что можно пройти для беседы внутрь корабля.

Они прошли по длинному, надраенному до блеска коридору. Маккей только головой вертел, смотря через взрывозащищенные прозрачные перегородки на скопления огромных вакуумных труб, нагромождения конденсаторов и трансформаторов, чрезвычайно сложные механизмы, составленные из странно расположенных спиралей, светящихся сфер и буквально милей светящихся проводов. Он не имел не малейшего понятия о том, как назывались эти машины, и каким было их предназначение.

Адмирал ввел Маккея в роскошный кабинет и с облегчением сел в кресло. Он выглядел очень слабым. Вся свита адмирала таинственно исчезла.

— Мы разрушили наш корабль сопровождения. Этот корабль был полностью укомплектован каллистианцами. Мы также убили всех каллистианских офицеров на борту. Мы сумели пройти мимо передовых кораблей вашей блокады и дошли вот до этого места. Но я боюсь, что мы не можем идти дальше. По этой причине я вверяю корабль вашей проекции.

Маккей моргнул. Его протекции! Он вспомнил «микро-Берту» — десятимиллиметровую пушку, которой была оснащена его КЛ-331. Это было слишком глупо, слишком по-дурацки. Все это казалось сном. Но адмирал продолжал говорить искренне и с мольбой. В чувство реальности Маккея вернула серия судорожных толчков, сотрясших корабль.

— Мои офицеры и весь экипаж взлетает на спасательных шлюпках, — пояснил адмирал. — Одну они держат свободной для меня. Я должен вернуться как можно скорее.

— Ну-но...

— Я Джелликет. Вы, должно быть, слышали обо мне. Я одним из первых выступал за союз спутников Юпитера. Конечно же, я и понятия не имел, какими тиранами окажутся каллистианцы, и какой безумец их возглавит. Мне не надо рассказывать, как Европе и Ганимеду пришлось к нам присоединиться, и о наших последующих завоеваниях. Империя превратилась в пустую оболочку. Она перезрела для распада и уничтожения. Весь урожай флэрига

пропал. Наши когда-то огромные стада лизвэрдов вырезаны до последнего животного...

Маккей вздрогнул. Вот пример того, как может обезвредить противника умелая пропаганда!

— У каллистианцев сейчас уже больше восстаний, чем они могут подавить. Когда-нибудь они падут, ибо люди голодают. Ваша блокада, мой юный друг, уже победила их. Вы удивляетесь, почему я передаю вам этот линкор. Я вам скажу, почему. Мы выслушали вашего руководителя, и мы ему доверяем. Он сказал, что целью войны с нами является освобождение народов. Очень хорошо. Наступит день, когда Ио понадобится флот. И мы желаем, чтобы эти корабли, на которых всегда служили только ионийцы, были освобождены и сохранены как ядро нашей будущей нации. Мы не доверяем вашим союзникам, марсианам. Они либо присоединят их к собственному флоту, либо уничтожат, чтобы они не попали в руки другим.

Адмирал улыбнулся с надеждой.

— Теперь, когда я благополучно передал корабль в ваши руки, можно мне получить ваше разрешение вернуться к своему народу?

— Да, конечно, — холодно произнес Маккей.

Он был слишком удивлен, чтобы добавить к этим словам еще что-нибудь. Адмирал тут же поднялся и вышел. Мгновение спустя корабль получил последний специфический толчок. Младший лейтенант Маккей почувствовал, что у него по коже бегают мурashki. Он, обладатель дурацкого полумесяца на кителе, стал командиром крупнейшего небесного линкора. «Дрэвел» был брошен экипажем, но еще

вчера даже такие корабли, как непобедимый «Поллукс», не осмелились бы подойти к нему — разве что в группе из шести таких же кораблей. От этой мысли Маккей чуть не упал в обморок.

Маккей взял себя в руки и вышел в коридор. Он не помнил, как попал внутрь, потому что по пути они с адмиралом сделали несколько поворотов. Линкор был огромным, странным и до жути тихим. Но после нескольких неудачных попыток Маккей все же наткнулся на шлюз и вошел в него. Он выпрямился и сделал глубокий вдох. Пятью секундами позже он появился в крохотной кабине управления своей КЛ-331.

— Это не шутки, ребята, — произнес он, тщетно пытаясь казаться равнодушным, — мы захватили корабль. Оставьте нашу КЛ и пойдемте осмотрим линкор.

Четыре пары глаз уставились на Маккея, четыре пары губ скривились в недоверчивых усмешках. Спустя мгновение заговорил Террел:

— О'кей, я оценил эту шутку...

— Это не шутка, — серьезно сказал Маккей. — Шутка, может быть, только в том, что на борту этого корабля нет ни души, и ни кусочка еды. Сколько на нем осталось топлива, мы не знаем. Наша первая задача — выяснить это.

Они исследовали линкор, как спелеологи исследуют новую пещеру. Время от времени они теряли друг друга или оказывались в тупиках. Прошла добная половина часа, прежде чем они пришли в центр управления, спрятанный за толстой броней в глубине корабля. Маккей обнаружил и

перенес на стол множество чертежей. Он поспешил ознакомиться с ними своих помощников, попутно расшифровав некоторые из самых важных символов.

— Здесь, — сказал он Террелу, — схема группы главных и вспомогательных двигателей. Возьмите с собой Рэда и попробуйте разобраться, что заставляет корабль двигаться, и как включаются приборы. Просто пробуйте, пробуйте и пробуйте. О результатах доложите через час или около того. Пусть Спаркс осмотрит радиостанцию. Дайте мне знать, когда он сможет начать отправку радиограмм. Хартли, возьмите эти схемы и осмотрите склады. Не удивлюсь, если их боеприпасы испортились или им угрожает самовозгорание. Если это так, залейте их. Осматривайте таблички на стене. «Гасить» на их языке пишется как «беллигиш» или что-то вроде того. Вряд ли вы сделаете ошибку, если включите одну помпу.

Когда помощники ушли, Маккей бегло осмотрел центр управления. Для работы с его приборами требовалось десятка два людей, и приборы эти ему почти ничего не говорили, хотя он и был опытным яхтсменом. Маккей вздохнул и обратился к находившимся в центре документам.

То, что в них содержалось, подтверждало слова адмирала. Его запросы о жизненно важных поставках отклоняли один за другим, либо присыпали вместо необходимых вещей суррогаты. Большая часть переписки касалась отказов от якобы «просто хороших или лучших» заменителей. Он испытал облегчение, когда узнал от Хартли, что половина боеприпасов, пришедших в негодность, обезврежена.

Но все же Маккея продолжал терзать один вопрос. Что ему следует сделать с полученной от Булларда депешей? Отказаться от этой туши и перейти на КЛ-331? Или новость, которую он только что узнал от адмирала, изменила ситуацию настолько, что надобность в доставке депеши отпала? Маккей решил послать на Землю радиограмму с новостями, которые он только что получил, и запросить дальнейшие инструкции. Да, но ведь правила не позволяли делать такие запросы!

Двусмысленность своего положения Маккей осознал сразу же, как только эта идея пришла ему в голову. Вошел Спаркс.

— Я нашел их станцию и она работает, — сказал он. — Я в ней разобрался. Можете связываться с Землей в любое время. Используйте этот комплект, — Спаркс указал на панель, наполовину прикрытую огромным щитом. — Я нашел также кое-что интересное. Это полный набор всех наших кодов и шифров! Почему их не сожгли в главном штабе? Только взгляните: они набраны шрифтом, который используют на Юпитере. Думаю, их раздали всем кораблям.

Маккей нахмурился. Если каллистианцы имели все их коды, он не мог связаться конфиденциально с командующим, с «Поллуксом», и вообще с кем бы то ни было из своих. Если он сообщит, что Юпитер находится на грани революции, император сможет подавить ее прежде, чем земляне и их союзники смогут прийти на помощь повстанцам. Информация, которой он владел, была чрезвычайно важной. Если бы она была у Совета несколько дней назад, он никогда не послал бы свое трусливое мирное предложение.

Если бы они знали про нынешнюю обстановку на Юпитере, они бы точно отзвали свои слова.

— Держите все под контролем, — сказал лейтенант Маккей.

Он сел в кресло и погрузился в размышления. Его мозг как будто онемел, а кожу начало покалывать. Он почти боялся думать о проблеме, которая с каждой минутой все больше выходила на первый план. Это был тот факт, что в данный момент он — он, скромный младший лейтенант класса 5 резервного флота — держит в своих руках судьбу народов всей Солнечной системы. От того, что он сделает или не сделает в самое ближайшее время, зависело всё. И сколь незначительными ни стали бы его действия, их последствия будут иметь межпланетный масштаб. Для человека, который еще никогда в жизни не принимал важных решений и не отвечал за их последствия, эта мысль была невыносимой.

Маккей просидел в размышлениях около минуты, хотя ему показалось, что времени прошло чуть ли не час. Он вдруг услышал собственный стон. «О, если бы я мог знать, как поступил бы на моем месте Буллард! Уж он-то что-нибудь сделал бы, бьюсь об заклад».

Мысль о Булларде взбодрила его. Перед Маккеем возник яркий и четкий образ этого человека. Ему казалось, что он слышит, как говорит Буллард, и он вдруг отчетливо вспомнил, что капитан сказал ему на прощание. Его слова оказывались поистине пророческими: «В чрезвычайной ситуации имеет значение лишь то, как вы используете свои знания. Вы можете остаться без посторонней помощи,

и все будет зависеть от вашей способности к действию. Не бойтесь действовать. Любое действие лучше, чем бездействие».

Это была суть. Это была философия Булларда в двух словах. Действуй! К черту торпеды! Иди вперед! Разруби гордиев узел, если не остается иного пути.

Младший лейтенант Маккей решился. Пусть его повесят за государственную измену, но то, что он собирается сделать, высший суд сочтет тем единственным, что следовало сделать в соответствии с обстоятельствами. Он сделает то, чего ждали все люди всех миров Солнечной системы. Когда Маккей заговорил снова, его голос был твердым, а глаза сверкали.

— Спаркс! Отправляйте сообщение на запасной государственной волне. Степень срочности — безотлагательно. «От Совета Федеративных Планет Господину Императору Юпитера. В течение следующих двенадцати часов Вы своим указом даруете полную и безусловную свободу всем своим подданным за пределами планеты Каллисто. Вы немедленно отзовете и остановите все каллистианские военные корабли. Чтобы обеспечить упорядоченное осуществление этой операции, мы временно отвели свои силы. Если вы не выполните требования данного ультиматума в течение указанного времени, мы возобновим наступление». Давайте посмотрим. Вроде бы, все учли. Отметьте обычной печатью высокого полномочия. Вы знаете как. Поняли?

— Да, — ответил Спаркс, вовсю работая ключом. — Все сделано. И что теперь?

В глазах старого седого радиста светилось восхищение, хотя он мог лишь догадываться о скрытом смысле происходившего.

— Пустите меня к ключу. Я дрянной связист, но кроме меня, никто не сделает то, что нужно. Я сомневаюсь, что вы сможете даже прочесть это.

Маккей сел за передатчик. Его застенчивости как не бывало. Сейчас он полагался только на судьбу. Он мог допустить нелепые ошибки в простом коде, в ионийской или ганимединской грамматике, но об этом он не заботился. Еслиульти-матум был изложен четко, и этого достаточно. Теперь не имела значения его неискушенность в артиллерийской стрельбе, или в технике, или в чем-либо еще корабельном. Он использовал то, что знал хорошо, — инопланетные языки.

В течение часа Маккей сидел, отбивая драматические обращения к ионийцам, европейцам и обитателям других планет. Он призывал их восстать и прогнать завоевателей. Он сообщал, что так уже поступил экипажа «Дрэвела», и говорил, что экипаж линкора ждал восстания порабощенных, чтобы присоединиться к нему. Он обещал поддержку Земли и помочь федеративного флота восставшим, если они об этом попросят. Он без устали продолжал отправлять сообщения. Наконец, его отвлек Спаркс:

— Вызов на другой волне, сэр. От адмирала Эли Кэта, или как там его. Он говорит: брось, все уже закончилось. Они нашли кого-то, кто знает английский. Во всяком случае, идут к нам.

Маккей откинулся в кресле. Никогда раньше он не подумал бы, что можно так устать, всего лишь работая клю-

чом радиостанции. Но теперь наступила очередь другого радиста. Он работал на той же государственной волне, которую только что использовал Маккей. Лейтенант вслушался в череду сигналов:

«Срочно для «Поллукса». Вернитесь и найдите КЛ-331, которую вы использовали в качестве курьерского судна. Радист этой лодки охвачен припадком космопсихоза. Он рассыпает нелепые и крайне вредные сообщения. Подавить эту патрульную лодку, даже если понадобится ее разрушить.

Подписано, директор».

— О, боже! — пробормотал Маккей. — Сейчас я им все объясню. Спарк, садитесь за ключ, а я буду диктовать.

К моменту, когда в эфир было отправлено описание всего пережитого Маккеем приключения, сам он уже находился на грани обморока. Он рассеянно взглянул на Террела. Тот пришел сообщить, что не смог разобраться с электростанцией, хотя и думает, что некоторое время свет у них еще будет.

— Это не имеет значения, — сказал Маккей устало, и закрыл глаза. Данный вопрос можно решить позднее.

На следующий день адмирал Джеллиket привел свою эскадру. В ее составе находились «Часник», «Перл», «Болонок», все линкоры, четыре крейсера и несколько кораблей поменьше. Адмирал прислал на «Дрэвел» команду, которая сдвинула линкор с места. Постепенно набирая скорость, «Дрэвел» направился в сторону Земли — к той точке, в которую шел для встречи с ними «Поллукс».

— Я пойду впереди всех в КЛ-331, — сказал Маккей, когда ему сообщили, что «Поллукс» появился на чувствительном термоскопе линкора. — Ответ должен держать я и только я.

Младший лейтенант Аллан Маккей вышел из своей миниатюрной лодки КЛ, приставшей к входному порту «Поллукса», и молча проследовал за коммандером, который довел его до каюты капитана Булларда. Маккей вошел и остался у двери, с тревогой ожидая, что скажет капитан. Мягко говоря, он не был в тот момент счастлив.

Буллард встал из-за стола. Он не произнес ни слова, пока не подошел к молодому офицеру на расстояние фута. Буллард протянул руку, схватил серебряную эмблему на груди Маккея и решительно сорвал ее. При этом от кителя оторвался небольшой кусочек ткани. Не глядя на эмблему, Буллард швырнул ее за спину.

— Я сожалею, что оставил на вашем кителе прореху, — спокойно сказал Буллард. — Я не хотел быть столь импульсивным. Но ее закроет вот это...

Он снял со своей груди крупную, усыпанную звездами и обшитую золотом ленту Небесного Креста.

— В конце концов, — сказал он, улыбаясь, — вы выиграли войну. А я всего лишь выигрывал сражения.

Примечание:

Подобная и, казалось бы, невероятная история произошла во время Первой мировой войны. В 1918 году два австро-венгерских линкора — «Зриний» и «Радецкий» — сда-

лись американскому охотнику за подводными лодками. Их положение было таким же, их цель была такой же. Экипажи состояли из далматинцев. Предвидя расчленение Австрии, моряки надеялись на создание Республики Далмации. Они отказались сдаваться итальянским или французским кораблям, хотя и те, и другие присутствовали в Адриатическом море. Они настаивали на передаче своих линкоров американцам, поскольку надеялись, что США вернут им эти корабли в качестве основы их собственно-го флота. Самым большим американским судном, которое они могли найти, оказался противолодочный корабль.

Юный лейтенант, принявший командование линкором «Зриний», только что вышел из колледжа и никогда прежде не был на борту этого корабля. На нем не было еды — только суррогаты, оставленные австрийцами. Потребовался не один день, чтобы разобраться, что к чему на этом линкоре, поскольку экипаж покинул его сразу же, как только корабль оказался под американским флагом. Но американские моряки проявили упорство и энтузиазм. Они управляли кораблем, пока его судьбу не решил мирный договор.

В конечном счете, эти линкоры получили итальянцы. Они использовали их на учениях в качестве мишеней. Это были корабли такого же класса, что и наши «Коннектикуты».

М. Дж.

САТАНИНСКИЙ ПОРОШОК

Каким-то образом наркотики попадали на борт и заставляли матросов совершать необычные поступки. Так или иначе, их доставку надо было пресечь...

Первым, что услышал капитан Буллард по возвращении на борт «Поллукса», были крики, доносившиеся с камбуза. Он ринулся вперед, отпихнув с пути двух хихикающих матросов, и добрался до двери камбуза как раз в тот момент, когда из нее выносили корабельного кока, который брыкался и что-то бормотал. Буллард пропустил эту процессию и вошел на обычно опрятную кухню космического крейсера. На «Поллуксе» ежедневный рацион экипажа состоял из гранулированных концентратов в сочетании с пищей старого образца.

— Что здесь происходит? — спросил он помощника кока.

Тот осторожно вылавливал бруски хозяйственного мыла из котла с еще не доваренным супом. По полу были разбросаны изуродованная посуда и пачки пищевых концентратов. Камбуз выглядел так, как будто здесь только что разорвался четырехдюймовый снаряд.

— Ничего, сэр. Просто шеф сошел с ума, вот и все. Так же, как остальные, — сказал матрос, спокойно продолжая доставать из супа мыло, как будто делал это ежедневно. — За сегодня он уже третий.

Буллард присмотрелся к матросу. Радиограмма, которая вызывала Булларда из заработанного тяжелым трудом отпуска, сообщила об отчаянном положении на лучшем корабле флота, тогда как его новый капитан вряд ли был готов к чему-то подобному.

— Что значит «сошел с ума»? — рявкнул Буллард. — Что он сделал?

— Он набросал в суп всякой дряни и сказал, что это будет амброзия. Сказал, что так он хочет задобрить светлячков. Напоследок он еще бросил туда свои ботинки. По его словам, в них много витаминов, а они снимают первое напряжение. Потом он залез на плиту и начал танцевать, говоря, что он — великий бог Юпитер, приносящий дождь, и что я должен сделать двойное сальто и низкий поклон. Потом он стал швыряться чем попало...

Буллард развернулся и вышел. Первым же встретившимся в коридоре матросам он приказал найти командира корабля и доктора и передать им, что он хочет срочно встретиться с ними в своей каюте.

Вскоре оба прибыли к нему. Первым пришел коммандер Мур. Судя по его лицу, в нем боролись два чувства — тревога из-за того, что инцидент произошел на корабле, которым он сейчас командовал, и облегчение, вызванное появлением Булларда. Минуту спустя вошел обескураженный доктор.

— Напоследок он еще бросил туда свои ботинки...

— Здравствуйте, — спокойно сказал Буллард, посмотрев сначала на Мура, а затем на доктора. Оба понуро кивну-

ли. — Расскажите что-нибудь! Как идут дела, как это началось и все остальное. Побыстрее.

Доктор заговорил первым:

— В лазарете сейчас девять помешанных в наручниках. Вчера мы отправили четверых в госпиталь на лунную базу. Всего было восемьдесят четыре случая, но большинство уже вернулись к своим обязанностям. Они все еще немного не в себе, но это не опасно. Это своего рода эпидемия. Так сказать, массовое помешательство...

— Что за чушь! — крикнул Буллард. — Мне нужны факты. Это выпивка, наркотики, еще что-то?

— Это не выпивка, — твердо сказал доктор. — А если наркотики, то совершенно новая их разновидность. Мы сделали всевозможные анализы, но ни в крови, ни в моче, ни в дыхании не оказалось ничего постороннего. Психические симптомы в каждом из случаев особые. Я не могу сформулировать закономерность. Это... ну, просто общее помешательство. Нет другого способа это объяснить. Некоторые приходят в себя, некоторые нет. В любом случае они потом не могут ничего вспомнить. Говорят только, что чертовски хорошо провели время и хотели бы пережить это состояние еще раз. Все это очень непонятно, но я не сомневаюсь, что они испытывали экстаз.

— Вот оно что, — нахмурился Буллард. — А по-моему, это наркотик, причем крайне опасный. Вы слышали о нью-робейне?

Доктор Херилон помотал головой.

— Это новый наркотик. Он появился на Земле, когда я там был. Кое-что Бюро Здоровья о нем знает. Свяжитесь

с ним по радио и послушайте, что вам расскажут, а потом возвращайтесь.

Доктор чуть ли не выбежал из каюты — наконец-то появилась соломинка, за которую он мог ухватиться. Буллард повернулся к Муру и показал ему на кресло.

— Начните с самого начала, Мур. Расскажите мне эту историю целиком.

— Думаю, что во всем виновата команда, — начал Мур, — которая прибыла на смену предыдущему экипажу...

— Что?! — вскочил Буллард. — Они заменили экипаж «Поллукса»? Весь?

— Практически весь. Управление сказало, что мы здорово обучаем своих людей, и они решили, что нам стоит это продолжить. Поэтому они забрали к себе почти половину наших матросов и офицеров, а вместо них прислали большую партию вчерашних фермеров и приказали их обучать.

Буллард вздохнул. Сделаешь из экипажа хорошую команду, а как только начнешь получать удовольствие от работы с ней, ее забирают! Когда это происходит регулярно, у капитанов просто опускаются руки. Однако вслух он сказал:

— Да, с новым пополнением всегда приходят трудности. Продолжайте.

— Это произошло на Луне, сразу же, как только вы уехали. Затем мы прибыли сюда, на Венеру, и отправились на полигон, чтобы поработать с ручным стрелковым оружием. Вот тогда и начались эти помешательства. Один малый из четвертого дивизиона залез в люк и отказался вы-

лезать. Он сказал, что ему там уютно в окружении металла. Сказал, что он — винтик высшего сорта, и что он не вывернется, пока корабль не сдадут на металлом. Он сидел такочно, что пришлось вырезать его оттуда автогеном под охлаждающим спреем.

Мур вздохнул и продолжил:

— И это только один. Другой матрос решил, что он невидимый, а третий — что он радиоактивный. Он начал громить лазарет, когда доктор отказался закупорить в бутылке его дыхание и заплатить ему за это. Он настаивал, что это чистый радон, и что один его кубический фут стоит тысячу слов. Еще был...

— Не надо подробностей. Что вы решили?

— Мы склоняемся к тому, что это наркотики. Двое из таких матросов сошли с ума. Может быть, так оно и есть. Мы выставили караульных по периметру стрельбища и обыскали корабль, в том числе при помощи ультрафиолетовых щупов. По запаху ничего не нашли. Если это наркотики, то они чертовски хитро спрятаны. Мы знаем, что пекарни и склады чистые. Каждого матроса провожает луч наблюдения, когда тот идет на берег или возвращается с него. Все увольнения прекращены. Единственное место, куда матросы выходят, — это стрельбище, и у них нет возможности встретиться с посторонними за его пределами.

Мур замолчал. Он принял все меры предосторожности, которые были в его силах, но ситуация продолжала оставаться чрезвычайной. Доктор и его помощники работали уже на пределе, порой они не спали сутками. Здоровье экипажа находилось в их компетенции, но причина странной эпидемии

была им непонятна. Не могли они получить никаких сведений и от матросов — когда те приходили в себя, у них не оставалось воспоминаний о событиях последнего времени.

— Плохо, плохо, — пробормотал Буллард, постукивая пальцами по столу.

— Это точно, плохо. И с каждым разом все хуже.

Вошел доктор с листком бумаги в руке. Он молча вручил его капитану и выжидающе замер. Это было сообщение из Бюро Здоровья:

Ньюробейн представляет собой голубоватый порошок со слабым запахом молченого сельдерея. Попытки его исследовать связаны с опасностями, поскольку вдыхание ньюробейна вызывает безудержное желание заполучить его и принять. Человек, принявший наркотик, как правило, сходит с ума. Его сумасшествие оказывается более или менее постоянным. Первые симптомы безумия — это стремление приобрести ньюробейн любой ценой...

— Господи, да это золотая жила для наркодилеров! — воскликнул Буллард, подняв глаза на доктора. Доктор ответил мрачным взглядом и кивнул.

Пострадав от расстройства нескольких наших пациентов, мы затем выяснили, что с этим веществом можно иметь дело, если носовые проходы надежно закупорены. Это обеспечивает относительную безопасность. Позже мы обнаружили, что примерно один процент из тех, на ком проводились опыты, совершенно не подвержен воздействию

ньюоребейна. Вероятно, из числа таких людей и набирают поставщиков наркотика.

— Итак, — сказал доктор, — мы не сможем выявить их ни по затычкам в носу, ни по невосприимчивости к действию вещества.

Капитан Буллард вернул отчет доктору.

— Такова жизнь на «Поллуксе», — заметил он, вспоминая свою карьеру на нем. — Час от часу не легче.

Уже рассвело, когда Буллард отложил списки, которые он изучил и сопоставил. Он установил некоторые закономерности. До прибытия экипажа на Венеру случаев психоза не было. Не было также припадков, которым не предшествовал хотя бы один выезд экипажа на стрельбище. Однако перед тем, как произошла одна крупная вспышка психоза, экипаж выходил на стрельбище по крайней мере три дня подряд. Последнее обстоятельство делало сомнительным тот факт, что это были именно наркотики. Не могла ли стать причиной психоза невротическая реакция на продолжительную стрельбу? Буллард никогда не слышал о подобных реакциях, хотя сам был весьма метким стрелком, а на стрельбище он со своими подчиненными провел не одну сотню часов. Буллард вызвал Мура.

— Возьмите трех матросов из последней партии, которая стреляла вчера и позавчера, и проследите, чтобы они отправились на стрельбище и сегодня. Остальными в этой группе должны быть матросы, которые будут стрелять впервые. И еще, Мур...

— Да, сэр?

— Я сам собираюсь пострелять. Я теряю навыки.

Мур засомневался:

— Я пробовал и это. Там вы ничего не увидите. Стрельбище обыскивали много раз...

— Да-да, — проговорил Буллард. — Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы стрельбище подготовили, хорошо?

Как и все, он вышел в непромокаемом плаще и ботфортах. На Венере дождь идет почти постоянно, а в остальное время планета затянута туманом. Но это превосходное место для освоения инфракрасных биноклей.

Капитан Буллард прошел вдоль огневого рубежа, наблюдая попутно за тем, насколько точно новички выполняют инструкции. Он заметил, что корабельный канонир был новым человеком, как и большинство его помощников. Они расхаживали с коробками боеприпасов и раздавали матросам патроны. Рассмотреть что-либо в деталях на расстоянии больше нескольких ярдов было трудно из-за постоянного тумана и дождя. Но все выглядело так, как и должно было выглядеть. «Поллукс» как всегда выполнял работу по воспитанию своих матросов и подготовке хороших специалистов.

Буллард дважды выбирал место на огневом рубеже, а затем менял его на другое, но не увидел ничего подозрительного. С третьей точки он сделал восемнадцать попаданий из двадцати возможных, промахнувшись на втором и девятом выстреле. Буллард поморщился и перезарядил ружье. С прекрасным всепогодным прицелом, которыми были оснащены современные ружья, он должен был

попасть двадцать раз из двадцати, даже если бы мишень находилась на расстоянии пять тысяч метров. Буллард опять сменил позицию и повторил упражнение. Хотя он не торопился и внимательно наблюдал за тем, что происходило вокруг него, он не увидел того, что надеялся увидеть.

Остаток дня Буллард провел вне линии огня, наблюдая за раздачей боеприпасов. Помощник канонира склонялся над лежавшим матросом и передавал ему обоймы. Затем он ему давал советы и, нагруженный патронами, шел дальше. Матросы большей частью стреляли с огромным энтузиазмом — ведь все они были новичками.

Когда занятия по огневой подготовке были закончены и матросы построились, чтобы отправиться обратно на корабль, Буллард обошел линию огня ярд за ярдом, наблюдая за работой матросов, которые собирали пустые гильзы и вообще приводили стрельбище в порядок. У одной из огневых точек Буллард остановился — там он заметил наполовину втоптанный в грязь белый блестящий предмет. Буллард поднял его.

Это был патрон. Гильза с пулей из адамантия, самого твердого и прочного металла в мире, и ужасной начинкой — ферокситом, который мог взорваться даже от относительно легкого удара. Удивленный Буллард положил патрон в карман и пошел вдоль линии огня дальше. Еще два патрона. Затем еще один, потом еще. А вот сразу три в одном месте. Морщины, одна другой глубже, бороздили лоб капитана Булларда. Почему эти патроны выпали из обойм? При сильном сотрясении этих патронов несколько

матросов могли бы взлететь на воздух в виде отдельных кусков, а от еще трех вообще ничего не осталось бы, кроме следов в грязи.

Буллард отправился дальше, к ограждению. Здесь через каждые пятьдесят ярдов стояли часовые. Благодаря предусмотрительному Муру, стрельбище и в самом делеказалось неприступным. Теряясь в догадках, Буллард со своей опасной ношкой в кармане медленно пошел к кораблю.

В ту ночь двое матросов сошли с ума. Комендант надел на них смирительные рубашки и бредивших матросов доставили в лазарет. С третьим все было по-другому. Он не сопротивлялся и счастливо отошел ко сну, а по лицу его гуляла улыбка неземного блаженства. Первые два матроса вскоре потеряли сознание, но к утру они уже казались совершенно нормальными, хоть в их глазах и светилось такое выражение, как будто они побывали в раю, и их вдруг на-сильно оттуда вытащили.

— Слушайте, Мур, — сказал капитан Буллард на следующий день перед построением экипажа, — вы слышали когда-нибудь о крушении «Центуриона»?

— Нет, сэр, а что?

Буллард усмехнулся.

— Я тоже. Тем не менее, он лежит чуть южнее Скалы Купидона в Океане Любви. Я хочу, чтобы завтра вы послали туда водолазов и дали мне полный отчет о том, что вы там найдете. У нас есть десять комплектов водолазного снаряжения, не так ли?

— Да, сэр, — удивленно ответил Мур.

— Возьмите канонира, как там его? Стоск? И его новых помощников тоже. Отправьте их на глубину и проследите, чтобы они провели там столько часов, сколько смогут. Понятно?

— И да, и нет.

— Ну и хорошо. Выполняйте. Это все.

Буллард на мгновение задумался, а потом сказал:

— Можете взять с собой доктора Херилона тоже. С этими водолазными экспедициями никогда нельзя все предусмотреть.

— Да, сэр, — согласился Мур, хотя в его глазах не было и намека на понимание. Да и не могло быть. И все же он был твердо уверен в Булларде, при всей его склонности приходить к цели окольными путями. Если Буллард считал, что необходимо отправиться на поиски несуществующего «Центуриона», значит, так было надо. И Мур будет искать его самым прилежным образом.

Утром Буллард равнодушно наблюдал за тем, как отчаливала аварийно-спасательная команда. В тот день подготовка на стрельбище была приостановлена. Фрезер, начальник артиллерии, как обычно, отправился с водолазами.

Но как только экспедиция ушла с корабля, Буллард послал своего вестового за Бентоном. Бентон явился во всем блеске новых золотых нашивок — в звании он был повышен благодаря неоднократным рекомендациям капитана Булларда. Сейчас Бентон был младшим помощником инженера. Буллард знал, что в трудную минуту он может положиться на этого человека. Капитан открыл свой сейф, в

котором находились ключи от арсенала и склада боеприпасов. От этих помещений было только три ключа. Один хранился у начальника артиллерии, второй — у канонира. Хозяином третьего был сам Буллард.

— Берите противогазы и идите со мной, — сказал Буллард Бентону, опуская ключ от арсенала в карман.

Они отправились вниз, прошли мимо мастерской с погрузочными машинами и термошкафами для проверки пороха. Они бегло осмотрели двадцать кортиков, аккуратно размещенных около входа на склад индивидуального стрелкового оружия. Буллард открыл дверь склада своим ключом и они с Бентоном вошли в помещение, заставленное ящиками с боеприпасами.

— Мне, наверное, придется поработать, как лошади, — сказал Буллард. — Ну, а вам как недавно произведенному в офицеры, такая работа, наверное, не подходит?

— Сэр, вы же давно меня знаете, — улыбнулся Бентон. — Сами-то вы как думаете?

— Отлично, — улыбнулся в ответ Буллард, снимая китель.

В течение нескольких часов им предстояло исследовать все эти ящики, стоявшие в четыре яруса высотой в восемь футов. Каждый из ящиков имел в торце маркировку:

«25 мм. Боеприпасы с ферокситом — Большой Арсенал, лунная база».

— Ищите на них отличия или какие-нибудь секретные отметки, — распорядился Буллард.

Чтобы их заметить, понадобилось много времени. Надписи на ящиках казались одинаковыми, как бы приидорчиво их ни рассматривали. Наконец, Бентон воскликнул:

— Вот оно, сэр! Смотрите: на этом ящике нет точки после «мм». А на большинстве других есть.

— Правильно! — одобрительно сказал Буллард и отставил ящик в сторону.

Они нашли еще пять таких же ящиков.

— Приготовьте свой противогаз, — приказал Буллард. По его спине струился пот, он тяжело дышал. Буллард взглянул на часы. Чтобы проделать эту работу, понадобилось полдня. Но такой ценой он избавился от команды артиллеристов. В противном случае Буллард не смог бы действовать так свободно, не вводя при этом в курс дела своих еще неизвестных оппонентов. А дело принимало интересный оборот.

— А сейчас начинается грязная работа, — сказал Буллард. Он подмигнул Бентону и стёр пот со лба. — Приведите сюда Керрика, помощника фармацевта. Не берите противогаз, но захватите смирительную рубашку.

Вскоре Бентон пришел в сопровождении Керрика. Буллард тихо поговорил с ним и лицо Керрика засияло.

— Да, сэр, — сказал он. — Вот, — и он нацарапал рецепт на клочке бумаги.

— Спасибо, — сухо сказал Буллард. — А сейчас, Керрик, не будете ли вы против, если мы наденем на вас это? — и он показал ему смирительную рубашку.

— Э-м-м-м... Нет, сэр, — неуверенно произнес Керрик, с надеждой поглядывая на Бентона и пытаясь понять, в чем

дело. Он восхищался Буллардом и все такое, но в эти дни массового помешательства кто и за кого мог поручиться? Может, и у Булларда тоже крыша поехала? Что он такой грязный и потный делает в помещении оружейного склада? Зачем только что сделал свое подозрительное предложение, зачем заставил половину экипажа вымотаться, как собак, а в придачу ко всему еще и предлагает помощнику фармацевта одеться в смирительную рубашку?

— Оденьте его, Бентон, — только и сказал Буллард. Он осмотрелся в поисках какого-нибудь ломтика. Надо было вскрыть ящики без точки после «мм». Причем вскрыть аккуратно и не оставить после себя никаких следов.

К тому времени, как Бентон одел Керрика в смирительную рубашку и привязал того к стойке стеллажа, первый ящик был открыт. На пол обрушился каскад латунных патронов.

— Дайте пассатижи, Бентон, и убедитесь, что ваш противогаз надет как следует, — сказал Буллард. Ожидая результата, он затаил дыхание.

Спустя мгновение он вытащил из патрона разрывную пулю и высыпал на ладонь горстку голубоватого порошка.

— О, господи! Я в раю! — пробормотал Керрик, когда порошок поднесли к его носу.

Буллард и Бентон сурово смотрели на него. Они видели, как его руки проворачиваются в крепко связанных рукавах, а по лицу ходят желваки. Керрика охватило предвкушение.

— Вы бы хотели немного? — спросил Буллард, хищно глядя на него.

— Хотел бы! — взвизгнул Керрик, продолжая вырываться из своих уз. — Вы, позолоченные манекены, я бы убил вас за одну понюшку! Я бы отдал годовое жалование! Я бы...

Буллард убрал руку и пристально взглянул на своего пленника.

— Хорошо, — сказал он спокойно. — У вас будет много понюшек. Но перед тем как вы их получите, я хотел бы кое-что узнать. Вы сможете создать вещество с таким же запахом?

— Нет, нет! — взвыл Керрик. — Ничего подобного ему нет на небесах! — Керрик заплакал и снова начал вырываться.

Затем последовала долгая и терпеливая беседа. Керрик бормотал и всхлипывал, Буллард его утешал и о чем-то допытывался, а Бентон на все это смотрел и ничего не мог понять. Наконец, сделка была заключена.

— Хорошо, сэр, я попробую, я попробую, — рыдал Керрик. Получив от Булларда еще несколько обещаний, он взял себя в руки и смог продиктовать список ингредиентов, которые позволят устроить фокус. Вскоре Бентон уже шел в аптечную комнату со списком материалов и оборудования. Требовались всякого рода пузырьки, пробирки и определенное количество эфирных масел. Немного погодя они с Буллардом под наблюдением своего пленника начали творить загадочное зелье.

— Ах, сладкое, сладкое! — блаженно произнес Керрик, понюхав уже четвертую пробную порцию вещества. — Я бы душу продал за него.

Ему дали попробовать полученный состав и Керрик перхнулся. Спустя некоторое время его развязали.

— Теперь запомните, — жестко произнес Буллард, когда Керрик начал высвобождать из пут свои занемевшие руки. — Никому об этом ни слова. Смешайте все это с тем, что вы написали на рецепте, превратите в порошок и отдайте мне. Небесам придется подождать.

— Да, да, сэр, — сказал подавленный Керрик. Он с трудом вспоминал то, что недавно вытворял, и ему было немоверно стыдно. Он смотрел невидящими глазами на надежно закрытые бутылки голубого порошка, на кучу пустых патронных гильз и коробок, наполненных пулями.

— В течение часа, — напомнил капитан Буллард.

— О, да, да, сэр, — заверил помощник фармацевта. — Я вам сразу дам знать, — стыдливо опустив глаза, он добавил: — Удивительно, как вещество с таким хорошим запахом может быть таким противным на вкус.

Буллард нахмурился.

— Хорошо бы немного изменить вкус. Вы сможете это сделать?

— Я попытаюсь, сэр.

— Хорошо. Приступайте.

Когда Керрик ушел, капитан и Бентон вытащили другие патроны, начиненные наркотиками, и тщательно засняли на видеокамеру каждый этап этой процедуры, не пренебрегая маркировкой в торцах ящиков, на которой был указан, в том числе, и номер упаковщика. Затем Буллард сел и написал директору Бюро Межпланетных Расследований сообщение:

Отследите упаковщика номер КГ-8167 Большого Арсенала на лунной базе. Проверьте возможность его контак-

тов с поставщиками наркотиков. Они распространяются в патронах. Снимки прилагаются. Обратите внимание на отсутствие точки после «мм» на маркировке. Мы принимаем меры к тому, чтобы арестовать торговцев наркотиками. Советуем другим кораблям сделать то же самое.

Буллард.

— Вот, отправьте этот текст и видеограмму по телесвязи. Когда получите сигнал «Принято», возвращайтесь сюда. Мы сделали только половину работы.

Бентон взял сообщение вместе со снимками и ушел. Буллард, в свою очередь, отправился в свою каюту. Там он спрятал в сейф вещественное доказательство — наркотический порошок. Когда он и Бентон вернулись на склад боеприпасов, Керрик был уже там. Он принес баночку фальшивого порошка. Остаток дня у них прошел в адских трудах — надо было пересыпать порошок в гильзы и вернуть пули на место. Затем офицеры упаковали патроны в ящики и расставили их в прежнем порядке. После всех этих трудов склад снова был закрыт на замок. Дело было закончено.

— Я все еще не понимаю... — начал было Бентон, потный, как тягловая лошадь. Смысл того, что было сделано с его приятелем Керриком, а затем и с помощью самого Керрика, все еще не доходил до Бентона.

— Поймете, — вздохнул Буллард. — Вы ведь сами жили на полубаке², Бентон. Что бы вы сделали, если бы рассер-

² На полубаке — в приподнятой носовой части судна — могли находиться каюты, но не для старших чинов. (прим. ред.)

дились на своего товарища? Побежали бы жаловаться капитану?

— Ни за что на свете, сэр. Я бы...

— Вот именно. Увидимся утром, Бентон.

Группа водолазов не обнаружила следы потерянного «Центуриона», но ночью новых случаев психоза не было. Муру и Фрэзеру, так же как и доктору, не терпелось узнать, зачем их посылали в Океан Любви, но спросить они не решались. Вскоре Буллард вызвал Мура и приказал ему завтра снова отправить матросов на стрельбище.

— Теперь я хочу, чтобы на линию огня вышли ребята из прежнего экипажа «Поллукса». Конечно, я знаю, что все они отличные стрелки, и даже больше, чем отличные. Но повторение мастерству не помешает. Ступайте. Да, и попросите доктора зайти ко мне.

Прибыв к Булларду, доктор обнаружил, что вчерашняя озабоченность исчезла с лица капитана. В глазах его светились огоньки.

— Слушайте, док, я думаю, что вам предстоит тяжелая ночь, но пусть это вас не волнует. Я опасаюсь новой эпидемии. Назовем ее, например, пищевым отравлением. Не волнуйтесь, она пройдет. И пусть это будет все, что вы об этой эпидемии узнаете. Так будет лучше для вашей репутации. Все, что вам понадобится, — это сохранять невозмутимое лицо, выражать сочувствие, не задавать больным лишних вопросов, но обязательно составить полный список больных.

Буллард отпустил удивленного доктора, а затем выбросил заботы из своей головы. Последующие часы он иссле-

довал переписку корабля с разными инстанциями. Ветераны «Поллукса» в положенное время вышли на стрельбище, отстрелялись и пришли обратно. Этот день не был насыщен событиями. А следующей ночью опять ни один матрос не превратился вдруг в бредящего маньяка.

Но будет неправдой сказать, что это была тихая ночь.

Было немного за восемь, когда начался первый приступ странной болезни. Больным оказался матрос второго класса, которого раньше понизили в звании за плохое поведение. Он начал выть и стонать из-за сильной боли в животе. Спустя несколько минут, он уже ползал по палубе, мучаясь рвотой и ругаясь так, как будто настал его последний час. Он был очень, очень болен. Матроса унесли в лазарет и с помощью желудочного зонда сделали ему промывание желудка. Как только процедура закончилась, в лазарет доставили следующего больного с такими же симптомами. Затем еще одного. И еще. К рассвету лазарет был набит уже до отказа, и пришлось ставить дополнительные койки в коридоре. Доктор и его помощники всю ночь были очень заняты.

Утром странная эпидемия закончилась, и матросы начали покидать лазарет, чтобы приступить к выполнению своих обязанностей. Было заметно, что все они находятся в отвратительном настроении.

— Что дальше? — спросил Мур. Ему начинали надоедать выдумки нового шкипера, который был его ровесником.

— Подождите, — беззаботно сказал Буллард. Затем он добавил: — Давайте осмотрим экипаж. Я бы хотел взглянуть на новичков.

В назначенное время Буллард прошелся вдоль строя матросов, пристально осматривая их одного за другим. Во втором дивизионе Буллард заметил помощника канонира с посиневшим и распухшим лицом. Оба его глаза были подбиты и сузились в щелки, к тому же он прихрамывал на ходу.

— Что с вами случилось? — резко спросил Буллард.

— Поскользнулся на лестнице, сэр, и упал.

Буллард повернулся к старшине корабельной полиции и сказал:

— Это один из них. Наручники и в карцер.

— Есть, сэр. Идем, приятель, тебя накрыли.

Удивленного помощника канонира увели.

В четвертом дивизионе они встретили еще одного необычного вида старшину — у него были ободранные костяшки пальцев на одной руке, а вторая рука была перевязана. Одно ухо у старшины выглядело так, будто его пожевали.

— Во вторую камеру его, — кратко сказал Буллард.

Затем была найдена еще пара помощников канонира, разукрашенных таким же образом. Их тоже немедленно арестовали. Что касается упавших духом жертв ночной эпидемии, то в их внешности оказалось не так уж много особых примет — ну, разве что множество синяков и ободранные костяшки пальцев. Когда смотр закончился, Буллард отвел в сторону Мура и доктора.

— С этого момента операция завершена, — сказал он своему помощнику, а затем в общих чертах описал главные этапы проделанной им работы.

— Так вот откуда те матросы доставали метиленовую синь! — восторженно воскликнул доктор.

— Да. И рвотный корень, и эфирное масло кротона, и некоторые другие вещи. Надеюсь, вы сможете установить потенциальных покупателей, если до этого дойдет.

— Смогу, — сказал доктор.

— Но эти четверо, которых вы отправили в карцер, даже не поговорив с ними? — допытывался Мур.

— Элементарная психология скайменов, дорогой Мур, — весело сказал капитан. — Продаешь моряку товар — так отвечай за то, что продал. Они отдали за наркотики большие деньги — а что у них оказалось? Естественно, их первым побуждением было забрать у торговца настоящий наркотик. Это спасает нас от позора — ведь под судом могли бы оказаться все девять старшин-артиллеристов, а затем пятеро из них были бы оправданы. Зато теперь мы знаем, кто есть кто.

— Да, — сказал Мур, — об этом я не подумал. — И он вспомнил с некоторым удовольствием, как живописно был разукрашен последний из обманщиков. — Но как насчет канонира Стоска? Не был ли он главарем?

— Мистер Стоск в данный момент болен. Он страдает от трех сломанных ребер, потери пяти передних зубов, выбитой челюсти и разнообразных ушибов. Короче говоря, он в постели. Он пережил сильное разочарование. Видите ли, главный старшина корабельной полиции получил инструкцию: в течение всей ночи оставлять без внимания личные ссоры матросов. Ну, а раз четверо старшин стали жертвами ссор, что для них может быть более естественным, чем пе-

редать эти ссоры дальше? Раз они кого-то обманули, значит, их, прежде всего, обманули самих. Отсюда и состояние нашего старины канонира Стоска.

— Итак, вы нашли всех — и свидетелей, и торговцев, и оптовика? Это обыкновенная история «дом-который-построил-джек».

Мур простили Булларду его загадочное конфиденциальное расследование. Теперь он видел, что устроенная им ловушка была идеальной.

— Жаль только, что не удалось схватить ту гниду, которая изначально поставляла товар.

— О, думаю, что удалось, — сказал капитан Буллард невозмутимо. — Видите ли, Стоск не знал, что я целый день провел на оружейном складе, потому что он нырял в поисках «Центуриона». Когда Стоск получил от своей же банды, он решил, что его тоже обманули, что на Луне ему подсунули фальшивые наркотики. И он рассказал мне всю историю. Четыре часа назад она отправилась в Межпланетное Бюро Расследований. Вот ответ, который только что пришел обратно.

Офицеры прочитали сообщение и покачали головами.

— Вот такие дела, — сказал Буллард. — А теперь давайте вернемся к работе на старом «Поллуксе». У вас есть еще вопросы, Мур?

ЛОВУШКА ДЛЯ СВИНЕЙ

— Темная сторона Урана... — задумчиво проговорил адмирал Вумсток. — Арктический холод и звери-призраки, быстрые как ветер... Что же, интересную историю вы нам рассказали. И все-таки самые неуловимые создания во всей Солнечной системе, — заметил он как будто мимоходом, — это япетианские кенготру. Еще никому не удавалось их поймать.

— А они что, как кенгуру? — с живым интересом спросил молодой лейтенант из команды астронавтов.

— Ну... вроде того, — согласился адмирал, равнодушно оглядывая потолок.

Воцарилось молчание. Старшие офицеры многозначительно переглянулись. Видимо, юноша никогда еще не бывал в «Лунном клубе» и не знал, что адмиральская «сокровищница знаний» полнилась по большей части небылицами.

— Да, — проворчал адмирал, — неуловимые существа. Истинно так. Они, конечно, тоже сумчатые, но слегка отличаются от своих земных собратьев. Видите ли, у них очень странная сумка. Как только кенготру понимает, что ему грозит опасность, он тут же сует в сумку голову...

— А потом? — в нетерпении перебил младший офицер.

— А потом забирается в нее целиком. И как прикажете его ловить?

Лейтенант покраснел от стыда. Негромкие смешки, пребежавшие по залу, сменились гнетущей тишиной — и заговорил капитан Буллард. Он был нечастым гостем клуба — все не хватало времени, — но сегодня, охваченный ностальгией, позволил себе отдохнуть от дел.

— Раз уж мы заговорили о холодах и неуловимых тварях, — сказал он, — внесу и я свою лепту в общее дело. Припоминаю, мне довелось столкнуться сразу и с тем, и с другим — давным-давно, на Плутоне. Я, тогда еще зеленый лейтенант, оказался на борту старой добкой «Азии». Да, насчет холода: будь Плутон хоть на десятую долю градуса холоднее, его бы не стало, столь близка его температура к абсолютному нулю. Живут там одни вакуумные свиньи. Вот о них я вам и расскажу. Мы застряли на планете, кораблю требовался долгий ремонт, а нам — еда, ибо запасы уже подходили к концу. И вот капитан приказал отправиться на охоту и поймать какую-нибудь...

— Стойте, Буллард, — прервал рассказчика капитан Хаклсон. — Вакуумные свиньи в пищу не годятся. Я пробовал. Стоит их разморозить, и останется лишь пакостный, дурно пахнущий комок. Студень водянистый. Как будто медузу раздавил.

— Верно, — согласился Буллард. — Потому что вы в них стреляете, они умирают и тут же промерзают до костей. Все их молекулы разрываются. Даже зубов не остается. Их нужно ловить живьем, а потом — в холодильник. И пускай

поспевают. Только температуру нельзя повышать: стоит поднять ее хотя бы до комнатной, и все — обуглятся. А в ходильнике пропекаются прекрасно. Там примерно на триста градусов жарче, чем в их привычной среде. Ох, лучшие мяса просто не найти! Великолепный жирный вакуумно-свиной окорок...

— Разве они жирные, капитан Буллард? — спросил младший офицер. — Я думал, Плутон — бесплодная планета.

— Так и есть, молодой человек, — ответил капитан «Поллукса». — Целиком и полностью бесплодная. Только гладкий твердый гелий. Ни солнечного света, ни воздуха — ничего. Но какие же там жирные свиньи!

— Сэр, но если там только вакуум... — продолжал наставивать адъютант.

— Вот именно! — поспешил сказал Буллард. — Знаете, как его там много?

Командир астронавтов взглянул на своего подчиненного и тяжко вздохнул. Буллард, казалось, моментально утратил желание продолжать рассказ, взял венерианскую сигару и начал задумчиво срезать с нее кончик.

— И это все? — спросил кто-то. — А почему они неуловимые?

— О, да! Неуловимость! — встрепенулся Буллард. — Я не посмею зайти слишком далеко и сказать, будто поймать их столь же трудно, как адмиральских кенготру, — но вряд ли вакуумные свиньи сильно уступают последним. Они не попались ни на одну из наших уловок — только пуля могла их догнать, а стрелять мы не могли.

Почему — вы уже знаете. В общем, мы целый месяц пытались поймать хоть одну свинью. Устраивали облавы, ставили силки и капканы, пробовали все что угодно — и ничего не работало. Настал день, когда капитан призвал меня к себе. Он был почти что в ярости. «Буллард! — рявкнул он. — Я сыт по горло вашими отговорками! Я хочу мяса. Поймайте мне свинью, сегодня же!». Вот так, четко и ясно. Пришлось искать выход. В юности я просто в восторг приходил от таких побуждений к инициативе.

Кто-то едва слышно усмехнулся.

— Как бы там ни было, пришлось пораскинуть мозгами. Что может опередить вакуумную свинью, но при этом ничем ей не повредит? Мне на ум пришел только свет — мы все знали о его невероятной скорости. Я стал гадать, как увязать свет и внешнюю температуру — если, конечно, можно назвать температурой то, что вы различите на самой нижней отметке термометра, применив сверхмощную линзу и верньер. И вдруг — озарение! Я понял, как поймать этих хрюшек живыми! Я был так уверен в своей правоте, что отправился на камбуз и приказал повару немедленно греть воду...

— Буллард, повремените, — в тоне Хаклсона слышался явный упрек. — Вы же сами сказали, что они обугливаются при комнатной температуре. А теперь предлагаете их варить? Как-то не укладывается в голове.

— Мгновение, скоро все станет ясно. Горячая вода мне была нужна для иного. После я поднялся в боевую рубку и развернул прожектор. На Плутоне царит абсолютная, кромешная тьма. И когда вспыхнул свет, я увидел — свиньи

были повсюду. Они замерли как вкопанные в тот самый миг, когда полыхнула вспышка, — и больше не двигались.

— Смотрели на вас? Их привлек свет? Господи! Почему мы сами не догадались? — Хаклсон был совершенно серьезен. Ведь он бывал на Плутоне и своими глазами видел свиней...

— Да нет, — невозмутимо ответил Буллард. — Я недолго выключил свет, а когда включил его снова, свинки никуда не делись. Они стояли как приклеенные — точно мухи на липкой бумаге. Я узнал все, что хотел. Моя теория полностью подтвердилась. Я отправил наружу группу матросов — по большей части, шутки ради, ибо знал: они не смогут принести свиней на корабль — по крайней мере без мясницких ножей и готовности провести ампутацию в полевой обстановке.

— Туман сгущается... — заметил адмирал Вумсток. — Но прошу, продолжайте.

— Мы с поваром залили кипяток в большой термос, надеясь, что вода не замерзнет, пока мы доберемся до свиней. Она, конечно, остыла, но осталась жидкой, — а на Плутоне даже это считается жутко горячим. Когда мы подошли к первой свинье, все матросы — как я и предвидел, — собрались вокруг нее и тянули изо всех сил. Свинка истошно визжала и хрюкала — я понял это по тому, как кривилась ее мордочка, — но они не могли приподнять ее даже на дюйм. И только когда я обошел вокруг и полил землю водой, мы вытащили упрямую хрюшку.

— Боюсь, я не успеваю следить за ходом вашей мысли, — нахмурился адмирал.

— Все же элементарно, мой дорогой Вумсток! Прожектор озарил свиней светом, они отбросили тень — должен заметить, первую тень в их жизни — и та немедленно промерзла к земле. Все, что нам оставалось сделать — это размягчить эту тень, приподнять, завернуть в нее свинью и отнести добычу на корабль. А что вы так горько вздыхаете, адмирал?

ОТРАЖАТЕЛИ БУЛЛАРДА

Спортивная команда капитана Булларда хорошо тренировалось, но оказывается, что для борьбы с преступниками она подготовилась так же хорошо!

— Ура! Ура-а-а!!!

Трибуны бесновалась. Степенные, одетые в расшитые золотом мундиры офицеры вскакивали с мест и кричали до хрипоты. Даже адмиралы отказались от исполненных достоинства аплодисментов в пользу безудержного крика. Скаймены всех рангов подбрасывали фурражки и обнимали каждого, кто оказывался рядом. Они радовались и прыгали, как дикари. Алан Маккей отличился опять — это был уже его десятый гол!

— «Кас-тор-ка»! «Кас-тор-ка»! Bay! Bay! — торжествовали трибуны, заполненные сторонниками «Поллукса».

— «По-лу-кус»! «По-лу-кус»! Bay! — тут же отзывались трибуны с экипажем космического крейсера «Кастор». Но этот ответ звучал слабовато и невесело. К концу первого тайма соотношение очков между «Слепящими дротика-

ми» — командой с «Поллукса», и игроками с «Кастора» было не тем счетом, который мог бы воодушевить болельщиков явно проигрывающей стороны.

Капитан «Поллукса» Буллард сейчас мало отличался от других коллег. Наконец, он тоже плюхнулся на свое сиденье. Его лицо было красным от крика. Он давно сорвал голос и теперь мог только хрипеть и говорить чуть слышным шепотом. Капитан Эллингтон, командир торпедного дивизиона, склонился к Булларду и поздравил его:

— Приз Генерального командования у вас в кармане. Вы ведь выигрываете третий раз подряд, не так ли? Значит, он и останется вашим.

— Да, — прошептал охрипший Буллард. — Но кто бы мог подумать, что в нашей команде окажется такой игрок, как Маккей! Я попросил его войти в команду под тем предлогом, что он отличился в деле на Юпитере. Но я не мог и представить, что он окажется таким же замечательным бойцом и в «Слепящих дротиках»...

Тут голос окончательно отказал Булларду и он принял ся смотреть на игровое поле, где в паузе между таймами уже шло выступление артистов.

Спортивные соревнования на флоте, которые проводились впервые после перемирия с Юпитером, от начала до конца сопровождались триумфальными победами «Поллукса». Хорошо тренированные, отборные скаймены корабля побеждали в каждом серьезном состязании. Соревнование по метеорболу было пустяковым. Они заработали восемьсот очков из тысячи возможных в «скакче» — изнурительном состязании по прыжкам стоя при любом уров-

не гравитации, от нуля и до двух с половиной. Команда переиграла своих конкурентов практически в каждом соревновании и во всех видах. А сейчас самое важное из них приносило самую легкую победу. Конечно, Буллард этого ожидал, но он не думал, что команда «Поллукса» будет побеждать с таким огромным отрывом.

Между тем на игровом поле огромной лунной базы, разместившейся под куполом в кратере Астарот, продолжала ликовать толпа. Едва отышавшийся Буллард смотрел на своих ребят и думал: «Хорошие парни. Каждый из них — замечательный парень. Причем неважно, на войне или в игре». Тут Булларда потрогали за плечо. Он поднял голову: перед ним стоял коммандер Биссел, помощник коменданта.

— Прошу прощения, что отвлекаю вас от праздника, извинился Биссел, — но по трансэфиру пришли важные новости. Помните Эгона Зифлера, главу имперской тайной полиции Юпитера? Его еще долго разыскивали. Кажется, у него была кличка «Палач»...

Буллард кивнул.

— Он оказался на Титании. Тайно подошел к одному каллистианскому крейсеру и после внезапной атаки захватил его. Кажется, он самым жестоким образом вырезал весь экипаж. Сейчас адмирал разговаривает с единственным выжившим матросом, который каким-то чудом сумел бежать на Оберон. Хуже всего то, что в руки Зифлера попал наш секретный арсенал, а также испытательные полигоны...

— Да? — спросил Буллард.

— Да. Новые электронные пушки еще не запущены в серию, но они отлично работают, а их там сотни. С этими пушками они будут практически неуязвимы. Выстрелы из этих пушек ручной модификации может выдержать только броня крейсеров звездного класса. Но вот удар из стационарных моделей они уже вряд ли выдержат. А их мы собирались выпускать тоже.

— Паршиво, — вздохнул Буллард. Сколько бы с начала перемирия этих бандитов ни вылавливали, они, похоже, еще долго будут доставлять неприятности.

— Согласен, — сказал Биссел. — Схожу, узнаю последние новости. Возможно, к концу игры я смогу дать вам полную картину происходящего.

Биссел удалился, а Буллард снова обратил взгляд к игровому полю. Но теперь все его мысли были заняты «Поллуксом», который сейчас стоял в своем доке. Он мысленно проверил все его отсеки и только тогда позволил себе расслабиться, потому что не нашел ни одного изъяна. Корабль был готов к вылету из космопорта и только ждал приказа.

К этому времени игровое поле вновь было свободным. Раздался свисток — начинался второй тайм. Это казалось бесполезной тратой времени, но правила следовало соблюдать неукоснительно. И матч на первенство флота не был исключением. Правила должны соблюдаться от свистка до свистка.

Игроки с «Кастора» вышли на поле. Было заметно, что они уже несколько воспряли духом. В этом тайме преимущество будет на их стороне. Теперь атаковать будут они.

Затем вышли все еще продолжавшие ликоват «Слепящие дротики» — игроки с «Поллукса». Они располагали огромным преимуществом, и проиграть уже почти не могли.

Игра по сути своей была простой, но она требовала от игроков предельного внимания, ловкости и скорости. Хорошие результаты могли дать только отработанные множеством тренировок действия, умение мгновенно реагировать на явные и скрытые команды, а главное — слаженность коллектива.

Игровое поле мало чем отличалось от обычного поля для игры в баскетбол, футбол или хай-алай. С каждой стороны друг напротив друга стояли закрепленные на значительной высоте «ворота». Они представляли собой шестидюймовые черные пятна с куском селена в центре. Полукруглый барьер четырех футов высотой преграждал запрещенную зону у подножия каждого ворот. Капитан атакующей команды имел сверхмощный фонарик, который заряжался перед каждым таймом и позволял сделать ровно сто десятисекундных вспышек. Пучок его света имел сантиметр в диаметре, а устройство фонарика позволяло «выстреливать» из него — для этого требовалось навести фонарик на ворота и нажать кнопку. После такого нажатия фонарь светил в течение десяти секунд, а затем резко потухал. Это действие засчитывалось как одна подача. Обороняющаяся команда должна была направить луч в ворота противника. Если после этого раздавался звонок, это означало, что команда заработала двадцать пять очков.

Защитники старались перехватить свет фонарика и отразить его, по возможности, в ворота нападавшей команды.

Если у них это получалось, ее очки удваивались. Чтобы отразить свет фонарика, они вооружались слегка изогнутыми зеркалами. Каждый мог иметь столько зеркал, сколько считал нужным. Зеркала практически не отличались от тех устройств, которые носят на лбу врачи-отоларингологи. Как правило, игроки привязывали эти отражатели к запястьям, а «звезды» команд, кроме того, носили их на талии и на голове. Особую ценность для команды представлял хороший прыгун — а в команде «Поллукса» было целых пять чемпионов по прыжкам.

Игроки заняли свои позиции. Уимс, капитан команды «Кастора», взял фонарик наизготовку. Его окружали двадцать защитников. «Слепящие дротики» настороженно ждали их на своей половине. Игра допускала захваты и удары. Игрок мог также встать на четвереньки и таким образом заставить противника споткнуться. В этом и заключались все правила игры.

Уимс маневрировал, пытаясь занять лучшую позицию, а потом вдруг подпрыгнул. Это был замечательный прыжок, ведь они играли на Луне, притяжение которой в шесть раз слабее земного. На пике своего прыжка он сделал рукой нужное движение и пустил луч в ворота соперника. Однако луч Уимса попал в барьер, не достав до ворот целый фут. И прежде, чем меткий Уимс смог исправить свою ошибку, один из «дротиков» уже поднимался вверх, чтобы перехватить луч своим отражателем. Движением запястья он отправил луч обратно, немного промахнувшись. Опускаясь на поле, Уимс дернул рукой и резко направил луч вниз, где один из его товарищей отразил луч, и тот прошел над висевшими в воздухе

Как правило, игроки привязывали отражатели к запястьям...

«дротиками». Попал в самое яблочко! Раздался звонок — на счет атакующих было зачислено двадцать пять очков.

Игра продолжалась. Она шла в таком темпе, что глаза зрителей едва успевали следить за ней. Чтобы луч фонарика был хорошо виден, обычно в воздухе под куполом распыляли воду. И все же, чтобы следить за игрой, нужно было иметь соколиное зрение. Разумеется, видеокамеры записывали ход игры, а звонок, соединенный с воротами, звенел, когда в них попадали лучи света.

Второй тайм оказался очень богат на двойные и тройные комбинации, во время которых капитан команды разворачивался и направлял луч партнёру, тот, в свою очередь передавал луч через все поле следующему игроку, а последний посыпал его в ворота, оказавшиеся беззащитными с его стороны. И все же финальный счет оказался не в пользу «Кастора». Их поражение было настолько явным, что придраться к результатам не решился бы никто.

Аплодисменты продолжали греметь, но еще до того, как прозвучал финальный свисток, Буллард заметил главного адмирала. Тот шел к нему. Подойдя к Булларду, адмирал сел рядом.

— Поздравляю, — сказал он. Затем адмирал перешел на серьезный тон, — Вы уже знаете, что происходит на Титании? Я посыпал к вам Биссела. Не очень-то приятно собирать вашу команду и отправлять ее на сложное задание в такое время. Но кроме «Поллукса», сейчас нет других кораблей, готовых к бою. Вы сможете вылететь через четыре часа?

— Смогу отправиться через час и доложить об этом, если вы подключите меня через систему местного оповещения, — выпалил Буллард. Он не только ожидал такого за-

дания, но и хотел его получить. Зифлера он ненавидел всей душой. Это был предатель, жестокий и беспринципный человек, исправить которого можно было только одним способом — уничтожив его.

Через пять минут Буллард обратился к своим морякам.

— Бегом! — этим словом он закончил свою речь и выключил микрофон.

Сожженная и разграбленная крепость Калибан находилась под ними. Буллард отстранил рулевого и взялся за управление сам. Он убавил мощность антигравитационной установки наполовину и медленно пошел на снижение, пристально вглядываясь в пустынную местность. Наконец он увидел то, что искал: лежащий на грунте крейсер класса «Дэнфуг» и толпу людей, разбивших вокруг него лагерь. Там горели фосфорные огни — бандиты отмечали свою успешную вылазку. Повсюду катались пустые бочки из-под крепчайшего снагера. Возле бочки, все еще стоявшей на днище, собралась большая толпа.

— Сначала корабль, — мрачно скомандовал Буллард.

— Есть, сэр, — только и сказал в ответ офицер-артиллерист Фрэзер.

Ослепительный луч невероятной силы был направлен вниз. На месте крейсера возникла и тут же пропала вспышка. Там, где только что стоял корабль, растекались ручьи расплавленного металла, от которых летели фонтаны искр.

— Прекратить огоны! — приказал Буллард. — Главный адмирал хочет, чтобы их доставили по возможности живыми.

Он отключил антигравитатор и включил дефлекторы. «Поллукс» опустился в милю от сгоревшего крейсера, совершив благополучную посадку на черную равнину. С корабля хорошо были видны прожекторы бандитов и блики их света на гладкой поверхности. Но здесь высадке ничего не мешало.

К тому времени, когда десант приготовился к операции, дозорный сообщил, что в сторону «Поллукса» идет отряд людей с поднятыми руками. Внимательно рассмотрев их, Буллард не заметил никакого серьезного оружия. Он знал, что новые электронные пушки были тяжелыми, переносить их и вести из них огонь можно было только вдвоем. С любым другим менее серьезным оружием ветераны «Поллукса» могли разобраться и делали это без проблем.

— Узнайте, кто они и чего хотят, — распорядился Буллард. — Если предложения окажутся здравыми, впустите троих для переговоров. Не больше. У этого Зифлера полно крапленых карт в рукаве. Я ни при каких условиях не поверю ни единому его слову.

Но это был не Зифлер, а Скул Дросно, бывший премьер-министр империи Юпитера. Его сопровождали два адьюнкта. Они сообщили, что хотят договориться об условиях капитуляции. Парламентеры рассказали, что они свергли взбесившегося Зифлера и взяли его под стражу, что они готовы доставить его на «Поллукс» связанным. В обмен они просили гарантировать им личную неприкосновенность и помилование для всех своих сообщников. Скул Дросно сказал, что все они были обмануты, и поэтому не боятся справедливого суда.

— Впустите их, — сказал Буллард, продолжая сомневаться. — Я поговорю с ними.

Скул Дросно начал свое официальное приветствие. Буллард терпеливо выслушивал его церемониальную речь. Вдруг Дросно замолчал и начал валиться в сторону. Тело его обмякло, веки его глаз крепко сжались в гримасе сильной боли, а руки затряслись. В следующее мгновение он выпал из кресла и оказался на полу. Похоже было, что он потерял сознание. Один из адъютантов Скула Дросно тоже начал шататься, а на лице его отразилось страдание.

«Ну и спектакль!» — подумал Буллард, вскакивая с места. Он мельком взглянул на Мура, который сидел в стороне, и увидел, что Мур тоже обмяк в своем кресле и закрыл глаза. И тут предметы начали расплыватьсь в глазах Булларда. Его колени подкосились, а в ушах начало звенеть. Буллард стал задыхаться и хватать воздух ртом. Тут к его лицу начал приближаться пол и Буллард о него ударился. Сознание покинуло капитана.

Придя в себя, Буллард прежде всего услышал оглушительный и невыносимо мерзкий хохот Зиффера.

— Как же такое могло случиться! — ликовал бандит. — А еще великая личность! У меня в плену неповторимый, непобедимый и неподкупный Буллард — герой девяти планет!

Буллард открыл глаза, не поддаваясь пульсирующей боли в затылке. Он сидел, со связанными руками и ногами, на стуле, а бывший шеф имперской тайной полиции Юпитера, который сейчас терроризировал спутники бывшей империи, стоял перед ним и радовался.

— Видать, не такой уж он и непобедимый, — продолжал Зифлер, закуривая сигарету и усаживаясь на противоположный стул. — Мы никогда не видели его за пределами «Поллукса». Но теперь, когда он в наших руках, меня терзает любопытство. Чего же он стоит сам по себе? Хагстунд! Иди сюда!

К Зифлеру подошел звероподобный бандит, бывший каторжник.

— Что скажешь? Поиграем немного? Почему бы не одеть этих ребят в скафандры и не отпустить на двадцать четыре часа? А потом устроим охоту. Вот этот человек о-о-о-очень знаменит своей смекалкой. Посмотрим, что у него получится на мертвой планете. Мы их головы пересчитали, и сколько их, знаем точно. Я назначаю приз, призы. Десять тысяч солов за их главного, кто бы его ни поймал. Еще десять тысяч — за последнего и еще пять за предпоследнего. Будет весело, правда?

Зифлер глотнул снагера и многозначительно подмигнул. Буллард ни на мгновение не верил, что тот был пьян. Для этого Зифлер был слишком хитрым. Эта уловка должна была вселить в экипаж «Поллукса» ложные надежды. Буллард очень хорошо знал, что представляют собой пустыни Титании. Он здесь уже бывал.

Кроме порта Калибан, арсенала и нескольких станций, которые, несомненно, уже разграбили, на Титании нет ничего — только ледяные равнины, покрытые воронками от метеоритов.

— Так точно, шеф, — согласился Хагстунд. — Что насчет корабля?

— Оставьте его там, где он лежит. Следующий пришлют нескоро, а я не хочу, чтобы вы, бабуины, по нему лазили. Давайте поиграем с этими ребятами, а уж потом возьмемся за работу. Времени еще полно.

Булларда рывком подняли на ноги и под дулами новых электронных пушек заставили надеть обыкновенный скафандр. Как только пелена в пульсирующей от боли голове Булларда прошла, он обнаружил себя в кают-компании. Вся его команда уже была здесь.

— Да, чуть не забыл, — развязно проговорил Зифлер. — Говорят, что я злой. Но я облегчу твои мучения. То, что тебя свалило, — это наш новый гипногаз. Все устроено очень хитро. Обработайте им, к примеру, пальто, а при контакте с воздухом он испарится, и все, кто оказался рядом, заснут. Естественно, мои ребята тоже отключились. Все, кроме одного, который принял лошадиную дозу противоядия. Он оставался на ногах достаточно долго, чтобы открыть нам шлюз, но потом, к сожалению, умер. Прискорбно, но в нашем деле без этого не обойтись.

Буллард не проронил ни слова. Он был готов ко всему. Перспективы выглядели мрачно, но для него это было не в новинку.

— Еще увидимся, Зифлер, — сказал он, надеясь не оказаться голословным. Свою славу Зифлер заработал садизмом, а не отвагой, и таким выпадом его еще можно было выбить из колеи. — Пошли. Твоей компании я предпочту все, что угодно.

— Да? — сказал Зифлер. Но тут же он отдал приказ своим людям.

Вся команда «Поллукса» была в сборе. Людей выталкивали через шлюз группами по четыре человека и приказывали идти дальше. Булларда оставили напоследок. Похищители злорадно пообещали дать им целые земные сутки, перед тем, как они начнут охоту.

— Держаться вместе, — сказал Буллард в микрофон скафандра, когда двери шлюза закрылись за ними. — Всем офицерам подойти ко мне.

Свет на Титании оставался слабым даже в полдень. Но и этого света офицерам было достаточно, чтобы рассмотреть жесты Булларда. А он использовал язык жестов — им пользовались все космические стражи, когда опасались быть подслушанными.

— Около тридцати миль отсюда, в сторону полюса, расположен кратер, оставшийся после падения метеорита, — начал Буллард. — Там находится секретная лаборатория, в которой мы несколько лет проводили исследования. Возможно, эти бандиты до сих пор ее не отыскали. Туда и отправимся. При такой гравитации мы доберемся туда за пару часов, но я не уверен в ее точном расположении. Отправьте матросов на разведку. В здании лаборатории должны лежать сигнальные ракеты. Пусть тот, кто туда придет, выпустит их. Во время моего прошлого визита в лаборатории работало от восьми до десяти ученых. У них была отличная межпланетная радиосвязь. У них должно быть оружие, а на худой конец, мы сможем послать сигнал тревоги.

«Слепящие дротики» молча отдали капитану честь и рассредоточились в полумраке.

Первым к цели добрался лейтенант Аллан Маккей. Сначала у него возникли трудности с поиском сигнальных ракет, но вскоре он их нашел. Вопреки надеждам Булларда, вандалы уже побывали здесь и перевернули все вверх дном. Повсюду лежали трупы физиков и химиков, а растерзанное тело директора лаборатории было распято на стене. Пол покрывали обрывки документов, разбитые колбы и перепутанные провода. Радиостанция превратилась в груду обломков. У Маккея, новичка на службе, дрожали руки, но он выполнил приказ и выпустил сигнальную ракету.

Буллард мрачно разглядывал картину погрома. Теперь он сожалел о сигнальных ракетах. Несомненно, люди Зиффера их тоже заметили. Изначально он надеялся отправить в штаб на Луне сигнал тревоги, а потом рассредоточить свою команду в надежде, что хоть кто-нибудь переживет охоту на людей.

Но ситуация изменилась, и, поскольку все другие варианты поведения казались безнадежными, Буллард не стал гасить сигнальные огни. Оставаясь вместе, его команда могла хотя бы временно оказывать сопротивление. В ожидании головорезов он принял разглядывать обрывки бумаг, блокнотов и журналов, разбросанных по полу.

Большинство из них представляли собой рутинные отчеты об экспериментах, но исписанная красными чернилами страница № 97, кусок которой он нашел, привлекла его внимание.

В отличие от большинства метеоритов, тот, который оставил на планете этот кратер, не был уничтожен при

столкновении с поверхностью. Точнее, он был уничтожен не полностью. Мы обнаружили его фрагменты. Они слегка искривлены, и это указывает на то, что они при ударе расслоились. Радиус метеорита составлял около тридцати одного метра, а его толщина — несколько дюймов. При столкновении метеорит распался не на молекулы, а всего лишь на осколки. В помещении склада на дне кратера лежит больше ста таких осколков. Самые крупные из них — не большие двадцати сантиметров в ширину. Они состоят из вещества, похожего на нефрит. При попытке обработать их обычными инструментами оказалось, что они поддаются стальным бурам и не настолько прочны, как ожидалось. Любопытно, что эти фрагменты не пропускают рентгеновские лучи. По какой-то загадочной причине они ломают любые рентгеновские трубки, которые на них направляют. Они, так сказать, устраивают встречный пожар. Возможно они...

Страница закончилась. Буллард принял отчаянно искаль страницу 98, но так и не смог ее найти. Буллард подозревал Бентона:

— Соберите отряд и обыщите кратер. Вы должны найти там склад, а на складе — камни, похожие на нефрит. Если найдете, несите сюда. Быстрее!

Остальным он сказал:

— Уберите из мастерской мусор и проверьте ручные дрели. Снимите с мертвцев ботинки и нарежьте из них ремни. Как только закончите с этим — снимайте свои сапоги и сделайте с ними то же самое. У нас мало времени.

Вскоре лейтенант Бентон вернулся вместе с отрядом. Все его люди держали в руках округлые куски стеклообразного минерала цвета болотной ряски. Эти куски были достаточно крупными и имели необычные, зазубренные края. Буллард схватил один из таких кусков и присмотрелся к нему.

— Позовите Маккея, живо! — крикнул он вдруг. — Бентон, забирайте все это и просверлите в каждом куске по две пары отверстий — тут и тут. Потом прикрепите к ним ремни. Сделайте из них то же, что вы делали с отражателями, когда были «Слепящими дротиками».

Бентон удивленно взглянул на Булларда, но он уже давно привык доверять своему командиру. Собрав блестящие куски метеорита, он пошел к своим подчиненным.

У Булларда отлегло от сердца. То, что он попробует сделать, было рискованной игрой. Но сыграть в нее было лучше, чем ждать, как скот на бойне ждет мясника, или безнадежно бежать по пустыням Титании. Теперь Буллард безмерно радовался тому, что во время последнего визита на Титанию он ушел с бала генерал-губернатора и посетил эту уединенную лабораторию. К этому времени эксперименты, описанные на обрывке найденной страницы, уже начались. Об осколках метеорита, найденных в кратере, тогда еще почти ничего не было известно. Но Буллард помнил догадки ныне мертвого ученого, которые он тогда высказал.

К Булларду подбежал лейтенант Маккей:

— Слушаю, сэр.

— Передайте коммандеру Муру, чтобы собрал всех, кто играл в команде «Слепящие дротики». Это касается

и запасных игроков, и любителей. Всем остальным найти укрытие в центре кратера и ждать приказа. Понятно?

Как и ожидалось, головорезы Зифлера не стали играть даже по своим собственным правилам. Установленный ими срок они уменьшили на несколько часов. Бентон, назначенный вести наблюдение, сообщил о толпе, идущей к кратеру по равнине. Бандиты шли довольно плотно, как будто зная, что экипаж «Поллукса» не разбежался по пустыне, а засел в так называемом «Загадочном кратере» всем составом.

— По местам! — скомандовал Буллард. Он стоял в полу-мраке у края кратера. Чуть вдалеке за его спиной оставалась разрушенная лаборатория. Слева и справа от Булларда залегли его доблестные «Слепящие дротики». Они скрывались за бастионом, который образовали стены кратера.

— Бентон! — позвал Буллард. — Рассредоточьте свой отряд по обоим флангам. Когда эта толпа окажется на полпути к кратеру, пустите в них сигнальную ракету. Потом пригнитесь и бегите ко дну кратера. Прячьтесь там, пока я не дам отбой.

Бентон нашел восемь старых огнеметных пушек. Как оружие, они давно устарели, но причинить с их помощью тяжелые ожоги еще было можно.

Капитан Буллард еще раз взглянул на приближавшийся отряд. Он заметил, что бандиты захватили несколько новых электронных пушек и уже поднимались с ними на склон кратера. Вот часть толпы добралась до середины склона и остановилась в ожидании пушек. Чей-то голос

выделился их общего гомона, и его обладатель издавательски прокричал:

— Ничтожества! Выйдете сами и встретите свою судьбу, или к вам спуститься?

— Сейчас! — мягко сказал Буллард в микрофон.

Восемь старых огнеметных пушек извергли красные струи, и, издав на прощанье характерный треск, утихли — стрелки ушли внутрь кратера. Хорошо, что Буллард предвидел ответный огонь. Бандиты открыли его почти сразу же. Склон озарился десятками ярких вспышек, и вверх по склону направились тонкие лучи почти невидимого фиолетового света, которые заиграли, разбившись о края кратера. Вверх полетели камни, которые тут же обращались в искрящиеся потоки лавы.

— Пора? — волновался Маккей. Он лежал в укрытии рядом с капитаном.

— Еще нет. Ждите, когда они подойдут ближе.

Обстрел продолжился, но вскоре прекратился. Буллард осторожно выглянул из укрытия. Он увидел, как каллистианцы снова поднимаются по склону к краям кратера.

— Как обиднее всего можно оскорбить каллистианца? — прошептал Буллард, всматриваясь в темноту. — Вы же знаете их язык.

— Фроахбортлен, — тут же ответил Маккей. Каллистианский язык был богат ругательствами, но именно это слово выражало оскорблечение наиболее точно. На него обиделся даже самый хладнокровный преступник.

— Пригласите их, — хмуро сказал Буллард. — Когда они отзовутся, действуйте, как договорились.

— Отряд, встать! — приказал Маккей своей команде. Потом он включил микрофон на максимум и произнес свое грубое трехэтажное «приглашение».

Буллард затаил дыхание. Жребий был брошен. Но тут же его охватили сомнения. Сможет ли он победить или проиграет? Кто окажется победителем в грядущем побоище? Что ж, это станет известно уже через несколько секунд.

Свойства странных осколков метеорита оставались загадкой. Они задерживали гамма- и другие излучения, а также ломали любые рентгеновские установки, возвращая выпущенные из них импульсы энергии. То есть они поглощали и отражали сфокусированные лучи, а вещество с такими свойствами ученые уже давно и безуспешно пытались создать сами.

Шлем Маккея еще выбрировал от произнесенного им ругательства, когда в него полетел ответ — залп электронного огня. Но теперь преградой для него оказались не только камни. Группа молодых людей встала на пути лучей — и до чего же странно они выглядели! К их рукам, лбам, поясам и даже щиколоткам были привязаны блестящие каменные пластины. Они прыгали, плясали и, как безумные дервиши, крутились на месте, ловко отражая каждый фиолетовый луч, летевший в их сторону. Разрушительная энергия пушек возвращалась туда, откуда прилетала.

Головорезы, должно быть, не ожидали такого отпора от людей, которых они считали безоружными, поэтому еще пару секунд продолжали упорно стрелять. Наконец, огонь прекратился. Наблюдатели на краю кратера увидели, как несколько выживших бандитов бегут восвояси.

— Жаль, что у нас не было их оружия, — вздохнул Буллард. — Могли бы управиться одним ударом.

Он достал фонарик и пошел вниз по склону. Множество электронных пушек стояли на своих треногах или валялись на склоне, брошенные убегавшими бандитами. Буллард наступил на что-то мягкое. Он посветил себе под ноги и увидел то, что при других обстоятельствах можно было бы назвать омерзительным зрелищем. Повсюду валялись оторванные руки и ноги. Среди них лежали другие фрагменты человеческих тел, опознать которые было труднее. Боевики Зифлера, некогда наводившие ужас на все внешние планеты, были рассеяны в буквальном смысле слова.

Буллард включил свой микрофон.

— Хорошо, Мур. Собирайте людей, мы возвращаемся.

Обратный путь по ледяной пустыне оказался легче, и скаймены прошли его быстрее. В их сердца возвращался покой. В те часы, когда «Слепящие дротики» считали свой корабль потерянным, их терзало такое отчаяние, как будто их самих ожидала смерть. Но сейчас они видели корабль целым и невредимым. «Поллукс» лежал в миle от них, там же, где они его оставили.

Поиски Зифлера и его разбежавшихся сообщников заняли некоторое время, но в конце концов их нашли. Бандиты прятались за большим камнем и скулили.

— Надеть на них наручники и посадить в карцер, — сказал Буллард, входя внутрь корабля.

У себя в каюте он взял сигнальный блокнот и отправил короткий отчет. Чуть позже на лунной базе главный адми-

рал получил от своего адъютанта узкую полоску желтовой бумаги. Адмирал прочитал один раз, второй... Затем он чуть нахмурился и поскреб висок указательным пальцем.

— Буллард, этот умник, просто смеется над нами. Кого черта! — произнес он, бросив листок Бисселу. Поймав его на лету, Биссел прочитал:

Получив отражение, враг сдался.

БИЛЛ БРИМСТОУН

Билл был мошенником, непревзойденным мастером выманивать деньги и чудесным оратором. В его распоряжении имелись особые технические устройства. Но коммандер Буллард нашел плохому актеру замечательное применение!

Заключенных привели в каюту и построили вдоль одной из переборок. Капитан Буллард, неподвижно сидевший за столом, бросил на бандитов стальной взгляд. Лейтенант Бентон и пара матросов с пистолетами наизготовку тоже не сводили с заключенных глаз, так же как и коммандер Мур, стоявший за столом Булларда. Последний кивнул и процесс начался. Один за другим заключенные, гремя цепями, стали подходить к столу. Капитан «Поллукса» холодно осматривал каждого из них, сравнивая внешность и приметы бандитов с их описаниями в радиограмме.

Это были уцелевшие головорезы из знаменитой банды Зифлера. Их поймали месяц назад на Обероне, после боя на склоне небольшого кратера. Моряки «Поллукса» уже назвали эту схватку «Зеркальной битвой». Первым в спис-

ке, конечно же, значился сам Эгон Зифлер. Его высокомерие исчезло давно и навсегда. За ним шел Скул Дросно, его главный помощник. После этой пары настала очередь других выродков, которые испытали на себе отражение ими же извергнутого огня. Все они были крупными и неповоротливыми грубыми каллистианцами, покрытыми ожогами, шрамами и остатками волос на головах и руках. Последний, тринадцатый заключенный казался человеком совсем другого типа. Наконец, очередь дошла до него, и он встал перед столом Булларда.

— Пол Гроган, — произнес Бентон, взглянув на последнее имя в списке.

— Хм-м-м, — промычал Буллард. Он взглянул на плюгавца, комично вставшего перед ним по стойке «смирно», перевел взгляд на радиограмму Бюро Справедливости с кратким описанием биографии арестанта. Затем Буллард осмотрел пленника более детально. Надо же было этому чудаку оказаться в такой компании!

Человек по имени Гроган был высохшим недокормленным малым, а в том, как он держался, странным образом сочетались подобострастие и чванство. В глаза прежде всего бросалась его непропорционально крупная голова с выдающимся лбом. Седая львиная грива пленника на первый взгляд казалась признаком благородства. Но это впечатление тут же опровергали бегающие глаза самозванца и его подрагивающие губы. Буллард снова обратился к радиограмме:

«Гроган, он же Зандер, он же Ардвелл, он же Нордхэм. Может называться и множеством других имен. Мелкий

плут и мошенник, наглый шулер. На территории Федерации часто подвергался арестам за мелкие хищения, но доказать его вину не удавалось. Данных о его связи с бандой Зифлера не имеется».

— Хм-м-м, — снова протянул Буллард. Он вдруг вспомнил, что жизнь как-то раз уже свела его с Гроганом. С того дня прошло уже много времени, но Буллард так и не забыл про эту встречу. Он не хотел говорить об этом прямо, потому что его воспоминание не давало повода ни для гордости, ни для радости. Чтобы проверить память, Буллард спросил:

— Вы посещали Венеру, будучи странствующим проповедником? Под именем Билла Бrimстоуна, если запись верна?

— Так и есть, сэр, — с робкой улыбкой признался Билл Бrimстоун. — Но я давно с этим покончил, сэр. Это не приносило доходов.

— В самом деле? — удивился Буллард. Память говорила ему совсем другое. В те дни, прибыв на Венеру, он был еще гардемарином. Однажды ночью, на окраине Эросбурга, они с товарищами отправились вслед за группой скайменов и попали в ярко освещенный зал, у входа в который красовалась надпись: «Придите, увидьте и услышьте Билла Бrimстоуна — вход свободный». И они вошли, увидели, услышали. Любопытство стоило юному Булларду месячного оклада — то есть всех денег, которые при нем оказались. Ибо он был заворожен пламенными речами маленького человека с львиной гривой и сверкающими глазами. После коленопреклонения перед трибуной и раскаяния в том, что

он «плохой мальчик», Буллард вывернул все карманы, чтобы сделать достойное пожертвование в пользу «общего дела». От этого воспоминания Булларда передернуло.

— Да, сэр, что касается денег, прибыльным это дело не было, — сказал маленький человек. — Но не в глазах других.

— В глазах полиции, наверное?

— О, нет! Вовсе нет, сэр, — запротестовал Билл Бrimстоун. — Все, что я делал, было абсолютно законным. Но этот молокосос... мmmm. Это собрание... В общем, они заподозрили неладное. А тот наглец, молодой аптекарь, однажды вечером им все объяснил...

Пленник поднял скованные руки и вывернул их ладонями вперед. Каждую из ладоней покрывал багровый звездообразный шрам.

— Они меня распяли. На следующий день полиция сняла меня, и я поклялся, что больше никогда не буду проповедовать. И я не буду, так что помогите мне.

— Тут вы правы, — сказал Буллард мрачно, убедившись в том, что память его не подвела. — Вы в последний раз поделились мнением о том, что законность — это понятие растяжимое. Банда, с которой вы были пойманы, будет уничтожена.

Билл Бrimстон издал вопль и упал на колени.

— А вот это приберегите для суда, — сказал Буллард жестко. — Бентон, уведите их.

Когда все ушли, Буллард растянулся в кресле и прикрыл глаза. Он быстро выбросил из головы Зифлер и его

бандитов. Инцидент в Обероне теперь был исчерпан и стал еще одной записью в бортовом журнале прославленного «Поллукса». Значение имело только будущее.

«Поллукс» простоял на страже разрушенной крепости Калибан, пока не прибыло подкрепление. Теперь корабль шел домой. На лунной базе Булларда и других членов экипажа ждал давно заслуженный отдых. И не было на корабле человека, которого в приемном доке космопорта не собиралась бы встретить жена или любимая. Впереди были отпуск и свобода, а поскольку в буфете корабля все жалование потратить было невозможно, каждый член экипажа скопил на своем счету солидную сумму: кто — годовой оклад, а кто и побольше. Более того, за ликвидацию банды Зифлера все получили хорошее вознаграждение. Не было еще в истории Патрульной Службы корабля, моряки которого возвращались бы домой такими богатыми. А ведь всем им по прибытии в порт будут радостно махать яркими платками. И морг, и аккуратные койки в лазарете были пусты. «Поллукс» одержал победу без жертв.

Именно в этот день, когда корабль должен был прибыть на родину, резкий двойной удар в дверь сообщил Булларду, что к нему пришел Мур. Исполнительный офицер вряд ли был бы так настойчив, если бы не произошло что-то важное. И когда Буллард встал и увидел в руке Мура пару желтых бумажек, его сердце сразу упало. Приказы. Приказы, опять приказы и еще раз приказы! Неужели они никогда не оставят корабль в покое?

— Что теперь? — настороженно спросил Буллард.

— Это из Бюро Справедливости, — сказал Мур, положив первую радиограмму. — Они только что распорядилось о немедленной выплате всему экипажу премий за Зифлера. У ребят на руках окажутся неплохие суммы.

Буллард хмыкнул, так и не посмотрев на радиограмму. Конечно, люди получат бонус, и неплохой. Но почему именно сейчас? Он знал привычку Мура оставлять плохие новости на потом.

— Продолжайте, — глухо произнес он. — Что там еще?

Мур вздохнул и потоптался на месте. Затем он молча протянул Булларду вторую радиограмму. В ней говорилось:

«По пути к Луне «Поллукс» остановится в космическом порту Юноны, чтобы очистить корпус. Заплатите экипажу причитающиеся суммы и предоставьте всем увольнение на время стоянки. Ожидается безоговорочное выполнение данного приказа.

Главный адмирал».

Буллард с ненавистью посмотрел на радиограмму, скомкал ее в плотный шарик и швырнулся в сторону. С минуту он сидел, бормоча себе под нос проклятия. Красный туман гнева слепил его. Буллард предпочел бы, например, развернуться и отправиться к орбите Нептуна для еще одной битвы, если бы в том была нужда. Но это!

Он встал, оттолкнул кресло и стал ходить по каюте, как тигр по клетке. Какой же грязный трюк хотят проделать с ним и со всем экипажем «Поллукса»! Начнем с того, что

на корабле не было «небесных ракушек» — своеобразных пузырей на корпусе, которые оставляют питающиеся железом межпланетные споры. А если бы и были, на Юноне избавиться от них негде. Сервисная станция космопорта имела десятый уровень, и могла обслуживать только буксиры и минные заградители. От двадцати служащих этой станции нельзя было ожидать, что они обработают корпус раньше, чем через месяц. А правила запрещали экипажу присутствовать на корабле во время стоянки в доках планетарной верфи. И объединения работников верфей за этим следили. Кроме того, Юнона находилась не «по пути к Луне», а очень далеко от нее. Сейчас Земля располагалась между кораблем и Солнцем, тогда как Юнона находилась в противоположной стороне. Проклятье!

Буллард зарычал от злости, и толкнул ногой сумку электрика, оказавшуюся у него на пути. Это, черт бы их побрал, было еще не все! Юнона давно превратилась в одну из самых мерзких помоек Федерации. Этот крупный астероид был столицей астероидных старателей, добывавших в космосе золото. Естественно, на Юноне обитали полчища авантюристов всех мастей и им подобной публики, собравшейся со всей Солнечной системы. Юнона буквально гнилась кабаками, игорными домами и притонами всех видов. Ни один порядочный человек не выдержал бы там и трех дней. Он либо сбежал бы оттуда, либо запил. А то, что на Юноне начиналось с пьянства, обычно заканчивалось наркотиками или чем-то похуже. В эту адскую дыру Булларду и приказали отогнать его замечательный корабль, чтобы он простоял там тридцать дней. Буллард чуть не взмыл, когда

подумал о женщинах, с нетерпением ожидавших его прекрасных парней.

— Должен ли я опротестовать приказ, сэр? — с надеждой в голосе спросил Мур.

— Конечно, нет, — отрезал Буллард. — Я никогда не опротестовываю приказы. Даже если небо упадет. Я выдержу и этот тоже, черт бы их побрал! Но человека, который продиктовал этот приказ, я заставлю...

Внезапно Буллард спохватился. Он хотел продолжить: «...пожалеть об этом», но тут же вспомнил, что семья Мура каким-то образом связана с Феннингами. Ну, конечно же! Склонить начальство Булларда к отдаче такого приказа мог только сенатор Феннинг! Конечно, загадочный приказ издал и подписал главный адмирал, но он же оставил и ключ к разгадке в последнем, излишнем предложении: «Ожидается безоговорочное выполнение данного приказа»! Да какому же адмиралу придет в голову, что хотя бы один из его приказов может быть не выполнен! Поэтому смысл последнего предложения для Булларда был примерно таким:

«Буллард, мы знаем, что это глупо и несправедливо, но мы здорово вlipли. В этом году козлом отпущения избран ты. Так что будь славным малым и смирись. И чтоб без шуток, старина. Мы знаем, что ты найдешь способ обойти любой дурацкий приказ, но сейчас сделай одолжение, не подведи».

Буллард сжал губы, вернулся в кресло и спокойно сказал Муру:

— Измените курс на Юону. Сообщите адмиралу, что он может быть уверен: его приказы будут безоговорочно выполнены.

Возможно, коммандера Мура удивила быстрая капитуляция Булларда. Однако в отношениях со своим адмиралом можно оказаться более беспомощным, чем в схватке с самым находчивым и беспощадным противником.

— Есть, сэр, — сказал Мур и вышел из каюты.

Прошли две недели, затем еще две. Они находились внутри орбиты Юпитера и приближались к главному астероидному поясу. Скаймены «Поллукса» то и дело посматривали на бледно-голубой крошечный диск с серебристой точкой спутника, когда они показывались на низкомощном экране, и тоскливо думали о доме. Дом был так близко и вдруг снова начал удаляться. Ведь корабль отклонился от курса влево, прошел мимо Марса, уже оставил позади Солнце и продолжал мчаться к несчастной крохотной Юоне с ее невзрачными обитателями.

За эти дни обычная активность экипажа утихла и перешла в унылую рутину. Все матросы и старшины думали: «Что толку в этой командировке? Мур и Бентон пытались объяснить необъяснимое, но люди реагировали на это вяло. Некоторые предполагали, что Патрульная Служба свихнулась. Многие собирались устроить грандиозный кутеж в тот же вечер, когда они прибудут на Юону. Конечно, все хотели совсем другого, но доступными теперь были только убогие развлечения. Только Буллард и лейтенант Маккей держались в стороне от всех и, судя по их виду, мало интересовались ближайшим будущим.

Алан Маккей служил в Патрульной Службе недавно, а его специальностью были языки. Время, свободное от

дежурств, он проводил в карцерах, где беседовал с арестованными каллистианцами. Маккею удалось собрать много сведений о недавней войне. Изучив наблюдения, сделанные противниками, он пришел к выводу, что для департамента такая информация будет представлять немалую ценность. Кроме того, он узнал еще кое-что о последнем набеге бандитов на Оберон. Когда начнется суд, все это очень пригодится прокурору. Ну, а Буллард закрылся в своей каюте. Часами расхаживая по ней, он пытался придумать, как справиться с очередной проблемой.

Мысли его бегали по цепи от одного звена к другому, пока не возвращались в исходную точку, и тогда размышления начинались сначала. Был корабль, был экипаж, были преданные женщины, ждавшие возвращения скайменов, были записи в казначейских книгах, которые так много значили для тех и других. И был убогий город Гераполис с его алчными гарпиями и тысячами испытанных способов, которыми выманивают деньги у истосковавшихся по «берегу» моряков. Был расчетливый повелитель астероидов, их фактический владелец и кредитор, к которому, в конечном счете, все деньги и стекались. Этот человек также заседал в верхней палате Большого Совета Федерации, и было влиятельной фигурой межпланетной политики. Его имя было Феннинг. Сенатор Феннинг был председателем комитета, который распределял финансовые средства, в том числе и для Патрульной Службы. Тут мысли Булларда перешли за земной календарь. Сейчас на Земле был март, а значит, годовой бюджет сейчас находится в стадии подготовки. Вспомнил он и о Генеральной Службе, которая с од-

ной стороны команда Флотом, а с другой — тесно сотрудничает с Большим Советом как многолетний получатель средств. Это, естественно, натолкнуло Булларда на мысль о материальных запросах главного адмирала и о нуждах Службы в целом. А потом Буллард снова возвращался к последнему приказу, который получил «Поллукс», и порочный круг начинался снова.

Буллард был достаточно скептичным и искушенным в жизни человеком, чтобы понять с самого начала: команда «Поллукса» на Юону была ничем иным, как скрытой взяткой почетному сенатору. Возможно, у астероидных шахт выдался плохой сезон, и они задерживали платежи. Если так, то они нуждаются в крупных наличных, чтобы свести концы с концами. А возможно, это была просто ненасытная алчность Феннинга, либо он проделал этот маневр, чтобы просто показать свою власть. Либо он шантажировал Патрульную Службу, требуя соорудить маленький и неудобный космический док, которому следовало либо приносить деньги, либо не существовать вообще. Возможно, сенатору надо было получить выгоду, чтобы оправдать какое-то из своих предыдущих действий. Но какие бы мотивы ни двигали Феннингом, они были постыдными. Не было у Службы острой необходимости в том, чтобы «Поллукс» посетил Юону сейчас или когда-либо вообще. И уж совершенно точно, никакая политическая необходимость или личные амбиции не могли в глазах Булларда оправдать то, что собирались сделать с командой «Поллукса».

Булларда беспокоило и этическое содержание проблемы. В сущности, это уже просто раздражало. С Буллардом

и его офицерами, с ветеранами корабля, которые составляли нравственный костяк экипажа, корабль не мог погибнуть, сколько бы долго им ни пришлось оставаться на Юноне. Буллард знал, что может рассчитывать на многих, возможно, на половину моряков, которые сойдут на берег только случайно. С другой половиной обойдется довольно строго, если они, пусть и после изнурительного, тяжелого похода, перейдут разумные пределы на берегу. Но в обоих случаях ему придется иметь дело с недовольством людей. Достойные, дальновидные, понимающие скаймены уже возмущались вмешательством в их планы, поскольку не видели причин для этого. Они выдержат удар судьбы достойно, как настоящие мужчины, но вряд ли сделают это вежливо и совсем уж безмолвно. Если станет назревать бунт, будут приняты дисциплинарные меры, а если меры эти будут излишне жесткими, оскорблением себя сочтет весь экипаж. Впрочем, они испытывали унижение уже сейчас. Разве тот факт, что им выдали хорошие деньги, но не пустили домой, а отправили принудительно отдыхать на Юнону, не был предложением выложиться по полной?

Буллард знал, что у него оставались и другие варианты действий. Самым простым было бездействие — то есть дать людям расслабиться. Пройдет несколько месяцев в космосе, и понесенный скайменами ущерб начнет забываться. Однако в этом случае ничто не сможет отменить ни разочарование женщин, ждущих скайменов на Земле и Луне, ни деморализацию экипажа от того, что люди не смогли добраться домой вовремя и с деньгами. Нельзя будет вернуть деньги, которые у них вытянут на Юноне всякого рода

агенты Феннинга. И наконец, если Буллард и сам уже был на грани мятежа, что уж тогда говорить о других? Нет, он должен что-то предпринять.

Да, он мог просто отправиться к Луне и взять вину на себя. Возможно, его за это выгнали бы с флота. Он мог бы открыто рассказать об этой истории по магнавоксу, то есть дискредитировать сенатора Феннинга и Систему. И его жертва будет стоить такого поступка. Но так ли это? Осмелится ли сам магнавокс отправить этот рассказ в эфир? И не повредит ли такой ход Булларда репутации адмиралов? Ведь они не хуже Булларда знали, в какую передрягу тот попал. Они сделали свой выбор, и сделали его на благо Патрульной Службы. Система не может быть нарушена, либо это произошло бы уже давно. Просто настала очередь «Поллукса» сделать свой вклад.

Буллард вздохнул. До прибытия на Юону оставалось уже меньше недели, а он все не находил выхода. Время от времени он впадал в уныние и уже почти соглашался признать себя побежденным. Однако жизненный опыт удерживал Булларда от такого шага. Ведь должен же быть какой-то способ победить Феннинга! Способ, который не бросит тени ни на главного адмирала, ни на «Поллукс», ни на его экипаж. А если очень повезет, то и на него самого. Буллард вздохнул, взъерошил волосы и снова принялся мерить каюту шагами.

Ход его мыслей прервал лейтенант Маккей. Он хотел поговорить о пленных. Маккей уже закончил их расспрашивать и теперь готовил отчет. Он собирался дать несколь-

ко собственных рекомендаций, но сначала хотел узнать мнение капитана и получить его одобрение.

— Насчет того землянина, Зандера. Вы знаете... — начал он.

— А, Билл Бrimстоун? — усмехнулся Буллард. Он был даже рад, что Маккей пришел и отвлек его. В последнее время чувство безысходности все больше овладевало Буллардом, и он страдал уже не на шутку.

— Да, сэр. Крайне неприятный тип, но в последнее время мне иногда становится жаль его. Этот старый прохвост не имел ничего общего с бойней в Калибане. Когда на крепость напал Зифлер, он оказался там случайно, и не убили его тоже случайно. В Калибане он раздавал карты при игре в ранго, а у хозяина казино имелась пара вышибал-каллистианцев. Этим вышибалам Зифлер дал шанс присоединиться к банде, а те, в свою очередь, не дали убить Бrimстоуна и захватили его с собой. Но сам Brimстоун не принимал участия ни в той резне, ни в других преступлениях банды.

— Я понимаю, — сказал Буллард. Какое-то время он подумал, а затем продолжил: — Но я-то что могу сделать? Что с ним будет дальше, решит суд. А вы этому суду представите свой отчет.

Когда Маккей ушел, мысли Булларда снова обратились к его давней встрече с маленьким шарлатаном. Так или иначе, тогда этот парень оказал на него огромное влияние. Настолько большое, что когда Буллард все это уже осмыслил, ему стало ясно, что там, на Венере, он пережил что-то вроде шока. Тогда Буллард пришел к заключению, что он

имел дело с хорошим человеком, который, однако, сбился с пути. Но теперь он знал его еще лучше. И наконец, вереница воспоминаний Булларда оборвалась, и его осенила идея.

Буллард выпрямился в кресле и неожиданно для самого себя улыбнулся. Билл Бrimстоун обладал особым талантом, который смог бы очень пригодиться экипажу корабля в предстоящие трудные дни. Мог ли Буллард использовать этот талант, не подвергая себя риску? Это приходилось принимать во внимание, потому что Булларду предстояло иметь дело с профессиональным жуликом. Тем не менее, Буллард решил, что если седого обманщика Brimстоуна, смог, по его собственному признанию, превзойти в смекалке молодой аптекарь из местных, Буллард сможет попытаться сделать то же самое. Возможно...

Но Буллард вдруг понял, что он уже не допустит никаких «возможно». Он нажал на кнопку вызова, и мгновение спустя перед ним стоял Бентон.

— Спуститесь в карцер, — сказал ему капитан, — и приведите этого человека, Грогана, или как его там... Зандера. Но сначала снимите с него цепи. Не люблю разговаривать с человеком, закованным как животное. Он всего лишь мелкий мошенник и физической опасности не представляет.

Ожидая, когда Бентон вернется, Буллард мысленно набросал свой план. Сталкивая Билла Brimстоуна и Феннинга, он надеялся одолеть крупного негодяя. Но не провалится ли в результате между двух стульев он сам? Булларду тоже придется вступить в схватку с мошенником, иначе он просто позволит одному жулику надуть другого, не получив от этого ничего, кроме злорадного удовлетворения.

Приходилось учитывать и другие возможные издержки. Главный адмирал не должен иметь основания считать, что Буллард каким-то образом уклонился от выполнения приказа. Точно так же и Феннинг не должен иметь претензий, которые он осмелился бы произнести вслух. Кроме всего прочего, подвергалась опасности репутация «Поллукса» и его экипажа.

Буллард наморщил лоб, подумав об этом. Но тут же он расслабился. Есть одни представления о репутации, а есть другие, и все они представляют собой крайности. Некоторым были интересны крайности одного рода, другим — иного. Булларду не нравились никакие из крайних представлений о репутации, но все же сейчас он предпочел одну из этих крайностей другой. Он рискнет выставить кое-кого на посмешище. В конце концов, люди могут посмеиваться над тем, что делают ребята с «Поллукса», но ни один из них не улыбнется, если что-то подобное случится с ним. Люди «Поллукса», если на то пошло, имели более чем хорошую репутацию, так что Буллард с легким сердцем выбросил из головы опасения на этот счет. И по мере того, как начинали проясняться подробности разработанного им плана, он лишь время от времени усмехался или хмурился. Но сомнений в правильности своих действий Буллард больше не испытывал.

Когда Билла Бrimстоуна привели, по внешности и поведению Булларда он не заметил, что капитан хотя бы на йоту смягчил отношение к нему. Буллард смотрел на него холодно, строго, без тени улыбки.

— Зандер, — сказал он, сверля его взглядом, — вы оказались в плохом положении. Вы хотите умереть с теми остальными гориллами?

— О, нет, сэр, — заскулил Бrimстоун. — Я сделаю, что угодно... Я скажу все, что я знаю... Я...

Буллард резким жестом велел ему замолчать.

— Как офицер, взявший вас под арест, я не могу ни причинить вам особого вреда, ни оказать вам большую помощь. Но если вы сыграете в одну игру, я могу гарантировать вам смягчение наказания. Может быть, даже большие, чем смягчение. Гораздо большие...

Последние слова Буллард произнес медленно, как будто сомневался в размерах смягчения.

— Вы согласны?

— О, сэр... — расплакался Бrimстоун. Теперь становилось видно, как сильно он страдал в заключении. Я сделаю все, что вы скажете...

— На моих условиях? — Буллард был тверд, как скала.

— На любых условиях... Да, сэр... Только скажите мне...

— Бентон! Будьте добры оставить нас наедине, пока я беседую с этим человеком. Ждите вызова.

Буллард не сводил глаз с удаляющегося лейтенанта, пока дверь за ним не закрылась. Затем он смягчил выражение лица — как будто маску снял.

— Садитесь, Билл Бrimстоун. И расслабьтесь. Я настроен по отношению к вам лучше, чем вы думаете.

Буллард указал пленнику на стул, и Brimстоун сел, испуганно и неуверенно глядя на капитана. Опасаясь, что мошенник поймет его скрытые мотивы или заподозрит нелад-

ное, Буллард понизил голос до разговорного или, скорее, заговорщицкого тона:

— Каждому нужны деньги. Вам нужны. В конце концов, и капитан такого крейсера, как этот, имеет обязательства, о которых адмиралтейство не желает думать. Я тоже нашел бы применение деньгам. Вы умеете делать деньги. Вы умеете делать их так, как не умею я. Я собираюсь выпустить вас из тюрьмы и дать вам возможность кое-что заработать.

Билл Бrimстоун нетерпеливо слушал капитана, и в глазах его загорались огоньки. Этот человек в форме говорил на его, Билла, языке. Он был похож на него — не дурак. Brimстоун украдкой облизнул губы. У него и раньше бывали партнеры, и обычно это очень хорошо срабатывало. Он может совершить еще одну хорошую сделку.

— Мы летим к Юноне, где на некоторое время остановимся. Я собираюсь отпустить вас и разрешить вам заниматься своей работой. Вам будет предоставлена моя защита, вы сможете хранить деньги здесь, в моем сейфе, и сможете ночевать на корабле. На Венере, насколько я помню, ваши дела прошли гладко. Если вы будете работать здесь, мы сорвем большой куш. После того, как мы улетим с Юноны, мы разделим выручку пятьдесят на пятьдесят. Вы получите достаточно много денег, чтобы отбиться от обвинения, и у вас еще останется. Я хочу, чтобы вы выступали с проповедями так же, как вы делали это на Венере. Это все, что я от вас хочу.

Brimстоун слушал Булларда и лицо его сияло все ярче. Наконец, у него сделалось такое лицо, будто весь мир

лежал у него в кармане. Но заключительное предложение Булларда заставило его поникнуть головой.

— Я не могу это сделать, — проскулил он. — Я боюсь. И...

— На Юоне нет молодых умников-аптекарей, — напомнил ему Буллард. — Только хулиганы из астероидных шахт, картежники и мошенники.

— Дело не в этом, — простонал Бrimстоун. — Они разбили мои устройства, и...

— Устройства?

— Да. Без них хорошо не получится. И парень, который их сделал, уже мертв.

Он говорил еще несколько минут, но Буллард наконец его прервал. Он вызвал Бентона и приказал ему приготовить блокнот и карандаш.

— Продолжайте, — сказал он затем Бrimстоуну. — Один комплект мы вам сделаем.

Прошел примерно час, прежде чем Бентон получил всю необходимую для него информацию.

— Сможете сделать? — спросил Буллард.

— Сделаем, — усмехнулся Бентон, захлопнув блокнот. — Прикажу парням из ремонтного отдела взяться за это. Зачем нам все это понадобилось, они не будут иметь ни малейшего представления.

Бентон встал. Смысл этой затеи все еще не доходил до него, но он служил с Буллардом достаточно давно, чтобы знать: вопросы в такой тональности капитан задавал тогда, когда готовилось что-то из ряда вон выходящее. Приближенным Булларда был хорошо известен его талант нахо-

дить окольные пути к успешному решению любой неразрешимой задачи. Поэтому умные люди просто выполняли приказы, а вопросы Булларду задавали позже, если задавали вообще.

— Бентон, а еще захватите нашего друга и отведите его в каюту капеллана, — добавил Буллард. — Мы ведь покинули Луну в такой спешке, что капеллан, вы помните, опоздал на корабль. Дайте парню койку в этой каюте. Соответствующая запись будет сделана в журнале. И передайте коммандеру Муру, что я хотел бы его увидеть.

Когда Бентон и Бrimстоун ушли, Буллард откинулся в кресле и, сложив руки на затылке, задумчиво посмотрел в потолок. Все идет нормально. Теперь надо объявить эту новость коммандеру.

— Я думаю, Мур, — сказал он, когда его помощник пришел, — что мы дали слабину в одном вопросе. Я подумал о... Ну, о духовных ценностях. К сожалению, на корабле нет капеллана. Вы осознаете, что с начала нашего похода мы не провели еще ни одного мероприятия по укреплению духа?

Глаза Мура удивленно распахнулись. «Должно быть, шкипера слишком сильно измотали последние переживания, — подумал он. — Или что-нибудь еще». В отношениях с капелланом Буллард всегда был безукоризненно вежлив, однако...

— Таким образом, — продолжал Буллард, по-прежнему спокойно глядя на сплетение проводов и трубопроводов под потолком, — я принял соответствующие меры по устранению этого недостатка. Я считаю, что землянин, которого мы взяли вместе с группировкой Зифлера, был не одним

из них, а их заложником. Он странствующий проповедник, внештатный миссионер, так сказать. Я выпустил его из карцера и поселил в каюте капеллана. Теперь у него появилась возможность душевно очиститься и восстановиться. Когда это произойдет, он каждый день будет проводить встречи с людьми и разговаривать с ними.

Глаза Мура сидели в глазницах крепко, и это было замечательно. Потому что если до этих слов капитана они просто широко открылись, то теперь буквально начали вылезать из орбит. Буллард размышлял слишком много. Буллард сошел с ума!

— О, беспокоиться тут не о чем, — заверил Буллард. — Этот человек все еще находится на положении арестованного и ожидает действий Бюро Справедливости. Но пока он будет работать. Работать в городе, когда мы прибудем на Юнону. Он называет себя довольно странно — Билл Бrimстоун. Но он говорит, что вступает в очень тесные контакты с людьми, а священники в таких случаях любят обходиться без титулов.

Мур буквально задыхался, однако сказать ему было нечего. Буллард с ним не советовался, он простоставил его в известность. А поскольку у Мура не было достаточно смелости, чтобы объявить капитана нездоровым и силой взять командование кораблем на себя, ему оставалось только подчиниться:

— Есть, сэр.

Вечером накануне прибытия на Юнону по кораблю начало разноситься верещание боцманских дудок. Команда

«Подготовить церковь в носовом кубрике прямо сейча-а-а-а-с!» стала расходиться по отсекам. Буллард упрямо придерживался корабельных обычаяев незапамятных времен. Сквозь гомон скайменов доносился стук опускавшихся сидений — носовой кубрик временно стал актовым залом. Экипажу сказали, что к людям обратится миссионер, привезенный с Оберона. Тему обращения не называли, но корабельная скука и черный космос так измучили людей, что они пошли бы на встречу и просто так, из любопытства. В актовом зале стала, наконец, известна и тема: «Широки врата, ведущие в ад».

Двумя часами ранее Бентон доложил, что для испытания миссионерских способностей Бrimстоуна все готово, и что трое старшин, выделенных ему в помощники, получили инструкции о своей работе. В одном из углов стоял специальный ящик для использования капитаном и его помощником. Булларду пришлось довольно долго ждать, прежде чем люди расселись. Наконец они с Муром прошли к специально установленной сцене и заняли свои места.

Билл Бrimстоун явился людям в черном костюме, который сшил для него корабельный портной. Торжественная обстановка и костюм сделали из него нового человека. Теперь он был не пронырливым, смотрящим исподтишка арестантом, но внушительным господином, пылающие глаза которого с лихвой возмещали его слабое телосложение. Brimстоун вышел на середину сцены, взглянул на аудиторию, а затем ткнул в нее пальцем.

— Ад ждет вас! — выкрикнул он. Затем проповедник сделал шаг назад, встрихнул своей внушительной гривой

и снова уставился на людей в зале. Ни насмешек, ни шепота в зале слышно не было. Люди сидели как зачарованные. Разинув рты и вытянув спины, они дружно таращились на проповедника. Каждый был поражен в самое сердце. Мур испуганно посмотрел на Бrimстоуна и потрогал локоть Булларда:

— Вы понимаете, что это такое?

Буллард служил на «Поллуксе» уже много лет, но еще никогда он не видел ничего подобного. Он знал, что всех скайменов ближайшее будущее интересует гораздо больше отдаленного, а уж на «Поллуксе» люди были сплошь безбожниками. Приверженцев их собственного капеллана можно было пересчитать по пальцам.

А Билл Бrimстоун продолжал свое дело. От собственной проповеди он разогревался с каждой минутой и вскоре уже неистовствовал, прыгал, рвал на себе волосы и бил себя в грудь. Он разражался обвинениями, умолял и угрожал, бегал по сцене с пурпурным лицом. Его слушатели вздрогивали, когда он называл их пороки и обещал им неминуемую страшную гибель. Все богословие Brimстоуна было предельно простым. Его пантеон состоял из двух персонажей — коварного дьявола и его самого, спасителя. Список грехов тоже был прост: алкоголь, курение, азартные игры, танцы и общество женщин легкого поведения. А возможность искупления грехов была только одна: ПОДДЕРЖАТЬ ОБЩЕЕ ДЕЛО!

К этому все и сводилось: увещевания и сбор пожертвований. Наконец Brimстоун прекратил упражняться в ораторском искусстве и попросил волонтеров обойти присут-

ствующих. Трое старшин поднялись со своих мест, взяли просторные кожаные сумки и пошли по аудитории, набивая сумки тем, что было у слушателей в карманах. Никто из них не оставлял себе ничего, даже самые пустяковые ценности. Так называемая проповедь имела колossalный успех. Когда зажегся яркий свет, Бримстоун ушел со сцены с тремя сумками в руках. Люди начали расходиться.

— Поразительно, — сказал Мур Булларду по окончании представления. — Да этот парень настоящий шарлатан!

— Именно так, — согласился Буллард, — но людям, похоже, это нравится. Идемте.

На следующий день атмосфера корабля кардинально изменилась. Около двух третей экипажа слушали проповедь, остальные несли службу. Многие люди стали тихими и задумчивыми — было заметно, что они размышляли о своих грехах. Им предстояло перенести множество шуток со стороны товарищей, и количество синяков стало тому свидетельством, когда десантные полозья корабля скользнули по взлетно-посадочной полосе космопорта Юноны. Но Буллард по этому поводу не беспокоился. Для него это были хорошие знаки.

Как только корабль остановился и замер, к нему подошел докмейстер. Как Буллард и предполагал, это был некомпетентный бездельник. Нет, в его распоряжении было только четырнадцать человек — он ведь не ожидал корабля. Они приступят к работе завтра или послезавтра. Ну, по крайней мере, часть из них. Нет, здешние правила запрещают сверхурочные работы. Нет, экипаж «Поллукса» ничем не может помочь ремонтникам. А ремонт займет, вероятно,

шесть земных недель, не считая задержек, связанных с несчастными случаями. Это тоже надо учитывать. О, да, они будут очень тщательными. На Юоне все делается очень тщательно.

Мур начал было угрожать докмейстеру. Он сказал, что доложит о его поведении главному адмиралу. Однако Буллард сказал:

— Отстаньте от него, вы зря тратите силы. У этих людей только две скорости — «медленно вперед» и «стоп, машина». Если попробовать на них надавить, будут одни неприятности. Вернитесь на борт и издайте приказ об увольнениях. Предоставьте их всем, кроме тех, кому заступать на вахту. И смотрите, чтобы этот дурак получил копию приказа.

Мур покачал головой. Что случилось с Буллардом? Конечно, этот человек стоял перед каменной стеной, но он мог бы, по крайней мере, создать видимость борьбы. Смотреть, как легко сдается воин, было страшно. Тем временем Буллард отправился по своим делам. Вот он уже стоял и разговаривал с Биллом Бrimстоуном и Бентоном, которые только что вышли из шлюза и оглядывались вокруг.

Этой ночью «на берегу» царило оживление. Те скаймены, которые накануне дежурили и не слышали проповедь преподобного Зандера, ушли как можно раньше — якобы осмотреться и пройтись по магазинам. Следующим утром на корабль вернулась куча вдребезги пьяных, оборванных несчастных людей. Многие из сошедших на берег отстали от своих, и в город был выслан патруль, чтобы прочесать

кабаки и найти отставших. Многие были обворованы, либо они отдали жуликам все, что имели. Некоторые были настолько неосторожны, что ушли с корабля, взяв все свои деньги. Тех, кто провинился наиболее серьезно, капитан Буллард построил «к мачте» и объявил им обычное наказание — несколько дней неувольнения с корабля.

После этого все пошло по-другому. На следующий день Бентон и Бrimстоун добились аренды пустого танцевального зала. Как и предполагал Буллард, этот год в Гераполисе выдался скучным. Восторженные добровольцы с «Поллукса», плененные странными доктринаами Бrimстоуна, занялись подготовкой храма. Последним штрихом этой работы стала неоновая вывеска с тем же девизом, который Буллард помнил по Венере. Билл Бrimстоун орудовал с размахом.

В тот день, когда вахтенные на корабле сменились, все свободные скаймены строем отправились в зал и там прослушали следующую пламенную речь Бrimстоуна, бичевавшего пороки. Обитатели города, разинув рты, смотрели на строй прихожан-скайменов и ломали головы: что все это могло означать? Наконец они решили, что это новый ритуал Патрульной Службы. Но что бы он ни означал, все равно он скоро закончится, и тогда в заведениях города появится масса долгожданных клиентов. Бармены переоделись в приличные костюмы и отдраили до блеска свои бары, хозяева игорных заведений еще раз проверили надежность магнитных устройств, которые держали их автоматы под контролем, городские дамы накладывали последние слои на свой и без того обильный макияж.

Но в тот вечер клиенты опять не пришли. В течение нескольких часов хозяева ближайших увеселительных заведений слышали голос, ревевший об аде и проклятии, который сменяли набожные песнопения. Но, если не считать одного шахтера с мутными глазами, к ним не явился ни один клиент. Никто так и не обременил их кошельки и не облегчил их сердца. Наконец странная служба закончилась, и скаймены отправились к своему кораблю в прежнем организованном порядке.

Это продолжалось в течение недели. Несколько матросов, наказанных неувольнением, отправились на берег снова. Но уже по дороге их изъяли из обращения — товарищи убедили их послушать Бrimстоуна «всего лишь раз», и этого раза было достаточно. После этого они присоединились к слушателям вечерней проповеди. Это было жутко. Это было не похоже на скайменов. А главное, это приносило убытки. Городские шпионы через окна посмотрели на встречу Brimстоуна с людьми, вернулись к хозяевам и сообщили, что это было уже не смешно. Каждый вечер в зале собирались огромные денежные пожертвования. Порой унести добывчу на корабль Brimстоуну помогали несколько человек.

В поисках псеводевангелиста местная полиция прочесала городские отели и ночлежки, но поиски не увенчались успехом. Наконец выяснилось, что он жил на «Поллуксе». Комитет местных «коммерсантов» заявил капитану Булларду протест: корабль, по их мнению, дискриминировал городских предпринимателей тем, что ограничивал свободу передвижения скайменов. Они также требовали, чтобы Билл Brimстоун покинул корабль.

— Практически вся команда корабля ежедневно сходит на берег, — сказал им Буллард. — Желающие могут провести там и ночь. Что они делают на берегу — это их личное дело, а не мое. Если грубым удовольствиям они предпочтывают проповеди, это их выбор. Что касается проповедника, то он — гражданин беженец, и я отвечаю за его безопасность. Никаких приказов и команд он от Патрульной Службы не получает. Если вы считаете, что у вас возникла проблема конкуренции, решайте ее сами.

Недоумение владельцев заведений перешло в отчаяние. Что-то надо было срочно делать. И они сделали все, что было в их силах. Они пожаловались на недобросовестную конкуренцию мэру города — ставленнику Феннинга. Этот достойный муж, окруженный небольшой армией откуда-то взявшимся депутатов, явился в молельный зал, чтобы закрыть место нелегализованного развлечения. Он был встречен решительным лейтенантом Патрульной Службы и группой скайменов-матросов. Они не только отказались читать предъявленный мэром ордер, но и сообщили ему, что встреча защищена от политического вмешательства. Она представляла собой не развлечение, а религиозную учебу, право на которую гарантировала Конституция Федерации.

Мэр изумленно посмотрел в стальные глаза офицера, перевел взгляд на его загорелую, твердую руку, предусмотрительно лежавшую на рукоятке лучевого пистолета, снова посмотрел на гранитное лицо лейтенанта. Лобовая атака больших успехов принести не могла. Мэр пробормотал что-то вроде «извините» и ушел восвояси. Из офиса он отправил своему покровителю срочную радиограмму и без сил

рухнул на стул. Ему оставалось только дожидаться приказов. С момента прибытия крейсера сенатор уже несколько раз присыпал запросы по поводу выручки, но мэр медлил с ответом.

Сенатор отозвался немедленно: «Начинайте прямые действия». Мэр почесал затылок. Конечно, здесь, на Юноне, он представлял власть и закон. Но «Поллукс» тоже представлял власть и закон. При этом сила была на стороне крейсера и его капитана. И тогда мэр совершил обычный для здешних нравов поступок. Он разослал на ближайшие астероиды радиограммы, в которых потребовал от своих ставленников немедленно прислать в Гераполис подкрепление.

Армаде маленьких ржавых кораблей-разведчиков понадобилось три дня, чтобы закончить высадку на противоположной стороне Гераполиса. Корабли извергли армию крепких шахтеров и спортсменов, собранных по всем окрестным астероидам. Толпа хорошо подготовленных драчунов, собранная тем вечером, была огромной. Множество бесплатных напитков и взаимная демонстрация бицепсов привела всех в хорошее настроение. За полчаса до собрания в молельном зале хозяева закрыли бары и, прихватив своих вышибал, начали собираться на темных улицах между танцевальным залом, арендованным для Бrimстоуна, и космопортом Юноны.

— Эй, сопляки! — закричала толпа, когда приблизился строй матросов, хором распевавших один из гимнов Бrimстоуна. В тусклом свете уличных фонарей было видно, что

лица матросов светились от чистой совести и внутренней радости. В середине строя торопливо шагал маленький проповедник. Его окружало неизменное трио старшин с сумками.

В строй полетела пустая бутылка, а за — ней глумливые крики и град небольших метеоров. Колонна продолжала идти, не желая ввязываться в драку. Наконец они вышли к площади, которую от стены до стены заполнили шахтеры. Их авангард был вооружен ручными пиками и дубинками. Они уже не издевались, а угрожающе молчали.

— Построиться в клин, — приказал Бентон, возглавлявший колонну. — Заряжай!

Ту битву святых и грешников жители Юноны запомнят надолго. В ней никого не убили лишь благодаря присутствию Бентона и Маккея. Оружие было только у них и у мэра. Впрочем, сам мэр счел за лучшее поскорее убраться в свой офис, из которого он при необходимости мог связаться с сенатором.

Рассвет встал над пустынными улицами, хранившими следы побоища. Повсюду валялись обломки дубинок и обрывки одежды. Местами виднелись пятна крови, однако трупов не было. Скаймены пробивались к кораблю, унося с собой раненых. Убегавшие шахтеры и хулиганы своих раненых бросали, как это и было принято на их астероидах. Впрочем, раненые, получившие лишь незначительные переломы и ушибы, рано или поздно находили убежище в каком-нибудь кабаке. Никаких судей, к которым обе стороны смогли бы обратиться за справедливостью, тут не было. Следующим вечером скаймены снова пошли в импровизи-

рованную церковь, и теперь уже никто не рискнул оказаться на их пути.

— Капитан, все же мне это не нравится, — сказал Мур тем утром, когда они зашли в переполненный лазарет навестить покрытых шинами и повязками скайменов. — Ничего хорошего кораблю этот шарлатан не принесет. Он лжет, как дышит, он обманывает людей в их лучших намерениях. Теперь дело уже дошло до драки!

— Люди в любом случае потратили бы свои деньги, — улыбнулся Буллард. — И дрались бы тоже. Лучше уж делать то и другое в трезвом состоянии.

В тот же день мэр снова собрал свое побитое воинство и провел совет. Никто не хотел соглашаться, но даже в масовой драке строй имеет преимущества перед разнородной толпой. Что делать дальше? В результате жарких дискуссий было принято окончательное решение — пробраться в стан врага.

Объявление на входе в молельню приглашало всех желающих и не требовало входной платы. Вечером, задолго до прибытия преподобного, зал окружили шахтеры и местные вышибалы. Сегодня они собирались скандалить внутри собрания.

Увидев их, Бrimстоун просиял:

— Заходите, заходите все. Мест хватит для всех. А если не хватит, мои постоянные прихожане постоят сзади и у входа в зал.

Хулиганы и сами предпочли бы постоять, но им было велено проникнуть внутрь и смешаться с прихожанами.

Поэтому они расселись в зале. Когда Билл Бrimстоун поднялся на трибуну, зал уже был заполнен, хотя, в крайнем случае, здесь могло бы поместиться еще больше народа.

Этим вечером проповедник был в хорошей форме. Даже в наилучшей. Он объявил тему своей проповеди: «Почему нам грозит проклятие?» И тут же Brimстоун сообщил, что этот вопрос одновременно заключает в себе и ответ. Сомневаться в угрозе проклятия для каждого человека было бы самоубийственно глупо. Шахтеры слушали его, выпучив глаза. Благоговение пробирало их до мозга костей; еще ни разу в жизни им не доводилось смотреть на вещи таким образом. Иные вышибалы вздрагивали, думая о вечных огнях, уготованных им где-то на далекой планете под названием Ад. Именно так они и понимали проповедника: отдаленные места — это планета. Тем вечером они не извергли поток денег, однако их вклад в «общее дело» не был ничтожным. Денег они сдали немного, но среди пожертвований оказалось множество мелких самородков, несколько медных кастетов и пара увесистых сфалеритов³. В целом Билл Brimстоун был доволен уловом. Да и восхищенные взгляды, которыми проповедника провожали при выходе из молельни, тоже что-то значили и обещали.

Мэр города был вне себя от ярости, но это не помогало. Очистившие душу шахтеры рано утром пришли в офис металлургического комбината, чтобы получить когда-то заработанные ими, но до сих пор не выданные деньги. Вы-

³ Сфалерит — цинковая руда, также называемая обманкой. Редкие её разновидности подлежат огранке.

шибалы возвращались в свои кабаки и требовали у хозяев плату наличными, а не обещаниями. Все это было потрачено на «общее дело». Многое битв произошло в тот день между «прозревшими» и теми, кто по-прежнему пребывал «во тьме», но результат вчерашний проповеди был еще не окончательным. Подлинным ее итогом стало то, что следующим вечером в молельню явился остаток городского населения. Всем хотелось своими глазами увидеть, каким образом произошло обращение целого отряда наемных хулиганов.

Сбор того вечера превзошел все ожидания, ибо проповедь ошеломила и эту, всё продолжавшую расти толпу прихожан. Они жертвовали не только крупные денежные суммы, но еще и оружие, а больше всего — драгоценные камни. Правда, многие из них при внимательном рассмотрении оказались обманками — породой, похожей на настоящие драгоценные камни. Явился на проповедь и мэр. Сердитый и сбитый с толку, он хотел увидеть молебен собственными глазами. Он его увидел. Публика была потрясена огромной суммой наличных, которые мэр пожертвовал на «общее дело». Никто, впрочем, еще не знал о радиограмме, которую мэр отправил сенатору. Этим посланием он подавал в отставку и одновременно превозносил некого Билла Бrimстоуна — проповедника, посланного на Юнону самим Господом. Мэр благодарил судьбу за то, что наконец-то увидел подлинный свет жизни. А ведь он мог бы прозреть и тогда, когда стало бы уже слишком поздно!

Но поистине ошеломляющим результатом вечерней проповеди стало то, что следующим утром в космопорт прибыла целая армия шахтеров. Они пришли, чтобы помочь

докерам очистить корпус корабля. Обитель Бrimстоуна, заявили они, должна сиять, и сделать это требовалось немедленно. К вечеру докмейстеру пришлось, скрепя сердце, признать, что корабль приведен в идеальное состояние. Ремонтные работы были выполнены. Больше на Юоне корабль ничего не удерживало.

Буллард не стал медлить с отправлением. Билл Бrimстоун был в слезах: он сожалел о последнем, так и не собранном урожае. Он настаивал на том, что минувшим вечером новые прихожане были застигнуты врасплох, и на следующую проповедь они обязательно принесут больше. Но Буллард сказал «нет». Они уже собрали сумму, достаточную для всех их нужд. Корабль больше не мог здесь оставаться. Буллард также сказал проповеднику, что в течение ближайших нескольких дней он будет очень занят делами службы. После этого они рассчитаются. Проповедей на корабле больше не будет. Биллу Brimстоуну следует держаться поближе к своей каюте.

И тут в Brimстоуне проснулся старый прожженный лис. Этот человек с золотыми галунами использовал его, чтобы обобрать не только собственный экипаж, но и обитателей Юоны и ближайших астероидов. Теперь он хочет обмануть его, Brimстоуна, и забрать его долю.

— Я не пойду на эту сделку, — с вызовом произнес Brimстоун. — Вы сами сказали, что я беженец на вашем борту. Я убегу, а если вы попробуете мне помешать, я вас выдам.

— Выдавайте, — сказал Буллард спокойно. — Но не забудьте о том, что произошло на Венере. Всякого рода устрой-

ства, как вы знаете, ломаются. Если я поставлю охрану у каюты капеллана, там вы будете в безопасности. Но если захотите, остается еще корабельный карцер...

— Я вас понял вас, — мрачно сказал Билл Бrimстоун, направляясь к двери. Теперь он знал, что его перехитрили. А это было обидно для человека, который зарабатывал на жизнь своим умом.

— Вы получите свою долю, — бросил вслед ему Буллард. — Получите половину, как я обещал, и легкий приговор. А может, до приговора и дело не дойдет. А теперь убрайтесь с глаз моих и держитесь от меня подальше.

Тем вечером — а может уже и ночью, — на крейсере космической линии прошло странное собрание. Его участники встретились в каюте, уже получившей название «сокровищница». Это были капитан, казначей, лейтенант Бентон и двое из тех старшин, которые служили ассистентами в странной церкви Бrimстоуна. Третий старшина отсутствовал, поскольку охранял каюту бывшего проповедника. Прежде всего собравшиеся подсчитали добычу. Денежные купюры аккуратно разложили в стопки, мелкие монеты подсчитали и сложили в мешки. Другие пожертвования оценили по аукционным ценам, рассортировали и положили отдельно от денег.

— Теперь давайте разберемся, Пэй, — сказал Буллард казначею, заглядывая в свой блокнот. — Какой была общая сумма на счетах команды, пока мы не прибыли на Юнону?

Пэй ответил. Буллард подтолкнул к нему самую крупную пачку:

— Верно. Вот эти деньги. Положите их в свой сейф и восстановите счета. Теперь, во сколько обошлись аренда, вывеска, свет и остальное?

Услышав ответ, Буллард добавил названную сумму к самой большой пачке.

— Остальное — чистый доход, то, что мы получили от людей с астероидов. Половина мне, половина Бrimстоуну. Сколько получается?

Бентон смущенно взглянул на капитана. Он все еще не понимал, почему эти деньги надо разделить пополам. Что же капитан собрался делать со своей частью? Но предсказать действия Булларда было невозможно.

— Пятьдесят четыре тысячи триста восемь солов, включая аукционную стоимость вещей, — сказал казначай.

— Вполне справедливо. Возьмите это и положите на специальный счет. Затем выпишете чек на половину этой суммы. Она будет передана Бrimстоуну. Другую половину внесите в фонд развлечений. Ребята их заслужили. Развлекутся на эти деньги, когда доберемся до Луны. Думаю, это всё.

Буллард позвал Бентона и они покинули каюту, оставив старшин, чтобы те помогли казначею отнести ценностей и деньги в его отсек. У самого капитана было еще много других дел. В каюте Булларда Бентон достал и положил на стол «устройства».

— Что мне с этим делать, сэр? Я бы отправил их в измельчитель.

— Именно это с ними и надо сделать, — сказал Буллард. — Они слишком опасны, чтобы их хранить. Они могут попасть в плохие руки.

— Теперь, когда все кончено, могли бы вы рассказать мне, как это всё работает?

— Могу, но не всё. Нам известно уже целое столетие, что звуковые волны высокой частоты делают странные вещи. Например, превращают стекло в порошок. Они также оказывают специфическое воздействие на организм. Некоторые частоты мгновенно убивают бактерии, другие заставляют эритроциты распадаться. Вы можете вызвать у человека смертельную анемию, исполняя для него мелодию, которую он не будет слышать. Эти устройства — не что иное, как высокочастотные вибраторы разной тональности. Их одновременное звучание дает минорный аккорд, выходящий за диапазон восприятия человеческим слухом. Он воздействует на определенный участок человеческого мозга. Когда эти устройства работают одновременно с произносящейся речью, слушатель безоговорочно верит каждому слову, которое он слышит. Этот эффект сохраняется в течение двух-трех дней после окончания сеанса воздействия. Вот почему я считаю, что эти устройства слишком опасны, чтобы их хранить. С их помощью Бrimстоун мог бы, например, подстрекать людей к бунту и убийствам. И эти уговоры имели бы такой же успех, как его бред о спасении за деньги.

— Я понимаю. И предметы, которые мы с вами носили в карманах,нейтрализовали действие этих устройств. Не так ли?

— Так. Так же, как и устройство, которое находилось в моей каюте во время предварительной репетиции. Ни я, ни коммандер Мур не услышали ничего, кроме бессмысленных разглагольствований.

— Довольно ловко, — сказал Бентон.

«Да, довольно гладко», — подумал Буллард. В предписанное время он прибыл на Юону, выдал команде жалованье и предоставил полную свободу всем, за исключением пяти своих доверенных лиц, не включенных в состав экипажа. Этим людям Буллард намекнул, что им не стоитходить на берег, тратить там деньги и губить свое здоровье.

— Думаю, что в ближайшее время «Поллукс» вряд ли опять отправят на Юону, — задумчиво произнес Буллард. Но Бентон не слушал. Он почесал голову.

— Этот Бrimстоун, — сказал он, — не такой уж пропавший человек, если рассудить здраво. Может быть теперь, раз он помог нам в трудную минуту, его тоже стоит вытащить из дыры, в которой он оказался? Как вы думаете, сэр?

— Он никогда и не был в дыре, — сказал Буллард, протянув руку к бортовому журналу. — Держать Brimстоуна под стражей нужды не было, вот я и выпустил его из карцера. Прочитайте — ведь это случилось во время вашего дежурства, и в конце стоит ваша подпись.

Бентон взял журнал и стал читать.

«В 22:04 капитан провел экспертизу заключенных и отправил их под арест ожидать решения Бюро Справедливости. Исключение составил один заключенный — Игнац Зандер, землянин. Зандер был выпущен из-под ареста. Но он останется под юрисдикцией Патруля, пока не прибудет на базу, — на тот случай, если Бюро пожелает использовать его в качестве свидетеля».

Бентон поднял голову и удивленно взглянул на Булларда.

— Не помню, чтобы я писал что-то подобное, — сказал он.

— Окончательная официальная запись в бортовом журнале делается здесь, — мягко напомнил Буллард. — Вероятно, вы читаете не все, что подписываете.

БЮРОКРАТ

Теперь Буллард был главным адмиралом. Считалось, что с высоты своей должности он не откажет другу в помощи. Будет ли он достаточно хорошим стратегом, чтобы обойти эту проблему?

Медленно, но мелко мелют жернова Господни.

По бесконечным коридорам шагал молодой человек с уверенной выпрямкой. Для большинства встречавших его охранников было достаточно формы молодого человека и его удостоверения личности. Самым подозрительным из них он, почти не останавливаясь, говорил:

— Я несу персональное сообщение главному адмиралу Булларду.

Этого было достаточно, чтобы миновать административные рогатки в обширном здании военного ведомства, расположенного внутри кратера Тихо. Это срабатывало даже в первой полумиле коридора северо-западного крыла. Но когда молодой человек подошел к сектору, отмеченному

табличкой «Директор Бюро космической стратегии», его смелость начала угасать. Он направился к столу, за которым сидел угрюмый капитан второго ранга. Лицо капитана отмечали шрамы, а грудь — аксельбанты персонального помощника.

Молодой Бентон замедлил шаг и попытался оценить человека, преградившего ему путь на этот раз. Ленты орденских колодок и золотые аксельбанты говорили о том, что их обладатель не был обычным секретарем. Вероятно, адъютант Булларда и сам совершил не один поход с этим легендарным человеком, и уж конечно, имел доступ к мыслям своего начальника. Этую преграду расплывчатыми общими фразами взять не удастся.

Душа Бентона дрогнула. Конечно, он и в самом деле нес сообщение, но человек, которому оно предназначалось, был для него больше, чем легендой, тогда как отправитель сообщения уже пять лет как был мертв. Примет ли его адмирал теперь? Более того, поверит ли в необходимость аудиенции этот цербер с золотыми шнурями на груди? Сейчас молодой Бентон начинал понимать, сколь тщетной была надежда, которая привела его на Луну.

Он взял себя в руки. Шла война — первая серьезная война с тех пор, как он достиг совершеннолетия. И он хотел принять в ней участие. Он хотел воевать так же, как еще до его рождения воевали отец и прославленный Буллард. Он должен был вмешаться в эту войну, и не разыгранной сейчас оставалась только одна карта, главный козырь, завещанный ему отцом. Возможно, Буллард отвергнет его, как это произошло в отделе кадров. Но он должен был сделать

последнюю попытку. От этой попытки зависела не только карьера молодого Бентона, но и его самоуважение.

— Сэр, — обратился он к адъютанту, — я сын капитана Роя Бентона, который был убит на Ио в 93 году...

— Я знал его, — кивнул адъютант с важным видом. — Он был хорошим товарищем и смелым воином.

Он помолчал, а затем произнес:

— Хорошо. И что же?

— Он сказал мне однажды, — неуверенно проговорил Бентон, — что если я когда-нибудь столкнусь с трудностью, из которой не смогу найти выхода, и если сделаю все, что было в моих силах и потерплю неудачу, мне стоит обращаться к его старому шкиперу — Булларду, если тот еще будет жив, и сказать ему, что он прислал меня.

Адъютант окинул молодого человека жестким, невыразительным взглядом.

— Вы попали в затруднительную ситуацию, вы пришли в момент самой тяжелой войны в истории, — сказал он ходяко, — и при этом рассчитываете, что наиболее занятый человек во всей системе бросит свои дела и спасет вас. Я знал вашего отца. Мне трудно представить, что он дал бы вам подобный совет. Как и адмирал, он помогал только тем, кто сам себе помогает. Вы неправильно его поняли.

— Нет! — закричал Бентон. — Это не обычная проблема. Отец сказал мне, что я должен сам решать свои проблемы. Но эта — особенная. Я — против системы. О, сэр, видите ли... Я ничего такого не натворил, нет. Наоборот... Я хочу отправиться на эту войну, я хочу сражаться, а они мне не позволяют!

Лицо седого адъютанта несколько смягчилось. У него не было сомнений в искренности стоявшего перед ним нетерпеливого юноши.

— Адмирал очень занят, — сказал он. — Но если вы уверены, что правда на вашей стороне...

Адъютант повернулся к телетайпу, но тут же, судя по всему, передумал.

— Подождите, — сказал он. — Я доложу ему, что вы здесь.

Молодой Бентон застыл, как стоял, перед закрывшейся дверью. Он испытывал крайнюю неловкость. Прежде он думал только о собственных бедах, даже не пытаясь представить, как они соотносятся с ходом дел в космосе. Теперь, когда о нем пошли докладывать главному адмиралу, Бентона вдруг потрясла его собственная дерзость. Для него Буллард был скорее легендой, чем реальностью. Измученный юноша забыл, что главный адмирал был не только товарищем его покойного отца, но и крупной фигурой в мире военных. Он был директором всей космической стратегии, силой, которая находилась где-то в стороне, подобно невидимому божеству, центром, который управлял только целями флотами и флотилиями, который бросал миллионы людей в гущу сражений, а иногда и прямо в зубы смерти. Теперь, когда Бентон стоял на пороге кабинета главного адмирала, его одолевали сомнения. Такой великий человек просто не сможет найти время, чтобы принять его и выслушать его историю.

Время шло. Адъютант все не возвращался. Бентон сел на стул и стал ждать сидя. Размеры его легкомысленного

вторжения продолжали увеличиваться с ужасающей скоростью, потому что приемная была уже до отказа набита адмиралами и контр-адмиралами. Каждый из них имел при себе раздувшийся портфель и каждый намеревался увидеть начальника Бюро. Бентон перехватил испепеляющие взгляды, которые на него бросали, и покраснел. Но тут наконец вернулся адъютант.

— Извините, сэр, — твердо сказал он пожилому контр-адмиралу с пышными, как у моржа, усами, который уже встал и собрался войти в открытую адъютантом дверь. — Главный адмирал еще не освободился. Вам придется подождать.

Контр-адмирал побагровел, тихо ругнулся и сел на прежнее место. Адъютант сказал Бентону:

— Входите.

Восторг охватил молодого Бентона. Он был внутри! За дверью его ожидал дневальный на мотороллере.

— Большую часть пути вы уже преодолели, сэр, — сказал дневальный. — Осталось совсем немного.

Но когда машина помчалась по ярко освещенным коридорам, Бентон увидел, что офис главного адмирала занимал немалое пространство. Через открытые двери, мимо которых они проносились, Буллард видел кипучую деятельность. Иногда можно было услышать и обрывки разговоров, тогда как на сигнализаторах постоянно высвечивались странные символы.

— Сектор 4, — прогудел чей-то голос, — «Пегас» и «Альтаир», совместные действия... «Пегас» попадание... «Пегас» взорвался... Крейсер флотилии 36 идет из нижней портовой четверти... В «Альтаир» попал...

Наконец этот шум прекратился. Дневальный пересек заднюю часть балкона, с высоты которого открывался вид на большой зал. Далеко внизу Бентон увидел шар, состоявший из какого-то тумана. Этот шар вращался, и на нем сверкали разноцветные пятна света, направленного невидимыми проекторами. Вероятно, это был сверхсекретный интегратор боевых действия — чудесно двигающийся солидограф, который преображал шесть измерений в четыре. За ним внимательно наблюдали офицеры с суровыми лицами, которые время от времени выкрикивали приказы в телефонные трубки. Повсюду носились одетые в форму девушки. Бентон с трудом оторвал взгляд от этого зрелища — его ждали другие чудеса.

До того, как Бентон приблизился к кабинету Булларда, он был просто мягким и сдержаным молодым человеком. Теперь же он знал, что личные обиды, которые привели его на Луну, были бесконечно мелкими, а наглость, с которой он осмелился потревожить Булларда, — колоссальной. Но может быть, подумал Бентон, еще не поздно извиниться и как можно изящнее отступить? Тут мотороллер остановился перед большой дверью.

— Вам туда, сэр, — сказал дневальный. И был таков.

Главный адмирал Буллард принял своего посетителя стоя. Высокий и худощавый, каким Буллард всегда выглядел на картинах, он стоял возле стеклянной витрины, в которой покоилась модель знаменитого «Поллукса», — корабля, на котором он и Бентон-старший начали свое восхождение. О возрасте главного адмирала напоминали только

глубокие морщины на его лице и редеющая седая шевелюра. Он улыбнулся и протянул Бентону руку.

— Я не мог отказаться от возможности увидеть сына моего старого друга Бентона, — сказал он, — но вынужден просить вас сделать визит кратким. Вы в беде?

— Я командир башни на «Мстителе», — сказал Бентон, — и я не могу оттуда выбраться.

Он замолчал. Это было все, что он и хотел сказать. Правда, чтобы понять его, надо было знать и тот позолоченный дурдом, в котором он был обречен «служить».

— Единственный известный мне «Мститель», — сказал Буллард, качая головой, — был неуклюжим старым монитором. Но его отправили на свалку много лет назад.

— Это он, сэр, — сказал Бентон. — Его вытащили из мусорной кучи и вернули в строй.

— Краткую записку о «Мстителе», — произнес Буллард, нажав на кнопку селектора. — Доложите мне к пяти.

Он задумчиво посмотрел поверх головы Булларда, туда, где на экране мерцал невидимый его молодому посетителю ряд загадочных символов. Они сообщили адмиралу, что после шести лет службы Бентон с отличием окончил Лунную академию. Кроме всего прочего, он имел благодарность за стойкость в ходе кампании умиротворения на астероиде Патрокл. Удивительно, но ряд этих символов заканчивался кодом «Особое значение — Превосходно — Продолжительность». Иными словами, нынешнее место службы Бентона было определено лично министром обороны и оно не могло быть изменено в течение всего срока.

— Вам не нравится ваша служба? — мягко, но чуть нахмутившись, спросил Буллард.

— Я ненавижу ее! — сказал Бентон горячо. — Она проходит в башне, из которой никогда не выстрелят. Башня установлена на корабле, который идет в никуда. И никто больше на корабле не делает...

Бентон замолчал и покраснел. Он чуть не нарушил старейшее правило из неписаного кодекса Службы. Вовсе не желая быть предателем, он чуть не пожаловался на сослуживцев, пусть и недостойных.

— То есть, сэр, я хотел бы более активной службы, — продолжал Бентон, путаясь в словах. — Мой капитан смеется надо мной... Говорит, что я не понимаю, как мне повезло. Отдел кадров игнорирует мои рапорты... Я даже пытался дезертировать... Я обратился к одному опытному пройдохе, который взялся помочь мне симулировать болезнь, чтобы я смог затем прийти на службу под другими именем и начать все сначала... Но это не прошло на медосмотре... Он не смог достаточно хорошо подделать дефект глазного яблока.

Бентон сделал паузу, мрачно посмотрел перед собой и вдруг чуть ли не прокричал:

— Врачи посмеялись надо мной и отправили обратно на корабль... Теперь ребята называют меня «Разведчиком пустоты»...

Буллард молча его слушал.

— О, это моя мать, сэр, — завопил Бентон, уже не в силах сдержать тоску. — Она так изменилась после смерти отца... Она говорит, что не позволит сделать из меня пущечное мясо... И у нее достаточно денег, чтобы сдержать свое обе-

щание... Это богатство, полученное за детектор кораблей, который изобрел папа... Она ходит на митинги, где агитируют за военный заем Анджерхада, министра финансов, и покупает облигации на десятки миллионов. Она заставила его повлиять на министра обороны и удержать меня там, где я нахожусь... Меня превратили в изнеженного бездельника. Вы можете представить мое положение?

— Это плохо, — пробормотал Буллард, и вздохнул.

Войны уже были профинансираны, и если два члена Совета министров успели вмешаться, Бентону придется смириться с принесением своих личных интересов в жертву. Огромные строительные программы были более важными, чем амбиции одного молодого человека. Буллард знал, что если министр обороны уже принял решение, его собственное вмешательство уже ничего не решит.

— Молодой человек, — сказал он медленно, — ваш случай — один из многих тысяч. В войне такого масштаба, должно быть, много людей оказывается не на своем месте. К сожалению, чтобы расследовать и исправить каждую отдельно взятую несправедливость, ни у кого времени нет. Хотел бы я иметь те чудесные силы, которые вы приписываете мне. Но для меня было бы неправильно и, боюсь, бесполезно, вмешиваться в личные дела. Моя работа заключается в управлении кораблями. И даже не отдельными кораблями, как раньше, — Буллард с любовью взглянул на сверкающую модель «Поллукса», — а целыми соединениями и огромными флотами. Они разбросаны от плохо определенных границ за Плутоном до огненных просторов в области Солнца. Я не знаю по именам и половину командиров этих

соединений, не говоря уже о том, что происходит на борту этих кораблей. Я сожалею, что подвожу вас, но я ничего не могу сделать для вас как человека.

— Да, сэр, — сказал Бентон упавшим голосом.

Ему окончательно отказали. Отказ был сделан вежливо, но все равно это был отказ.

— Вы должны помнить, — продолжал Буллард, — что я не представляю собой свободного деятеля. Я безличное юридическое лицо, известное как Бюро космической стратегии. Я не могу действовать с точки зрения отдельных лиц или даже отдельных соединений. Мои приказы должны иметь равную силу для всех кораблей. Я тот, кого называют бюрократом, а бюрократы, как известно, бессердечны. Мой вам совет: возвращайтесь на свой корабль и станьте самым лучшим командиром башни, которого вы только сможете представить. Там для вас может найтись полезная работа...

— Она абсолютно бесполезна, — сказал Бентон.

— Увидим, — сказал Буллард и улыбнулся. Он снова протянул молодому человеку руку, что означало завершение беседы.

— Я такой же винтик в крупной машине, как и вы, — добавил Буллард. — Возможно, большего размера, и лучше расположен. Но я так же ограничен в действиях. Будьте уверены, что мое Бюро рассмотрит ваш случай, и если последуют какие-то действия, они будут сделаны от имени Бюро. Я надеюсь, вы меня понимаете.

— Благодарю вас, сэр, — пробормотал Бентон.

Позднее он с трудом мог вспомнить, как вышел из этого места. На обратном пути он едва заметил недовольных

старших офицеров, мимо которых прошел. Назначенное им время аудиенций истекало, и они не могли понять, с каким делом пришел этот молокосос, раз он получил немедленный прием у главного адмирала. Что касается Бентона, он понимал только то, что, несмотря на вежливый прием, он ничего не добился. Он все еще находился в самом мрачном настроении, когда подошел к наружной двери. Там бывший боевой офицер, адъютант, по-прежнему невозмутимый, кивнул ему и спросил:

— Как успехи?

— Я... Я не знаю, — сказал Бентон мрачно. — Он ничего не обещал.

То, что произошло затем, надолго озадачило Бентона. Адъютант протянул руку и нежно похлопал его по плечу.

— Упрямец, — сказал он торжественно.

Но не это слово и не дружеский жест удивили Бентона. Возможно, любой из старых друзей отца сделал бы то же самое. Ко всему этому в придачу адъютант еще многозначительно подмигнул ему. И настолько хитро подмигнул!

Весь обратный путь Бентон прошел в каком-то странном оцепенении. Как он ни пытался, он не мог вспомнить из слов Булларда ничего такого, что давало бы хоть какую-то надежду. В этих словах не за что было уцепиться. А еще он вспоминал отцовские байки. Суть их заключалась в том, что когда Булларда осеняла идея, он об этом никому не рассказывал.

Громоздкая машина заработала. В какое-то мгновение крошечный зубец на ее оси коснулся огромного ведущего ко-

леса, но изданный при этом звук почти не был слышен. Тем не менее, этот импульс был достаточным, чтобы привести в действие череду прежде неподвижных механизмов. Они бесшумно получали импульс и передавали его дальше. В назначенный час определенная часть машины уже работала полным ходом, выдавая порции смолотого зерна.

— Записка о «Мстителе», адмирал.

Это был капитан Шипстэд, пузатый и лысый.

— О «Мстителе»? — озадаченно переспросил Буллард.

У него был насыщенный день. — Ах, да.

— Зачем он вам сдался, не могу понять, — прохрипел Шипстэд. — Такая дрянь.

— Чем же он плох? — спросил Буллард. Теперь он начинял вспоминать, на что намекал молодой Бентон. — Что в нем особенного?

— Жадность и трусость примерно в равных частях. Остальное — конъюнктурные бесхребетные чиновники. Это одна из тех вещей, которые, вероятно, будут расследоваться и разоблачаться после войны. Наверное. Я не знаю. Парни из Бюро расследования задали им хорошую взбучку, и это их напугало. Они думают, что информация слишком горячая, чтобы удержать ее в руках, поэтому похоронили ее в своих файлах. Я чуть не упустил ее. Но могу вам сказать, что если вы собираетесь использовать это старое корыто, оно совершенно ни к чему не пригодно.

— Я вас понял, — сухо сказал Буллард.

Он взял записку и перелистал ее. Перед Буллардом лежала новая история жадности, страха и взяточничества,

политического подкупа и экономического давления. Некие богатые молодые люди боялись призыва на военную службу и суровой политики, не допускавшей никаких исключений в этом вопросе. Одни были просто бездельниками, которые не хотели, чтобы им докучали; другие были достаточно активны, но занимались извлечением огромных выгод из войны; были и третья — просто трусы. Но в конечном счете они представляли один и тот же тип людей. Они объединили свои огромные ресурсы и сумели найти выход. Им стал монитор «Мститель».

Биржа благоустроенной, сказочной страны Манхэттен, на которую стекались деньги и потоки товаров, была самым важным местом на семи планетах. Она заслуживала защиты и просила о ней. Она требовала, чтобы над ней днем и ночью парил большой военный корабль. Когда просьбу отклонили, биржа ответила: продажи облигаций уменьшились, а поставки основных товаров прекратились либо подорожали. Анджерхад, министр финансов, нашел выход из этого тупика. Если нельзя прислать крупный военный корабль, почему бы тогда не вернуть в строй один из самых старых? Идея была отправлена по проводам и пришла в министерство обороны. Итогом стал «Мститель», укомплектованный местными парнями.

— Я предполагаю, — сказал Буллард устало, — для того, чтобы воевать, кто-то должен думать, откуда приходят деньги и припасы. Всё еще...

— Мы не упускаем это из виду, — сказал Шипстэд. — Корабль немногим лучше музеиного экспоната, а от его экипажа толку не больше, чем от стада биржевых брокеров и

самых ленивых ящериц, которые существуют в природе. Я бы их всех отдал за одного хорошего, порядочного молодого человека, вроде тех, что служат у нас.

— Точно, — сказал задумчиво Буллард.

— Вы не можете их трогать, — предупредил Шипстэд. — Корабль на особом счету, он подчиняется только приказам самого министра обороны.

Буллард улыбнулся:

— Думаю, вы были хорошим «небесным юристом»!

Он распахнул ящик стола и извлек лист пергамента, с которого свисала большая золотая печать Большого Совета.

— Мое наставление служащим Бюро, — сказал он. — Прочитайте.

Шипстэд взял пергамент и бегло просмотрел хорошо известный ему текст.

— М-м-м, — пробормотал он, поджав губы, — вы имеете в виду, что как директор Бюро вы отвечаете за состояние всех судов, будь то действующие или в резерве, и поэтому имеете право проводить учения, совершать проверки, и...

— Повод неважен, — улыбнулся Буллард. — Я знал, что в этом наставлении что-нибудь да найду. Теперь дайте мне подумать, что с этим делать.

Он задумчиво посмотрел на потолок.

— Никакого способа заставить их воевать нет, — сказал он. — Но мы можем заставить их работать. Может быть, мы заставим их так, что они захотят сражаться. Шипстэд, пишите приказ!

Шипстэд записал то, что ему продиктовал Буллард.

— Это все, что нам нужно. Теперь дело получит законный ход. Разошлите это на все корабли и уведомите Оперативный отдел. Затем, я думаю, можно просто дать природе идти своим чередом. Насколько я знаю парней этого типа, они поднимут крик и начнут обрывать провода. И чем больше они будут дергаться, тем хуже для них.

Капитан Шипстэд захлопнул блокнот и усмехнулся.

Военная машина никогда не останавливалась, равно как никогда не задерживалась на месте и ни в чем не сомневалась. Все, что в нее попадало, она брала и неуклонно проталкивала дальше. Ее инерция была велика. Однажды череда импульсов дошла до ее жизненно важных органов, однако номинальный начальник не осмелился вмешаться в их работу. Это было бы слишком затруднительно.

Молодой Бентон выровнял свой космокатер и бегло набрал код, указанный на приборной доске. Парящий сторожевой корабль дал ожидавшийся отзыв. Никаких других в словаре не было. «Разрешаю продолжить». Бентон записал отзыв и направил космокатер в глубокое пикирование. Он соблюдал пустые формальности, которые, вроде бы, должны были оправдать существование зловеще смотревшегося «Мстителя». Но делал он это с презрением и яростью.Никто, кроме него не знал, насколько беззубой была эта лающая собака войны. Несмотря на исполинские кататроны и зияющие трубы старого небесного монстра, он не мог ни двигаться, ни стрелять. Буксиры притащили его сюда, буксиры уволокут его обратно, когда война закончится. Но он,

как и капитаны проходивших мимо кораблей, был вынужден смотреть на эту фикцию. Лучше было замедлить ход и ответить на запрос, чем получать бесконечные письма из Бюро стратотранспортного управления.

Бентон скользнул вниз на просторное поле Космического клуба, аккуратно приземлился и вернул дежурному взятую напрокат яхту. Затем он взобрался на роскошную террасу клуба. Он ненавидел и это место, и его завсегдатаев, но сегодняшний приход должен был помочь Бентону достичь своей цели. Получится или нет — он должен был сделать для этого все возможное. Ему все же пришлось вернуться на свой корабль и, взяв себя в руки, последовать со свету Булларда.

Ему удалось избежать взглядов большинства гостей, развалившихся в креслах. Многие из них были сослуживцами Бентона. На груди у некоторых блестели золотистые значки. Эти парни зашли так далеко, что посмели исхлопотать для себя получение знаков отличия за особый поход — медали «Земная битва». Бентон тоже имел такую медаль, но, презирая золото, он повесил ее на простой шелковой ленте желтого цвета. Бентон пересек террасу и был на пути к внешнему входу, когда из бара вышел стройный молодой человек с редкими усиками.

— О, Бентон! Как поживаете? — протянул он вяло-снисходительно. — Вы идете наверх? Если да, не будете ли так добры передать коммандеру, что меня не будет день или около того? Общественные обязанности, знаете ли.

Бентон нахмурился. Этот парень мог бы и сам позвонить коммандеру. Обычно все они так и делали. А уж тем

более это мог сделать коммандер Ван-Дрим — один из Ван-Дримов.

— Познакомьтесь с вашим новым помощником... Рэджи Торрингтон... Бентон. Скоро он прибудет и станет вам помогать...

— В чем? — с ненавистью взглянул на новичка Бентон, не замечая протянутую ему руку. Вообще-то против Рэджи Торрингтона он не имел ничего, кроме того, что это был очередной бездельник, отпрыск основателя Пластмассового Концерна. Пришла его очередь идти в армию.

— Ха... — крякнул Ван-Дрим. — Не берите в голову дурного, Бентон. Рэджи — неплохой парень. Правда... он слегка смущен нашим бездействием и всем этим... Неблагодарный малый...

Бентон не дослушал. Поджав губы, он зашагал к двери. На улице он схватил такси и помчался к посадочной станции. В прошлом он едва мог дождаться той минуты, когда прибудет в манхэттенский порт. Теперь уже не ждал. Время от времени туда прибывали настоящие корабли. Уставшие воины выходили из них, чтобы побывать на матери-Земле хотя бы несколько часов. Бентон больше не мог смотреть на их лица, покрытые космическим загаром, и слышать их оживленные разговоры о пережитых стычках. Больше всего он боялся встретить кого-нибудь из старых знакомых. Бентон не смог бы без боли ответить на задорное: «Привет, парень! Ты на каком сейчас корабле?»

На пристани оказался один только Перселл. Перселл был его однокурсником. Он и Бентон были единственными кадровыми военными на борту «Мстителя». Однако причиной службы на этом корабле была не богатая семья

Перселла, а суровая необходимость. Убежищу бездельников не требовалась способность к боевым походам, но на борту корабля они должны были иметь свет, тепло и воду. Работу необходимого оборудования должен был поддерживать специалист, и эта роль выпала Гарри Перселлу. Ему такая служба нравилась не больше, чем Бентону.

— Как твой визит? — спросил Перселл, когда они оба уже были на пароме.

Бентон помотал головой.

— Он встретился со мной. Был доброжелателен, но сказал, что это не его забота.

— Буллард так сказал? — спросил Перселл недоверчиво. — Но я всегда слышал...

— Да, я знаю, — сказал Бентон печально. — Не стоит его винить. Слишком много всего он должен держать в голове. К тому же он стареет. Он сказал, что я должен видеть в нем бюрократа, и напомнил мне, что они...

— Слушай, — просиял Перселл, — а ведь это неплохая идея. Интересно, во что превращается одно из этих замшелых бюро, когда его директором становится такой человек, как Буллард, и который начинает командовать им, как он некогда командовал старым «Поллуксом»?

Бентон не ответил. Его уныние было слишком глубоким, и паром уже ткнулся в борт корабля. Бентон встал и перешел в шлюз монитора.

Он бросил беглый взгляд на роскошно обставленную кают-компанию. На всем флоте не было другой такой же. На ремонт корабля потратили огромные деньги, но обустроили

его, как гостиницу. Сегодня в кают-компании было всего лишь несколько человек, из тех немногих офицеров, которые должны были находиться на борту — все остальные либо отсыпались после ночных прогулок по злачным местам Манхэттена, либо сидели в отсеке связи и там болтали по телефону со своими биржевыми маклерами. Бентон отметил время — было шесть вечера — и отправился в свою каюту, чтобы приготовиться к обеду. Именно в этот момент к Бентону подошел дневальный: его хотел видеть коммандер.

— Меня?

Бентона никто никогда ни о чем не спрашивал. Он был неудачником из-за денег своей матери. Понадобилось несколько поколений богачей, чтобы создать идеальный тип паразитов, которыми в основном и был укомплектован «Мститель».

За ним послал коммандер Ференц. Ференц был юрисконсультом, причем хорошим. В глазах капитана Добсона он был человеком, способным увязать вопросы эксплуатации корабля с бесконечной волокитой ведомственных процедур. Сам Добсон редко выходил из крупного банка, который он возглавлял.

— Вы понимаете эту тарабарщину? — сказал Ференц, вручая Бентону радиограмму. — Что она означает на обычном, человеческом языке?

Это было сообщение из департамента, полученное не более десяти минут назад.

«ВСЕМ, СРОЧНО: Внести изменения в статью 44 о тактических учениях как указано далее: «Суда, вооружен-

ные кататронами моделей с «Марк VII» по «Марк XXIX» включительно будут считаться крейсерами для целей тактических учений» подтверждайте.

1728 Бюро космической стратегии».

— Это указание из Бюро космической стратегии, — сказал Бентон, — адресованное всем кораблям. Оно изменяет статью 44 Инструкций по тактическим учениям. Изменение переводит корабли-носители кататронов в класс крейсеров.

— Гм-м... Мы вооружены кататронами «Марк ХХ», — сказал Ференц. — Я посмотрел. Что это значит?

— Это значит, что мы должны будем выполнять те же задания, что и крейсеры, я полагаю.

Глаза Бентона вдруг засветились. Уж не результат ли это его визита? Так скоро? На первый взгляд сообщение выглядело достаточно безобидным, и все же...

— Абсурдное требование, — сказал Ференц. — Мы не знаем, как его выполнить, и у нас нет на это времени. В соответствии с распоряжением министра обороны мы освобождены от таких глупостей. Я проигнорирую это указание.

Тут снова подошел дневальный. Он вручил Ференцу следующую радиограмму. В ней говорилось:

«Мститель»: инструкция Бюро космической стратегии всем патрулям 1728 — ваша форма 1000 запрос незамедлительный

Оперативное управление».

Ференц нахмурился.

— Опять! — прорычал он. — Что все это значит, если уж на то пошло?

— Оперативное управление говорит, — перевел Бентон, — что поскольку мы приравнены к крейсерам, они хотят, чтобы мы немедленно заполнили форму 1000 и выслали ее. А форма 1000 — это, по-моему, план нашей работы. Составляется для ускоренного выполнения тестов, целевой практики, и так далее.

— Ерунда! — фыркнул Ференц. — У нас особые задачи. Я опротестую это.

— Скажете в прямом эфире, что мы не можем ни совершать крейсерские полеты, ни стрелять? — усмехнулся Бентон. — А они ответят, что пора бы нам научиться делать и то, и другое.

— Конечно, не скажу! — крикнул Ференц. — Я буду протестовать против дискриминации. Обращение ко всем судам — это уловка для отвода глаз. Какой-то сбрендивший чиновник издевается над нами. У других кораблей нашего класса нет катагронов.

— За исключением десяти других, — мягко продолжил Бентон. — Я имею в виду «Безжалостный», «Непримириимый» и остальные.

Он знал, что эти реликвии были слишком запущенными и ржавыми, чтобы их восстановили, и все же они находились на своих прежних местах. Бентон улыбнулся: радиограммы составлялись весьма изобретательно. Бюро космической стратегии имело репутацию ведомства, никогда не идущего на попятную. Если бы им попробовали

помешать, они, несомненно, сказали бы, что намерены вернуть в строй целый флот мониторов. Инструкция о переводе в класс крейсеров будет выполнена.

Конечно, Ференц тоже это понял. Он придинул к себе коммуникатор и нажал на кнопки.

— Свяжите меня с капитаном Добсоном из «Земного концерна», — рявкнул он.

Бентон услышал, как мембрана коммуникатора задребежжала голосом капитана Добсона. Он был невозмутимым и успокаивающим.

— Не обращайте внимания, — сказал Добсон. — Вероятно, это промах какого-то клерка. Они не могут сделать это с нами. Через день-другой я увижу Анджерхада, и он все уладит. «Подтвердить сообщения и прислать расписание» — это не имеет значения. Позднее радиограмма будет признана недействительной.

— Хорошо, — сказал Ференц, прежде, чем прервать связь. — Я поручу Бентону подготовить правдоподобное расписание и отправить его. Потом мы обо всем забудем.

— Правильно, — донесся довольный голос Добсона.

К работе над расписанием Бентон приступил с огромной радостью. То, что он задумал, не было невозможным, но было трудным: это был план, по которому экипажу монитора, этим пропитанным шампанским, избалованным любимчикам судьбы — придется попотеть. Бентон не мог узнать, приложил ли Буллард свою руку к этим двум сообщениям. Не знал он и какой должна была быть его собственная роль. Но для него эти радиограммы принесли прекрасную возможность. И надежду.

Потому что Бентон знал то, чего не знали Добсон и Ференц, — фактическую неизменность графиков после представления. Они проделывали путь через много кабинетов, и служили основанием для составления многих других планов. Их встраивали в более обширные графики флота, которые вырабатывали месяцами раньше. Изменения в последнюю минуту были недопустимыми. Ты должен жить по своему расписанию, либо объяснить отклонения от общего графика. К тому времени, когда жалоба Добсона достигнет министра, в дело уже будет вовлечено слишком много ведомств, и распутать этот клубок уже не удастся. «Мститель» обязывался выполнять действия, которые Бентон сейчас вносил в график, причем выполнять беспрекословно. Никакому обсуждению график не подлежал.

Итак, Бентон заполнил форму 1000 и с улыбкой отправил ее. Процесс начался, и остановить дальнейшие события уже было невозможно. Учения будут проведены, а он и Персэлл — единственные компетентные специалисты на корабле — будут следить за их проведением. Прекрасная перспектива! Списанной было в утиль, монитор неожиданно привлекли к службе. Но тут Бентон вдруг вспомнил, что он и сам ничего не знает о кататронах. Молодой человек облился холодным потом. Что ж, теперь и ему придется узнать что-то новое.

Он прошел вперед по ярко освещенному коридору, потом сел в лифт и поднялся на палубу. Тут Бентон попал в помещение с восходящими лестницами, а затем через люк проник в башню.

Из этой небольшой комнатки командир башни управлял работой двух мощных проекторов. Ее стены представляли собой нагромождение дисков, счетчиков, странных устаревших механизмов, назначение которых было ему едва понятно. На другой стороне стояла коммутационная панель, за которой виднелась сама башня. Это большое пространство было заставлено полками с аккумуляторами, возбудителями и ускорителями, среди которых особенно странно смотрелись массивные электромагниты из зеленоватого металла. Прежде Бентон видел все это только один раз — в тот день, когда он прибыл служить на «Мститель». Позднее он понял, что все это массивное оборудование было всего лишь маскировкой. Оно было отрезано от электропитания.

Бентон перешел в башню, чтобы осмотреться получше. Тут прямо перед ним возникли две фигуры — на ноги поднялись два испуганных скаймена. Они сидели, играя в эйси-дьюси.

— Простите, сэр, — сказал один из них, коренастый человек с седыми волосами и глубокими шрамами от ожогов на лице, — раньше сюда никогда не заходили офицеры...

— Все нормально, — сказал Бентон. — Порядки меняются. С завтрашнего дня мы начинаем занятия по боевой подготовке. Можете мне показать, что тут к чему?

Скаймен улыбнулся. Это был Хэндли — главный специалист по электронике. Он носил красную и пурпурную медали за четвертую Битву на Астероидах — ту, в которой «Мститель», тогдашний король флота, отправил в небытие каллистианский флагманский корабль.

— Я воевал с этими пушками во время первого срока моей службы, — сказал он, — хотя я тогда был простым телефонистом. Кое-что я еще помню. «Мститель» готов к делу, понадобится только горючее, да сотня пригодных парней.

— Расскажите мне об этом подробнее, — попросил Бентон.

Он слушал. Кататроны были исправны. Они по-прежнему были лучшим оружием, если бы не их чрезмерный вес и медленный темп стрельбы. Устарели они, прежде всего, потому, что преимущества оказывались у более удобных, портативных и скорострельных орудий. Аккумуляторам требовались считанные минуты, чтобы высвободить импульс атомной энергии, и как только это происходило, ничто известное человеку не могло перед ними устоять. Но в интервалах между выстрелами корабль был беспомощен, и в стычке с участием многих кораблей этот недостаток становился фатальным. Передовая военно-техническая мысль предпочла залпам этих кататронов сплошной вал огня, хотя и меньшей силы.

— Мы можем проводить учения, — сказал Хэндли, — но стрелять — нет. Когда они установили экстромы, они разъединили кабели и отсекли их от генераторов, подававших питание. Мы можем либо летать, либо стрелять. Но не то и другое одновременно. Иначе упадем, как камень.

Монитор был построен для движения на трубах, но трубные корабли не могут парить и зависать в одной точке. Когда его переделывали для выполнения особых заданий, на нем установили экстром-репульсоры. А они используют ток генераторов, предназначенных для зарядки кататронов.

Таким образом, «Мститель» ценой утраты огневой моши может занять позиции в стратосфере над Уолл-стрит. На корабле не нашлось места для двух генераторов.

— Чему же помешала заглушка репульсоров и использование старых труб? — поинтересовался Бентон.

— Ничему, — сказал второй скаймен, служащий первого класса, судя по его значку, — за исключением того, что их заглушили, чтобы освободить место для спальни младших офицеров. Надо было куда-то класть всех этих лейтенантов, вот их и поместили в отсек ракетного питания.

— Ого! — вырвалось у Бентона.

С этим надо было разбираться при участии Перселла. В конце концов, силовые установки находились в его ведении. Перселл был инженером.

Когда Бентон уходил из башни спустя два часа, его настроение уже было гораздо лучше. Проведя на корабле некоторые радикальные переделки, можно было вернуть ему какое-то подобие боевой готовности. Суть проблемы заключалась не в этом. Проблемой был экипаж. Вместо нормального штатного состава в тысячу матросов и полсотни офицеров, эта пропорция была перевернута, и несколько офицеров корабля никогда не напрягали свои руки работой более тяжелой, чем вознесение над столом стакана виски с содовой. С этой точки зрения перспектива преобразования монитора в боевой корабль не была радужной. Чтобы это сделать, нужно будет приложить много сил, и Бентон знал, что силы эти будут прикладывать не Добсон. Сейчас Бентона злил его низкий ранг. Несмотря на возможность, предоставленную, казалось бы, двумя ра-

диограммами, Бентон чувствовал, что провести большую часть работы он один не сможет. Сила сопротивления будет слишком велика.

В каютах-компаний Бентон увидел, что там проходит военный совет. Капитан Добсон, большой и крепкий, финансист до мозга костей, подошел сюда, чтобы навести порядок инейтрализовать «эти глупости». Ференц прочесывал тома регламента в поисках лазейки, которая позволила бы это сделать. Ван-Дрим, вынужденный прибыть на корабль, стоял рядом с ними и сердито молчал. Как выяснилось, министр высказал свои сожаления и сообщил, что он сделал для них все возможное. Он пообещал им, что «Мститель» продолжит нести службу над биржей в качестве дозорного корабля и на войну отправлен не будет. Но освободить экипаж от намеченных учений он не мог.

Добсон принял это известие с кислой миной. Оно означало, что Добсону придется приостановить свои операции на бирже, и посвятить время команде. Такая же участь постигнет и многих из его коллег.

— Бентон, назовите минимальное количество людей, которых вы можете выставить на посмешище, — спросил он. — Похоже, нам придется пройти через этот фарс.

— Боевые учения — это тренировка всего экипажа, — спокойно сказал Бентон. — Я уже составил расписание. К сожалению, имея так много... э-э-э... нетренированных офицеров, и так мало компетентных людей, я взял на себя смелость перевернуть их роли. Офицеры займут позиции у пушек, проверенные в боях старшины будут давать указания.

— Это возмутительно! — заявил Ван-Дрим.

Их возмутило и предложение Бентона призвать на службу всех лиц, приписанных к кораблю. Тут просто не было достаточно коек, чтобы всех их разместить. Да они попросту и не поняли бы, что означает это требование.

— Используйте многоярусные койки, — сказал Бентон, — и когда ваши избыточные офицеры явятся на службу, вместимость корабля удвоится. Позже, когда мы расконсервируем старые трубы и подготовим их к стрельбе, вместимость корабля удвоится еще раз.

— Мы не будем делать никаких изменений, — сказал Добсон категорически.

— Вы капитан, — сказал Бентон, пожав плечами. — По вашему указанию я составил расписание занятий по огневой подготовке. Кому-то придется объяснять, по какой причине мы не смогли их провести.

Добсон что-то пробормотал себе под нос и с надеждой посмотрел на Ференца.

— Если у вас нет надежного довода, — сказал юрист, — можно будет использовать отсрочку. Весь регламент я еще не прочел, но завтра что-нибудь найду.

— Хорошо, — сказал Добсон и встал со стула.

Ничего не поделаешь. Теперь он снова мог отправиться в свой банк. Чертовы бюрократы! Еще посмотрим, чья возьмет в этой бумажной войне!

Машина делает то, что должна делать. Небольшая перевозка не замедлит ее хода. Зерно будет сыпаться ровно, и тяжесть жерновов останется прежней. Если неподат-

ливый кусок задержит вращение, на него придется вся тяжесть.

Капитан-лейтенант Карр был решительным молодым человеком. Его стол стоял в секторе Оперативного управления. «Мститель» был для Карра просто одним из восьмисот с лишним кораблей, находившихся в его ведении. Никто не давал Карру особых указаний относительно «Мстителя»; никто и не должен был их давать. Сложившийся порядок подготовки кораблей к сражениям был выработан поколениями до него. Однако некоторые работы необходимо было проводить и в обычное время. Работой Карра было следить за проведением этих работ. Это было просто.

— Какое еще снаряжение? — пробормотал он, глядя на запись в книге регистрации входящей почты.

— Что там такое? — спросил Мак-Джинти, его коллега, сидевший за соседним столом.

— Это старое корыто, монитор «Мститель», охраняет здание Биржи. С военной точки зрения он — просто затычка. Но в Бюро космической стратегии этого, похоже, не знают. Они причислили его к классу крейсеров и предписали ему проведение учебных стрельб. Не знаю, что в этом трудного, но «Мститель», судя по всему, сильно расстроился.

— Да?

— Прежде всего, они считают, что это нарушение правил и техники безопасности — стрелять из катов, которые не использовались годами. Они протестовали против стрельбы, пока каты не переберут и не испытают снова. Ну, капитан Шипстэд назначил совет инспекции и провел испытания

катов. Сказал, что они в порядке. Потом ребята с «Мстите-ля» жаловались, что не могут летать из-за отсутствия горючего, и что стрелять из катов рядом с городом опасно. Атомное научно-производственное объединение прислало к ним своего человека, и тот все уладил. Он развалил их роскошную спальню и обнаружили в ней массу старых ракетных труб. Ты когда-нибудь горбатился на такой посудине? А я — да, в своем первом учебном походе. Трудновато на них плавать. Как бы то ни было, Бюро и «Атом» убедили их, что они могут и летать, и стрелять. Тогда они начали кричать, что за ними закреплена определенная позиция и они не могут ее оставить. Этот крик дошел до меня. К своему протесту они добавили торжественное заявление, подписанное примерно десятью тысячами брокеров. А те говорят, что если биржа не будет охраняться, произойдет самая страшная биржевая паника в истории. Сначала это поставило меня в тупик, потому что свободных военных кораблей не было. Затем я обнаружил, что вся их служба заключается в том, что они лежат на боку и записывают в свой журнал названия проходящих мимо кораблей. Так что я сообщил им и брокерам, что они получат необходимую и своевременную помощь. Их работу может выполнить любой буксир.

— Это их удержит, — отметил Мак-Джинти.

— Вы не знаете эту компанию, — резко сказал Капр. — Я начинаю думать, что они там прячутся от войны. Они боятся стрелять. Нет, они у меня будут стрелять, причем где-нибудь возле Марса, если я только смогу найти для них подходящую цель. Послушайте, какую басню сочинил мне их юрист:

«Почтительно обращаем Ваше внимание на статью 724 Инструкции по тактическим учениям, которая гласит, что никакой экипаж не должен быть направлен на учения или боевые действия, за исключением причин, представленных в соответствующем Руководстве по проведению учений. Несмотря на добросовестные поиски с нашей стороны, нам не удалось обнаружить ни одного экземпляра руководства по обслуживанию кататронов Марк XX...»

Мак-Джинти усмехнулся:

— Кое-что у них все же имеется. Но эти пушки староваты. Не знаю, что я сам делал бы с ними. Вы же знаете, у них случались и обратные вспышки, а они могут уничтожить весь экипаж.

Карр все еще продолжал мрачно смотреть на письмо. Для него оно было очередной отговоркой, а его отговорки не интересовали. Карр придвинул к себе коммуникатор.

— Отдел публикаций, — сказал он.

Нет, ответил отдел, руководства по кататронам не печатались уже несколько десятилетий. Может быть, ему обратиться в библиотеку?

Нет, ответила библиотека, они располагают только текущими материалами. Кому вообще нужны эти кататроны? Но может быть, что-то найдется в архиве?

— Архивы? Оперативное управление, Карр. У вас есть что-нибудь о кататронах? Да... Ка-та-тро-ны — разновидность атомного бомбомета... Использовались на мониторах. Что? Только одна и не выдается? Ерунда! Пришлите мне сотню заверенных копий.

Карр выключил коммуникатор.

— Это должно их унять, — процедил он сквозь зубы. — Я вышлю им девяносто девять экземпляров, а один оставлю для личного пользования. Затем съезжу к ним и сам сверю действие кататронов с руководством. Они сами об этом просили. Эти ребята будут стрелять, или меня зовут не Джимми Карр!

Наступил день, когда к «Мстителю», зависшему на высоте пять миль, приблизился маленький космокатер «Москит». Он был оснащен двусторонним стратофоном и однодюймовым блиццером Энгборга, а его экипаж состоял из восьми здоровяков-стражников. «Москит» прислали «Мстителю» в качестве временного подкрепления. Добсон встретил его с кислой физиономией. Космокатер подошел к монитору и сделал вокруг него два круга, в то время как нагловатые комментаторы с омнивокса сопровождали его движения ироническими замечаниями. Статус «Мстителя» был раскрыт, и появились признаки того, что славные тыловые деньги монитора подходят к концу.

В течение четырех беспокойных месяцев, которые предшествовали этому дню, Бентону и Перселлу не раз приходилось сожалеть о переменах, которые они встретили с восторгом. Самые разные ведомства то и дело навещали их с проверками и присылали им запросы. На корабле постоянно присутствовали въедливые инспекторы. Добсон и Ференц подвергались неслыханному давлению, и чем активнее они пытались от него уклониться, тем больше им в итоге доставалось.

Главной проблемой Бентона и Перселла был личный состав. Несмотря на избыточное количество, его качество было незначительным. Поскольку корабль был до отказа набит сверхштатными служащими, учения проводились в три, а то и в четыре смены, днем и ночью. Бентон и Перселл падали на койки без сил. Их единственным утешением было злорадство: вот и еще один день этим разжиревшим бездельникам пришлось побегать.

Но возвращение «Мстителя» к жизни неожиданно принесло и побочные результаты. Бентон обнаружил, что его первое мнение об экипаже оказалось опрометчивым. Несколько сотен брокеров, которых учения вынудили оставаться на борту корабля, разорвали свои деловые связи и целиком посвятили себя изучению военного дела. Как сказал один из них, если бы все это время они провели на войне, они бы уже загорели. Ко всеобщему удивлению, пришло и письмо, объявлявшее экипажу «Мстителя» благодарность за успехи в боевой подготовке. А офицеры вроде Рэджи Торрингтона, которые впервые столкнулись с настоящей службой, неожиданно узнали, что это занятие может быть увлекательным. У них появился интерес, они с нетерпением ждали, когда смогут увидеть результаты долгих учений. В тоже время Ван-Дrimы и группа других снобов продолжали возмущаться их мобилизацией. С ними Бентону приходилось тяжелее всего.

Затем прибыли четыре буксира. Они оттащили неуклюжий монитор далеко за пределы лунной орбиты и мощным рывком запустили его дальше в космос. «Мстителю» предстояло лететь к полигону, по инерции преодолев расстоя-

ние в десять миллионов миль. А в пути он сможет попробовать свои отремонтированные трубы, не опасаясь того, что двигатель не запустится или выйдет из-под контроля над территорией города.

Бентон и Торрингтон склонились над любопытным устройством в башне. Это была миниатюрная версия боевого интегратора — серия прозрачных концентрических сфер, покрытых с помощью проектора в ядре светящимися стрелками. Бентон указал на ползущую по одной из сфер розовую точку.

— Это мы, — сказал он. — Когда мы доберемся до точки А, Персэлл запустит все, что у него есть, и тогда к точке В мы пойдем на полной мощности. К тому времени, когда мы доберемся до точки В, вы должны будете оправиться от шока ускорения и укомплектовать термоскоп. Цель будет где-то в зоне СQTV. Эта кривая показывает ее характеристики теплоотдачи. В ту минуту, когда ты поймаешь цель, включишь прибор слежения и огни тревоги. Понял?

— Конечно, — сказал Торрингтон. — Но когда мы ударим по ней?

— Как только подойдем к ней на достаточное расстояние. Это определию я. К тому времени мне придется поднатореть в астронавигации. Добсон просто не способен ее освоить.

В капитанской рубке Добсон и Ференц разглядывали черное определительное табло, усыпанное звездами. Оба были в скафандрах полной комплектации, и оба испытывали тревогу.

— Не нравится мне это, Ференц, — сказал Добсон. — Это убийственно.

— Я сделал все, что мог, — угрюмо сказал Ференц. — Но когда вы играете против глупой бюрократии...

— Мы не оказались достаточно догадливыми, — пробормотал Добсон. — Это ржавое корыто — настоящая западня.

На определяющем табло возникали непонятные зеленые огоньки. Персsell доложил о готовности труб. Добсон замолк на полуслове и тыльной стороной ладони ударил по кнопке. Тут же огоньки погасли, а двенадцать громадных труб на корме оглушительно взревели. Корабль накренился и рванул вперед. Добсон и Ференц потеряли равновесие и, пролетев по рубке, врезались в контрольные панели. Посыпались искры короткого замыкания, а в верхнем углу рубки что-то издало пронзительный скрежет и вспыхнуло.

— Вот оно, — простонал Добсон.

— Что «оно»? — спросил Бентон. Он и сам едва удерживался на ногах.

Бентон нашупал вспомогательный выключатель и щелкнул им. Затем быстро вернулся на место покосившуюся панель и схватил огнетушитель. Пожар был потушен мгновенно. Бентон взглянул на съежившихся капитана и коммандера.

— Если вы не знаете, что делать, — сказал он, — не делайте ничего. Зачем вам эти скафандры?

— Нам, возможно, придется покинуть корабль, — пробормотал Ференц. — Если пойдет встречный огонь...

— Если встречный огонь пойдет, не будет корабля, который придется покинуть, и ни останется никого, кто сможет это сделать, — холодно произнес Бентон. — Лучше бы вы

объявили себя больными, как это сделал Ван-Дрим, и разошлись по своим каютам. Управление кораблем я беру на себя.

Он вышел из рубки и направился в машинное отделение. Преждевременный запуск двигателей легко мог повредить их. Перселл, кажется, еще не понял, насколько опасно вверять профанам управление кораблем.

Когда Бентон подошел к корме, он с растущей тревогой обнаружил, что старый корпус продолжает раскачиваться. Краска и полировка неплохо скрывали дефекты монитора. Но теперь, когда тяжелые трубы заработали вразнобой, корабль охватила вибрация. Ржавчина была не лучшим крепежом. С грохотом пушечного залпа треснула какая-то переборка. Полыхнув синим светом, лопнул вспомогательный кабель. Погасли четыре подвесных лампы. Бентон прибавил шагу.

— Объяви своему отряду тревогу по контролю за повреждениями! — крикнул он, увидев Перселла. — Когда запустят каты, будет множество фейерверков, если мы не предупредим их появление. Я буду в рубке. Добсон и Ференц находятся там же, но они в панике. Наша единственная надежда только в том, что на полигоне Рэджи не забудет, что я ему рассказывал. Иначе не видать нам хороших результатов.

— Парень в порядке, — сказал Перселл.

Однако сам он не был спокоен. Вот заработала и тут же погасла одна из труб. Вот она опять со страшным шумом выпустила пламя. Весь машинный зал был охвачен беспорядком. Теперь, когда корабль шел полным ходом, экстро-

мы стояли без дела, а по их кабелям ток генераторов подавался на аккумуляторы кататронов. Дикий беспорядок, вызванный времененным переключением на нормальный канал, раздражал взгляд инженера Перселла, но такой, временный, режим был единственным возможным. В нормальный же вид привести машинное отделение могло только полное отключение от корабля репульсоров экстромов.

Послышался звук гонга. Это означало, что Рэджи заметил цель.

— Мне пора! — крикнул Бентон, помчавшись к рубке.

Пробегая по коридору мимо каюты Ван-Дрима, он мельком взглянул на этого типа. Бледный Ван-Дрим с ужасом рассматривал верхние трубы и трубопроводы, грохотавшие на своих кронштейнах. Одновременно он дрожащими руками напяливал на себя скафандр.

«Трусливая крыса», — подумал Бентон на ходу. Когда из катов выстрелят, штурвал должны будут держать крепкие руки. Хорошо, что Бентон это предвидел — добежав до рубки, он нашел ее пустой. Добсон сбежал.

Руки Бентона бегло приводили в порядок расстроенное оборудование. Он гневно взревел, увидев, что телеконтроль по непонятной причине был активирован. Бентон отключил его и восстановил обычное управление. Тут же в селекторе забубнил голос Торрингтона, стоявшего в башне:

— Подходим... Подходим... Десять секунд осталось... Ждем... Пять осталось... Четыре... Три... Две... Одна...

Ни одна машина не может сделать все. Механизм имеет дело только с тем материалом, который его питает.

Но если машина умно разработана, она отвергнет то, из чего нужный продукт сделать нельзя.

Выдержка из записи в бортовом журнале, сделанной Лэнгхорном — наблюдающим офицером ориентировочного управления с корабля «Альферац»:

10:36: Монитор «Мститель» вышел на позицию с сильным колебанием. По-видимому, он имеет проблемы с поддержанием синхронной работы труб.

10:45: По-видимому, контроль над кораблем улучшился, поскольку он приблизился к предписанному курсу. Возможно, завершит стрельбу по графику, так как теперь цель находится в пределах действия его радаров.

11:08: Кажется, на мониторе произошел несчастный случай. Спасательная лодка только что отчалила и на неё замечена вспышка. Лодка очень плохо управляема. Вероятно, ее оператор получил ранения.

11:17: Замечено свечение возле стволов корабельных катапультов «Мстителя», которые свидетельствуют о подготовке к разряду.

11:18: «Мститель» стреляет из обоих катов.

11:23: Оба заряда попали в цель. Цель разрушена. Сообщают, что все было сделано хорошо, несмотря на плохой подход.

11:36: Не могу понять, что происходит на борту «Мстителя». Был ли там мятеж? Одна из лодок покинула корабль прежде, чем башня выстрелила. В настоящее время от монитора уходят еще восемь лодок. Тем не менее, корабль идет на полной мощности труб.

11:40: На корабле что-то сделано ошибочно. «Мститель» странно раскачивается и прыгает под прямым углом к своей прежней траектории.

11:47: «Мститель» исчез!

Последующая запись:

17:58: Принята последняя из лодок «Мстителя». На борту находились капитан, коммандер, артиллерист и многочисленные младшие офицеры, все в состоянии сильного шока. Военный врач диагностирует их реакцию как острый испуг, но истории, которые они рассказывают, пока лишены смысла.

19:30: История выживших в общих чертах проясняется. Похоже, что корабль начал разрушаться при первоначальном включении труб, после чего капитан и коммандер отчалили, не дожидаясь выяснения причины и степени повреждения, и не отдавая приказов для дальнейших действий. Их сопровождал только артиллерийский офицер Ван-Дрим, который утверждает, что он болел и ничего не знает о катастрофе. Пассажиры других лодок, кажется, пробыли на корабле дольше, и они говорят, что не замечали ничего необычного, пока башня не взорвалась. В этот момент судно погрузилось в полную темноту, и внутри воцарился ад из шипящего газа, струй из разбитого водопровода, и хаотичного нагромождения стальных деталей. Электрические огни отключились сразу и всюду, и при их свете последние из выживших сели в оставшиеся лодки и отчалили. По их словам, на борту в момент последнего ак-

та катастрофы оставались несколько матросов и офицеров, среди которых старшим был лейтенант Бентон. Об их судьбе ничего не известно. Следует отметить, однако, что с корабля не сбежал ни один срочнослужащий. Вместе с ними остались несколько младших офицеров. Надеемся, что остав разбитого «Мстителя» будет найден, если он продолжает где-то существовать, и тогда появится возможность провести полное расследование этой, несомненно, уникальной катастрофы.

20:15: Полный отчет отправлен в Бюро космической стратегии. Получение отчета получено. Отправлены в надлежащие места все выжившие и находящиеся под арестом по обвинению в трусости. Продолжены поиски монитора в космосе.

Бентон изо всех сил держался за перископ. Включение цепи запуска Рэджи Торрингтон рассчитал идеально; Бентон хотел увидеть результат. Это было невозможно. Сила, с которой корабль встряхнуло в момент залпа, превзошла силы Бентона, и его выбросило из сидения. Тут же наступила кромешная темнота и послышался сильный треск миллионов разрядов. Они были безвредны, о чем напоминало руководство. Это была нейтрализация побочных электрических сигналов — явление, способное, однако, привести несведущих в замешательство. Тем не менее, когда Бентон смог подняться, он понял, что с кораблем произошло кое-что посерьезнее. «Мститель» накренился и скрежетал гораздо сильнее, чем раньше. К этому скрежету добавился шум лопнувших воздуховодов высокого давления и сло-

манного водопровода. Работали только аварийные фонари, свет которых дополняли бесчисленные вспышки коротких замыканий. Бентон, шатаясь, побрел к корме. По дороге туда он остановился, чтобы проверить коммутаторы. Из них работал только четвертый — к нему Бентон и подошел, чтобы связаться с Рэджи. Когда тот отозвался, его голос дрожал от волнения, и все же Бентон понял, что Рэджи вполне держит себя в руках.

— Мы попали, попали! — кричал он радостно. — Какая была вспышка! Это было прекрасно.

— Великолепно, — произнес Бентон уставную похвалу. Однако сейчас важно было уже другое. — Как там у вас дела?

— Не сказать, чтобы слишком хорошо, — ответил Рэджи. — Повсюду огонь... Свет нигде не включается... В общем, ад кромешный... Но ребята держатся... Скоро все будет в порядке.

— Так держать, старший, — сказал Бентон.

Он с облегчением вздохнул. По крайней мере, о башне он пока мог не вспоминать. А вот с ним самим дела обстояли иначе. За время его беседы с Рэджи пожар разошелся не на шутку, и огонь уже начал охватывать коридор. Пожар дошел до отсека, в котором находилась команда ремонтников, и они, побросав инструменты, с криками побежали прочь. В этот момент Бентон еще не мог оторваться от коммутатора, а когда ему это удалось, он бросился вслед за ремонтниками, приказывая им остановиться и взять себя в руки. Однако те его опередили. Когда Бентон добрался до шлюза со стапелями для лодок, он увидел, что все лодки исчезли. Если они ушли загруженными хотя бы напо-

ловину, это означало, что половина экипажа уже покинула корабль.

Он погрозил кулаком огням удалявшихся лодок, а затем пошел обратно, в центр преисподней. Идти становилось все сложнее, поскольку корабль прыгал как дикая лошадь. Продвигаться вперед было уже невозможно, не получая при этом на каждом шагу удары и ожоги. Бентон отбросил ногой поникший пожарный рукав и подобрал с пола один из валявшихся тут огнетушителей. Страшное, казалось бы, пламя вокруг и впереди себя он погасил несколькими струями. Затем, закрывая лицо и рот от смрада горевшей изоляции, Бентон пробрался в трубный отсек. И тут он лишился чувств. Казалось, в голове его вспыхнула сверхновая звезда, которая тут же разрослась в необычайных размеров огненный цветок, а затем вдруг исчезла, оставив после себя только черную темноту. Для Бентона началась вечность.

Без сознания он пролежал не больше пяти минут. Придя в себя, Бентон сел, заморгал и протер глаза. Странно, но чувствовал он себя не так уж и плохо. Некоторые из фонарей загорелись снова, вибрация корпуса приближалась к нормальной, а дикая пляска корабля явно сходила на нет. Бентон встал и отправился в машинное отделение. Там он обнаружил настоящий муравейник под командованием Перселла, который носился по отделению и хриплым голосом отдавал приказы.

— О, привет! — улыбнулся Перселл, увидев его. — А я уже собрался выслать за тобой поисковую команду. Я думал, ты потерял сознание, когда нас тряхнуло.

— И еще как тряхнуло, — сказал Бентон. — Что случилось?

Вместо ответа Перселл указал на хаотичное сплетение кабелей, охватившее обесточенный экстром.

— Случилось нечто неожиданное, потому что раньше еще ни один здравомыслящий человек не пытался установить такое соединение. Регенеративный эффект, я полагаю. Встряски и пожары можно считать естественными, если учесть возраст этого корыта и силу, с которой мы палили из катов. По этим проводам ток на каты и подавался. Они создали вокруг экстромов сильное переменное поле, и заставили их дать толчок, хотя ток они получили и не напрямую. Отсюда — неприятности между первой встряской и той, которую вызвал Рэджи, нажав в орудийной башне на кнопку. То, что затем произошло, было вызвано негативной реакцией катов, о чем мы знали и к чему были подготовлены. Плохо то, что коммуникаторы на некоторое время вырубились и Рэджи не мог со мной связаться. Я не знал, что цель уничтожена, и подал еще один заряд. Все было готово для запуска, когда Рэджи сказал, что шоу закончилось. Ведь они там испугались, вот я и вырубил выключатель. Ну...

— Что «ну»?

— Ну и пошли возвратные колебания, наверное, по этим кабелям. И экстромы сошли с ума. Запрыгали на месте, а потом начали плавиться. Мы и сами стояли как вкопанные секунду или две, а потом, слава богу, пришли в себя, и включили напряжение снова. Я уж подумал, сейчас опять что-нибудь случится, и, когда потянулся к рубильнику,

крикнул, чтобы все пригнулись. Мы все находились здесь, так что нас, наверное, тряхнуло не так сильно, как вас.

Прежде, чем Бентон успел что-либо ответить, на коммутаторе загорелась сигнальная лампочка «башня». Бентон включил звук и услышал голос Рэджи.

— Скажи, — произнес Рэджи, — ты знаешь, где мы находимся? Полным ходом несемся в сторону Полярной звезды. Используй свое влияние на Перси, чтобы изменить курс, не то мы скоро вылетим из Солнечной системы.

— Хорошо, — сказал Бентон.

Он был очень доволен. Рэджи оказался хорошим парнем.

— Я уже включил сопротивление инерции, — сказал Перселл, стоявший рядом. — Через четыре часа корабль пойдет обратно. После всего, что мы испытали, вряд ли нам нужны перегрузки ускорения. Кстати, есть какие-нибудь потери?

— О, да! — ответил Бентон. — Три наших генерала и около сотни рангом пониже. Сразу же отчалили на лодках.

— Тем лучше, — спокойно отметил Перселл. — Не выдержали, да? Ладно, в любом случае, у нас был слишком большой экипаж. Нам бы опытных ребят... — и Перселл махнул в сторону своих чумазых и потных подчиненных.

Двое из этих молодых людей взглянули на офицеров и улыбнулись, продолжая работать. Один из них до недавнего времени был известным эстрадным певцом. Он относился к той категории, которую в большинстве случаев настоящие мужчины презирают. Второго Бентон узнал не сразу. Им оказался Артур Анджерхад, сын министра финансов.

— Хорошая работа, куда ни глянь, — поздравил Бентон.

Он должен был идти в рубку и продолжать управление кораблем. Ему также надо было отправить несколько сообщений. Если, конечно, радиосвязь еще работала.

Ошибочно полагать, что от неисправных предметов обязательно надо избавляться. Забракованные материалы могут быть с пользой переработаны. Суровая проверка показала, что множество отклоненного материала, в конечном счете, отвечает всем требованиям.

В группе было пять разных адмиралов, два коммодора и капитан.

— Но кто бы мог подумать, что они станут пытаться проникнуть в охотники таким образом? — прорычал один из них.

Они смотрели на большой Боевой Интегратор, который светился и вращался в зале управления боевыми действиями. Это место и офис Булларда разделяли какие-то стоярды.

— Неожиданно, вы знаете... — начал капитан. — К счастью, у нас есть свои разведчики.

— Да что вы говорите! — ухмыльнулся адмирал. — Ребята делают мужскую работу. Шесть «Лисиц», к которым подобрались четыре охотника. Ладно. Двух разведчики разбили, но два остались, и нет «Лисиц». Что мешало им броситься прямо на них? На этой стороне Марса нет ничего по-настоящему трудного. И на все про все осталось пять дней.

Они молча смотрели на туманный шар. Возле его верхнего полюса затухали восемь красных точек — останки уничтоженных кораблей. Корабли уже исчезли, но остаточное излучение еще давало о них знать. Среди них и не сколькими градусами ниже медленно сползали две серебристые капли. В тумане пульсировала бледная нить фиолетового света, и капли лежали на ней, как жемчужины на шелковой нитке. Фиолетовая линия была их траекторией. Ее нижним окончанием был кратер Тихо на Луне, в котором располагалось большое здание министерства обороны.

— Что за... — пробормотал коммодор.

Из ниоткуда вдруг появилась розоватая светящаяся полоса, похожая на короткохвостую комету. Вот она замедлила ход, вспыхнула и собралась в точку яркого света. Компьютеры в отдаленных комнатах тут же отметили точку и зарегистрировали ее координаты. Секунду спустя появилась вторая фиолетовая нить — это был курс таинственного розового тела. До пересечения двух траекторий оставалось совсем немного.

— Там просто не может быть никаких крейсеров, — произнес изумленный вице-адмирал. Он был оперативным управляющим соединений крейсеров и знал, что говорил.

Тут подал голос динамик на стене:

— Корабль, только что возникший в секторе Л-56 плюс зона 9, — это бывший монитор «Мститель», вышедший на учебные стрельбы. Он перенес загадочную катастрофу, но идет своим ходом. Предположительно, он получил повреждения и укомплектован лишь частично. Когда с ним выходили на связь в последний раз, его кататроны были в ра-

бочем состоянии, но на борту не было опытных офицеров. Капитан корабля и все старшие офицеры его покинули...

— Вспышки! — воскликнул коммодор. — Можно надеяться, что...

— Он начинает атаку, — мрачно сказал вице-адмирал. — Лучше ему вести себя хорошо.

Тут к вице-адмиралу подошел посыльный. Он протянул ему записку.

Вице-адмирал прочитал записку, разорвал ее надвое и, нахмурившись, куда-то пошел.

— Помню, помню... — пробормотал он на ходу. — Сядука я сам за эту систему дистанционного управления.

Элегантного молодого денди, который весьма продуктивно записывал названия кораблей, проходивших мимо биржи, в отсеке связи не было. Его скафандр на месте не было тоже. Он бежал вместе с другими трусами. Бентон сел в его кресло и воткнул штекер в гнездо коммутатора. Связавшись таким образом с Оперативным управлением, он начал докладывать о том, что произошло на корабле.

— Высший приоритет! — ворвался в отсек голос служащего Оперативного управления. — Вы «Мститель»? Включите телеуправление на этой волне. Мы принимаем на себя управление кораблем. Ваши каты все еще работают? Очень хорошо, слушайте внимательно. Срочно заряжайте каты и готовьтесь к бою. В вашем районе находятся два вражеских охотника. Они должны быть уничтожены любой ценой. Поняли? Очень хорошо, направляю вас.

— Мы не можем, сэр, — соврал Бентон. — Пожар в рубке управления уничтожил систему дистанционного управления. Дайте мне информацию, и я все возьму на себя.

Телеуправление было исправно, но объяснить, почему им нельзя пользоваться, было очень трудно. Телеуправление наверняка примется контролировать трубы, но никто не мог предсказать, как поведут себя экстромы после очередной дозы индукции и колебательных полей. Знания Бентона и Перселла были несовершенны, но они, по крайней мере, имели представление о проблемах на корабле. В этом отношении они сейчас превосходили адмирала, хотя сказать ему об этом было бы бес tactностью. Адмиралы в спешке не склонны к дискуссиям.

— Да что же это такое! — с досадой воскликнул адмирал.

Тем не менее, он назвал курс и координаты.

Бентон тут же набросал план, и передал приказы в трубный отсек и на башню. Ему ответили радостные голоса. Его ребята пережили худшее — неизвестность. Всему, что могло произойти теперь, они могли противостоять.

— Не торопитесь, — предупредил Бентон. — Они уже получали отпор и стали осторожны. Это означает, что они рассредоточились. Смотрите внимательнее! Если повезет, разобьем их поодиночке.

— Вижу! — прокричал Рэджи. — Одного уже вижу! Здорово!

Бентон вовремя пристегнулся к креслу и проглотил таблетку против морской болезни. Он надеялся, что не потеряет сознание между залпами. Хорошо, что он это сделал,

потому что, когда стрелки начали сближаться на индикаторе, «Мститель» снова запрыгал, как сумасшедший. Бентона тут же охватил приступ тошноты. Его пальцы бегали по кнопкам, регулируя вспышки то одной, то другой трубы согласно тому, как Бентон ощущал корабль. Персэлл согласился передать ему стабилизацию, и Бентон начал выравнивать ход. Тут он услышал радостный крик Рэджи: «Подходит! Жду!» Затем Рэджи начал обратный отсчет секунд... Раздался страшный грохот и в корабле затрещали разряды электричества, сопровождавшие старт атомных ракет.

— Попал! — крикнул Рэджи три секунды спустя. Бентон с облегчением откинулся на спинку кресла.

На экране росло скопление зеленоватых болидов — эти снаряды были выпущены уже несуществующим охотником, но все еще продолжали лететь. Они двигались с ускорением, поскольку их двигатели работали с возраставшей мощностью.

— Включить каты! — крикнул Бентон Персэллу.

Однажды это сработало. Может быть, сработает снова, несмотря на то, что репульсоры частично расплавились. Сработало. В мгновение ока «Мститель» отбросило далеко от прежней траектории. Его экипаж с трудом удерживался на ногах. Бентон сражился с начинавшимся обмороком. Он переключился на волну Луны.

— Один есть, — сообщил он лаконично. — Но где мы теперь?

— Святые небеса! — донесся удивленный голос из зала управления боевыми действиями. — Мы думали, вы погибли вместе... Вы исчезли в одно и то же время... Дерзко... Теперь

мы вас видим... Вы оказались в Л-31 и зоне, которая находится ближе к нам. Как, черт возьми, вы...

— Не беспокойтесь, — решительно ответил Бентон. — Пусть ваши специалисты вышлют мне координаты места, в котором мы встретим второго охотника. Не знаю, где мы находимся и что там делаем, но как бы там ни было, мы вынесем перегрузку в пять g. В восемь, если понадобится.

— Молодец! — донесся голос адмирала. — Держитесь! Сейчас я все сделаю.

Обстоятельства сложились благоприятно. Понадобилось только четыре g, и экстромы намного сократили свой откат.

— Мы не можем вести корабль, как следует, — печально сообщил Перселл по корабельной связи домофон. — Экстромы прогорели.

— Мы не нуждаемся в них, — весело ответил Бентон. — Остался только один.

— А, этот, — фыркнул Перселл. — Я думал о посадке на Луну. Она не будет аккуратной.

— Последняя цель на подходе! — выкрикнул Рэджи Торингтон. — Выстрел на лету или прицелиться?

— Прицелиться, дурак, — прорычал Бентон. — Кем ты себя возомнил?

— Лучшим стрелком из кататронов в Патрульной Службе.

— После Хэндли, — напомнил Бентон с усмешкой. — Все, что ты делаешь — это ищешь для него цель.

Вскоре они уже держали путь к дому. Останки четвертого охотника расползались за ними в виде быстро таявшего облака.

Большая машина вздрагивает и грохочет в тот миг, когда она впивается в окаменевший кусок, а затем издает грозный рокот. Ее колеса крутятся и крутятся, а на зубцах бесшумно вращающихся шестеренок вспыхивают блики. Но это не просто машина. По ходу работы механизм ее изменяется.

«Мститель» лежал в главном ремонтном доке на Луне. Его странный, составленный из совершенно разных людей экипаж стоял возле стапелей. Люди в строю были одеты в остатки униформы и рабочие комбинезоны, уцелевшие при пожаре внутри корабля. Комиссия министерства обороны с удивлением рассматривала скайменов. Всех их единодушно признали героями.

Бентон и Персэлл вместе с комиссией вошли внутрь разбитого корабля. В группе были и министр, и начальник управления боевыми действиями, и вице-адмирал, ответственный за крейсеры, и остальные. Они были поражены тем, что увидели. Корабли той эпохи выходили из боя с клеймом позора или славы, либо оставались неповрежденными. Сейчас перед ними был корабль, который выиграл битву, но не имел ни одной царапины на корпусе. Однако внутри корабля почти все было разрушено. Войдя в рубку, вице-адмирал ткнул пальцем в пульт телеуправления. Система находилась в идеальном рабочем состоянии. Скаймены с «Мстителя» обманули его ради победы.

— Лучше порадуйтесь, — мягко произнес Буллард, прочитав его мысли. — Этот парень действует хорошо, когда

его предоставляют самому себе. — Буллард прокашлялся. — С разумными ограничениями, конечно.

Из трубного отсека вышла группа инженеров-электронщиков. Они завершили проверку и обсудили ее результаты.

— Эта техника отлично работает, мистер Бентон, даже если не всегда подчиняется, — сказал один из инженеров. — Как вы додумались до этого?

— Я и не думал, — сказал Бентон решительно. — Это случилось, вот и все.

— Во всяком случае, — произнес старый бодрый адмирал, который руководил Оперативным управлением, — у вас есть мозги, чтобы пользоваться тем, что вы едва успели осмотреть.

— М-м-м, хорошо бы это делать на нормальном корабле, — проворчал другой адмирал. Он был главным военно-морским конструктором и пришел для окончательной оплаты счетов.

— Не обязательно, — возразил главный специалист по электронике. — Трюк был импровизацией. Теперь, если для этого мы специально реконструируем корабль...

Бентон и Перселл стояли в сторонке и уважительно прислушивались к адмиралам. Теперь, когда речи были произнесены, а медали повисли на их шеях, про виновников торжества забыли. Власть имущие отметили подвиг «Мстителя», раздали причитавшиеся наказания и награды, и тут же предали этот инцидент истории. Теперь они думали о будущем.

— Демонтировать трубы полностью, скажу я вам, — продолжал специалист по электронике, — и встроить мощней-

шие двигатели типа Родригес с хранилищем модифицированных экстромов, расположенных так, что... словом, эффект Бентона. Можем назвать его и так. При желании он может иметь любую степень интенсивности. Тогда...

Дискуссия продолжалась. Корпус следовало укрепить за счет новых структурных элементов. Благодаря новейшим достижениям, большинство дефектов в кататронах можно устранить. Когда старый «Мститель» вновь выйдет в космос, первые строители ни за что не смогут его узнать.

Затем формальности были окончены, экипажу вручили отпускные предписания и людей отпустили. Офицеры разгуливали по кратеру возле клуба, где их ждал торжественный обед. Когда он начался, старый адмирал Буллард сел рядом с молодым Бентоном. Во время обеда Буллард то и дело вспоминал старые времена на «Поллуксе».

— Возможность, — заметил он, нанизывая на вилку очередной кусок и не глядя на Бентона, — это в значительной степени то, что вы делаете сами. Время от времени ко мне приходят молодые офицеры, которые жалуются на неприятную службу. Но я взял за правило никогда не соглашаться с их просьбами.

— О, да, сэр, я знаю, — заговорил Бентон, — но, несмотря на...

— Повторю то, что я сказал, — спокойно произнес главный адмирал. — В тот день, когда вы обратились ко мне, я сказал, что не хочу вмешиваться в личные дела. И это не было вежливой отговоркой. Ввиду особых обстоятельств мне хотелось сделать исключение. И оказалось, я поступил правильно, когда не стал его делать.

— О, да, сэр. И это то, что я хочу... — попытался сказать Бентон.

Он должен был за что-то поблагодарить Булларда, хотя, видит Бог, и сам не знал, за что.

— Как я уже сказал, — спокойно продолжил Буллард, — хорошо, что я не сделал исключения. Сегодня я в этом убедился. Я впервые поговорил о вас с министром. Он четко заявил мне, что не хочет и слышать о моем предложении. Короче говоря, ваша просьба была передана министру и он ее отклонил. Вот официальный ответ.

Он вручил Бентону листок бумаги и закурил сигару. Бентон взял листок в руки и прочитал:

*От министра обороны
капитан-лейтенанту Рою Бентону.
Предмет: приказ.*

1. После завершения ремонта супермонитора «Мститель» Вы назначаетесь его командиром. Это назначение действительно до окончания войны.

ПРИКАЗЫ

Мы публикуем последний рассказ из серии повествований о коммандере Булларде, который был найден в бумагах Малькольма Джеймисона после смерти писателя.

Буллард, поневоле оказавшийся самым большим бездельником на свете, находился в очень плохом настроении. На душе было тревожно, и вместе с тем он испытывал отвращение и скуку. Ничего с этим поделать было нельзя. С этим и не хотелось ничего делать. Если уж такая ему выпала судьба, значит, ничего не поделаешь. И хотя он временно стал комендантом большой лунной базы в ранге адмирала, это ничуть не утешало Булларда. Он не находил вкуса ни в блеске меди вокруг себя, ни в бесконечно отвратительном крутящемся кресле. Буллард встал, походил по своему роскошному офису. Затем он остановился перед большим окном и взглянул на мрачный пейзаж.

Жуткая тишина этого некогда оживленного шумного места подавляла. Давно уже не было слышно пронзительного свиста мостовых кранов, шума машин или тяжелых ударов штамповочного пресса. Магазины закрылись, рабо-

чие разъехались на неопределенный срок, корабли исчезли. Корабли! Буллард стиснул зубы. Да, это были настоящие корабли, целые ряды некогда гордых военных кораблей. Их мертвые корпуса ржавели до тех пор, пока к ним не приходили аварийные команды. Те остатки флота, которые избежали демонтажа, с наступлением мира разошлись по дальним углам Системы, а их команды прохлаждались в увеселительных круизах «доброй воли». Его собственный корабль «Поллукс» был единственным исключением. Сейчас он находился в ремонтных доках кратера Гоби. Оборудование с «Поллукса» сняли, а большая часть его команды была расформирована. Замечательные системы управления движением в космосе давно хранились на складах, нулеморы больше не заказывались. До возобновления работ оставалось еще не меньше года. Буллард вздохнул. Таков мир, за который он отчаянно боролся. Да уж!

На пространстве между огненным ликом Солнца и дальней орбитой Плутона царил мир. Все было спокойно. Многие считали, что мир пришел навеки; род человеческий был по горло сыт войной. То, что было, не вернется. Да, мир. Считалось, что это замечательно, но Буллард придерживался иного мнения. Не то чтобы он любил войну. Вовсе нет. Но он знал иных марсиан, каллистианцев, венерианцев, а также не забыл о происках некоторых землян, живших за пределами родной планеты. Этих авантюристов было слишком много, и Буллард не считал, что благородный дух Юнонской конвенции и ее возвышенные фразы свяжут им руки. Да, они отказались от использования силы в межпланетных отношениях. Но история завалена

ключьями подобных договоров, хотя люди и склонны об этом забывать. Во всяком случае, мир был добыт вооруженными силами. Затем военные толпами уходили в запас, линкоры и крейсеры радостно резали на металлом, новые сооружения разрушались. Никто не хотел смотреть в будущее, все это делали бездумно, по инерции, подчиняясь привычному ходу вещей. Буллард снова вздохнул и прикусил нижнюю губу.

Он отвернулся было от окна, не желая видеть эту безотрадную картину и предаваться мрачным мыслям, как вдруг заметил вспышку золотистого света. Блеск исходил от небольшого скайцикла, который только что влетел под купол через юго-западный портал и, скользнув вниз, замер в центре парадной площади. По темно-зеленому цвету скайцикла Буллард понял, что он принадлежит государственному департаменту. Золотая эмблема на корпусе этого транспортного средства говорила, что оно было персональной машиной высокопоставленного должностного лица. Буллард нахмурился. Жизненный опыт подсказывал ему, что внеплановый визит важной персоны из дипломатического ведомства обязательно доставит ему неприятности. Такое отношение к представителям высоких сфер было понятным — они важничали перед людьми, одетыми в форму, нарушили своим глупым вмешательством хорошо отлаженный порядок и всегда требовали от людей дела усилить всё, что можно, и везде, где можно.

«Какого черта понадобилось этой птице? — чуть не прорычал вслух Буллард, глядя на выходившего из машины человека. — Если это быстроходный военный корабль для грязной работы, он его не получит. Не осталось ни одного».

Затем Буллард сделал лицо игрока в покер, пересек комнату и сел в ожидании гостя.

— Меня зовут Лайонел Валлаби, — произнес гость. Каждая пора его лица сочилась спесью и никчемностью. — Я заместитель директора Управления по делам астероидов. Я сам прибыл сюда, вместо того, чтобы послать к вам кого-нибудь, и думаю, это случай беспрецедентный.

— Весьма польщен, — сухо ответил Буллард, слегка кивнув Валлаби и не меняя выражение лица. Теперь он знал, что его ждет. Валлаби пользовался плохой репутацией, и Буллард понимал, что беседа с ним будет непростой. Товарищи Булларда, которые уже имели дело с этим субъектом, говорили, что работать с ним почти невозможно. Не то, чтобы он был злодеем, нет. Он был просто самодовольным, ограниченным, бесполезным. Он представлял собой яркий пример того, как карьера, сделанная благодаря родственным связям, приносит людям огромное зло.

— Речь идет о крайне срочном деле, которое потребует вашего прямого вмешательства.

— Что же такого может случиться в наше спокойное время? — горько произнес Буллард, — И что сейчас может потребоваться от меня? Параграф VIII Юонской конвенции — кстати, если мне не изменяет память, вы были одним из ее авторов, — навсегда запрещает использование силы или угрозы применения силы во всех случаях, даже несмотря на провокации. Не так ли?

— М-м...да, — согласился мистер Валлаби, поерзав в кресле. — Но мы имеем дело с ситуацией, которая требует сде-

лять исключение. Речь идет о троянцах. Обстановка крайне тревожна. Положение попросту оскорбительно для нас. Они уклоняются от ответов, юлят и валяют дурака. Мы оказались в безвыходном положении. Они в самом деле невыносимые люди.

— О, да! — сказал Буллард. Он мог бы подобрать и сотню других эпитетов, один другого грубее. Действительно, «невыносимые». В серых скалах этой далекой группы астероидов жили самые убогие представители человеческого рода. Их правителями были беглые юристы, изгнанные с большинства приличных планет. Их «элиту» составляли бывшие пираты и аферисты; их «трудящиеся» были сборищем самых разных преступников — от воров-карманников до наемных убийц. Само существование этой якобы независимой нации было упреком цивилизации.

— Они пользуются всеми преимуществами своего привилегированного международного статуса, — объяснил мистер Валлаби.

— Пользуются, — сухо сказал Буллард. — Почему бы и нет?

Это была издевка над гостем. На мирной конференции заместитель директора Управления Валлаби выпросил для троянцев сохранение их автономии. Он утверждал, что это будет самым простым способом уравновесить давнее соперничество между марсианами и колонистами со спутников Сатурна. В результате на троянских астероидах появились новые представители человеческого рода. Но когда это случилось, «автономия» в истолковании троянских боссов оказалась возможностью просто показывать кукиш всему

цивилизованному миру. Свой иммунитет они объясняли их особым местом в Солнечной системе. Две их группы летали вокруг Юпитера на расстоянии в полтора миллиарда миль от планеты. Поэтому они считались находящимися в ведении Юпитера. Но в те годы ближе то к одной, то к другой из этих групп находился Сатурн, и часто ближе к обеим находился Марс. С первых же дней захвата астероидов новыми поселенцами Марс и Сатурн постоянно из-за них ссорились. Нечеткие положения Юнонской конвенции не позволяли решить этот вопрос. При этом автономия Троянской группы сохранялась — да еще под протекторатом двух спорщиков. Из чего троянцы и стали извлекать выгоды.

Буллард хорошо знал эти скалистые планетоиды, он часто бывал на них в те дни, когда охотников на людей не связывали нынешние правила. Он знал того, кто управлял ими. Это был отчаянный человек, хулиган, который называл себя боссом малой планеты Нестор. В ту пору Буллард не раз требовал, чтобы этого «босса» включили в список особо опасных преступников. Но те старые добрые времена прошли. В наши дни троянцы полной мерой использовали положения бессмысленной конвенции. Никто без их согласия не мог зайти в их порты, либо принудительно забрать преступника, нашедшего у них убежище, а уж тем более их собственного шефа. Если с жесткими заявлениями выступал Марс, троянцы жаловались Сатурну, власти которого, в свою очередь, тут же обвиняли марсиан в неправомерных действиях. Если, с другой стороны, им предъявляла претензии Земля или любая другая посторонняя планета, троянцы жаловались Марсу и Сатурну одновременно. Словом,

трянцы мастерски использовали выгоды своего положения. Их позиция напоминала поведение малых балканских стран в раннем периоде истории — сами по себе они большого веса не имели, но могли устроить большой скандал. Нарушение их статус-кво легко могло спровоцировать очередную мировую войну. Словом, троянская группа планет и астероидов представляла собой динамит.

— Чем же вам теперь досадили троянцы? — спросил Буллард, чувствуя, что Валлаби растерялся. — Что вы хотите от меня?

— Я... То есть мы... Я хотел сказать Управление... — пробормотал Валлаби. — Мы хотим поручить вам одну деликатную дипломатическую миссию. Речь идет об известном преступнике, которого зовут Грори Гроут. Мы добились решения о его экстрадиции, и теперь надо доставить его под надежной охраной.

— Здесь у меня нет готового корабля, — сказал Буллард. — Но скайлайнеры ежемесячно совершают регулярные рейсы. Кроме того, у вас есть крупный штат маршалов, которые именно такими делами и должны заниматься. Задержание гражданского лица не входит в мою компетенцию.

Буллард оценил неловкость, с которой Валлаби использовал слово «экстрадиция» и понял, что одна такая попытка уже провалилась. В способности совершать ошибки Валлаби не знал себе равных.

— Троянцы не выразили должного почтения нашим маршалам, — пробормотал Валлаби. Он не привык к тому,

что ему возражают, так же, как не привык признавать свои ошибки. — Мы посылали к ним уже нескольких, но всех отправили обратно под тем или иным благовидным предлогом. В первом запросе говорилось, что Грори обвиняется в государственной измене, саботаже, разжигании мятежа и нелегальном ввозе оружия. Троянцы приняли этот запрос, но когда туда прибыл наш офицер, они заявили, что пересмотрели свое решение. Похоже, в разделе о всеобщей амнистии Юонской конвенции список преступлений не был достаточно проработан.

— Конечно, не был, — резко сказал Буллард. — Он имеет политическую окраску. Вам следовало бы знать об этом лучше других. Разве этот пункт раздела о всеобщей амнистии не получил известность под названием «оговорка Валлаби»?

Валлаби покраснел, но тут же скорчил надменную гримасу.

— Эта оговорка не предполагала автоматической амнистии для негодяев типа Грори, — сухо сказал он. — Кроме того, я прибыл сюда не для обсуждения конвенции.

Буллард пожал плечами. Валлаби продолжил:

— С тех пор мы направили троянцам и другие запросы. Пять, если быть точным. Мы представили доказательства пиратства, убийств и хищений. Мы требовали его выдачи за контрабанду наркотиков, за принуждение женщин к проституции, за изготовление фальшивых денег и множество других преступлений. Каждый раз троянцы говорили, что мы можем забрать его. И каждый раз, когда за Грори прилетал марshall, троянцы отправляли его обратно с пус-

тыми руками, только под новым предлогом. Короче говоря, они всячески уклоняются от выдачи Грори и избегают сотрудничества в этом вопросе. Они нам не подчиняются, адмирал! Они пренебрегают нами!

Валлаби уже не говорил, а кричал.

— А может, они просто не хотят выдавать мистера Грори Гроута, — сказал Буллард.

Валлаби вздрогнул и посмотрел на Булларда так, как будто это предположение было для него новостью. Но тут же он собрался и продолжил:

— Мы действовали правильно, были внимательны и всегда вежливы. А они отвечали нам юридической софистикой. Мы слишком долго тратили время попусту. Но теперь мое терпение заканчивается. Пришло время действий. Пора применить железную руку, которая скрывалась под бархатной перчаткой...

— Что это за железная рука? — жестко спросил Буллард.

Валлаби моргнул, слегкотнул и ответил:

— В переносном смысле, конечно. Мы должны действовать более решительно, быть по-настоящему суровыми. Хватит отправлять им запросы. Пора предъявлять требования. Вы немедленно отправите на Нестор военный корабль и доставите нам этого Грори.

— Абсурдное требование, — сказал Буллард. — Те корабли, которые мы можем отправить в космос, полностью разоружены. И даже если бы оружие на них имелось, ваш нелепый договор по-прежнему запрещает его использовать. Хотел бы спросить, что же такого может сделать безоружный корабль, чего не может сделать письмо?

— Вы ведете себя дерзко, исполняющий обязанности командующего флотом Буллард! — произнес Валлаби тоном, который казался ему саркастическим. Он встал. Лицо его покраснело. — Я уже потратил на вас достаточно слов. Вот вам приказ. Исполняйте.

Он вынул из внутреннего кармана длинный конверт с логотипом Управления и бросил его на стол перед Буллардом. Затем Валлаби презрительно фыркнул и вышел из офиса, хлопнув дверью.

— Есть испол... — протянул Буллард вслед визитеру.

Он долго сидел, смотрел на этот дурацкий «приказ» и удивлялся невероятной глупости Валлаби. Но затем Буллард вдруг подумал: а в самом ли деле этот человек настолько глуп? Может быть, он просто решил переложить заведомо провальную миссию на Булларда? Найти козла отпущения, чтобы свалить на него свои промахи? Буллард открыл конверт.

Приказ был написан вполне официальным языком, а подписал его никто иной, как сам глава ведомства. Приказ был прост. Он предписывал следующее: группа военных без оружия под командованием компетентного офицера направляется в порт астероида Нестор, входящего в Троянскую группу астероидов Юпитера. По прибытии корабля его капитан должен официально предложить главе Нестора выдать лицо по имени Грори Гроут и доставить последнего в соответствующие органы на Земле. Запрос должен основываться на нормах межпланетного права и не должен сопровождаться угрожающими слова-

ми или жестами. В случае отказа для задержания Грори не должна применяться сила. В этом случае капитан должен вежливо отказаться от своего намерения и вернуться на Луну.

— Вот черт! — прорычал Буллард. Он вскочил, оттолкнул кресло и снова начал возбужденно ходить по офису. Следующие минут пять он так и ходил, на каждом шагу проклиная Валлаби. Безвыходность положения теперь стала для Булларда совершенно ясной. Сам по себе Валлаби — ничтожество, вошь. Он просто ловко выкрутился из неприятной ситуации. Как бы глупо или бездарно теперь ни повело себя Управление по делам астероидов, оно больше ничем не рисковало. Вся ответственность была переложена на Булларда. Теперь их проблема стала его проблемой. Хуже того, она стала проблемой всей службы.

Если это дело когда-нибудь предадут гласности, вся история будет выглядеть следующим образом: справедливость вершилась руками человека из Управления; оно передало этому человеку необходимые запросы и документы; Космической Службе была поручена реализация проекта. Поймают названного преступника или не поймают — это уже не имело значения. Два гражданских ведомства сделали свое дело, а если в результате ничего не получилось, винить в этом следовало кого-то другого.

«Если дело получится, то у них, а если провалится, виноват буду я, — прорычал Буллард. — Если мы привезем Грори, это будет в порядке вещей. А если не привезем, то окажемся сбродом бездельников. Но односторонней вины или заслуги тут быть не может. Всучив мне свой «приказ»,

этот расфуфыренной индюк Валлаби решил выставить нас на посмешище: «*Я иду братъ Грори*».

Буллард снова сел в кресло. Надо было взять себя в руки, обдумать возможные решения. И чем больше он размышлял над новой проблемой, тем менее разрешимой она ему казалась. Акулы-юристы из управления Валлаби сделали все, что могли, и у них ничего не вышло. Его дипломаты издавали ноты, спорили, ходатайствовали — у них тоже ничего не получалось. Его маршалов троянцы встречали издевками и отправляли обратно с пустыми руками. В конце концов, Валлаби это надоело. Глаза Булларда сузились. На Луне сейчас было примерно сорок офицеров, которым можно было поручить привезти живого или мертвого Грори, а если уж на то пошло, то и самого диктатора Нестора. Но Буллард не мог их вызвать, не имел на это права. Его по рукам связывали положения Юнонской конвенции, будь она неладна. Ребята из Стражи теперь не смели сказать закоренелому преступнику «Руки вверх!» Нет, теперь следовало подойти к нему и вежливо попросить пройти в тюрьму. Буллард схватил кресло и швырнулся в дальнний угол комнаты, а затем продолжил измерять ее тигриным шагом.

Что бы он ни придумывал, ситуация казалась безвыходной. Если он не привезет Грори, он обеспечит Валлаби оправданием. Если он привезет его, а при этом проявит хотя бы намек на использование силы, хрупкий межпланетный мир окажется под угрозой. Марсиане и сатурнианцы заявят протест против нарушения конвенции и Булларда обвинят по крайней мере в чрезмерном усердии. К возоб-

новлению войны это, может, и не приведет, но все равно, любая попытка доставить Грори на Землю будет такой же рискованной, как курение в пороховом погребе.

Устав от лихорадочной ходьбы, Буллард снова сел. Пора было отказаться от решения проблемы при заданных условиях и решить ее своим собственным способом. Раньше ему уже приходилось получать глупые и даже невыполнимые приказы, а при этом исполнять их. Правда, стоит признать, что не всегда выполнение этих приказов полностью устраивало тех, кто их отдавал. И сейчас Булларду снова приходилось ломать голову над подобным приказом.

Буллард взял список кораблей, находившихся на базе, и реестр персонала. С кораблями все было просто. Буллард выбрал бывший крейсер «Лердикс» — трофейный корабль военного времени. Пушки с него сняли, орудийные порты заварили, а торпедные аппараты корабля пришли в негодность и не подлежали ремонту. Но «Лердикс» остался удобным и быстроходным кораблем, и Булларду этого было достаточно. Он тут же отправил курьеров в различные инстанции. Корабль следовало переименовать в «Техасского рейнджера», заправить и подготовить к старту на следующий день. Экипаж корабля должны были составить скаймены с «Поллукса» — в назначенное время их ждали в стоявшей на отшибе казарме возле дока Гоби.

Лучшие офицеры Булларда находились в длительных отпусках, но в конце концов он нашел в списке подходящего человека. Вечером на Луну должен был вернуться лейтенант Бентон, служивший под началом Булларда еще в те времена, когда он был простым мотористом. Бентон был

надежным человеком, и на него можно было положиться. На этом подготовку экспедиции можно было считать почти законченной — оставалось только написать инструкцию. Но это было самым трудным делом.

Буллард сел за ордерграф и его пальцы забегали по клавиатуре. Сначала Буллард своими словами изложил то, что Валлаби сообщил ему устно и в своем приказе. Затем дело пошло гораздо труднее. Буллард то и дело останавливался, ругался, хмурился, исписывал страницу за страницей, чтобы затем скомкать ее и отправить в мусорную корзину. Одну сигарету он прикуривал от другой и сердито давил старую в пепельнице. Одно дело — писать приказы, которые можно исполнить, а другое — приказы для предприятия, которое почти не имело шансов стать успешным. Совсем как если бы он приказал своим подчиненным захватить безжалостного убийцу, имея при себе только незаряженные пистолеты.

В офисе уже почти стемнело, когда Буллард наконец смог оторваться от своей писанины. И все же он ее закончил. Его указания вряд ли пригодятся Бентону, потому что выполнить их нельзя, и они покроют позором его, Булларда, если когда-нибудь о них станет известно третьим лицам. Но чувства двух людей и их репутации в этой сложной схеме учитывать уже не приходилось. Буллард с мрачным лицом вложил бумагу в конверт, со вздохом его запечатал и написал на нем следующее:

«Вскрыть и выполнить приказ, изложенный в содержимом конверта, только в том случае, если босс Нестора от-

кажется выдать Грори Гроута. В противном случае данный конверт должен быть возвращен невскрытым.

Буллард».

Спустя час Бентон, оживленный, веселый и румяный после отпуска, доложил о своем прибытии на службу. Но когда он увидел лицо своего капитана, его улыбка тут же растаяла. Буллард был немногословен. Ответив на приветствие, он тут же вручил Бентону первое предписание.

— Ну и дела! — обрадовался Бентон. — Я получаю команду. Да еще и отправляюсь с ней в круиз. Отлично!

— Очевидно, вы не понимаете, что вам придется сделять, — серьезно произнес Буллард.

— Почему же? Мне все ясно. Завтра я отправляюсь на Нестор, а там скажу, что хочу взять этого Грори. Мне надо будет просто швырнуть его в наш карцер и вернуться обратно. Что же тут непонятного?

— Они не собираются отдавать Грори.

— Они? — переспросил Бентон. Он было удивился, но тут же ухмылка вернулась на его лицо.

«Удовольствие растягивает» — подумал Бентон.

— Ребята из так называемой «республики»? — продолжил он вслух. — Да я просто пальну по ним из главного калибра, как бы они там себя ни называли.

— А вот это самый сложный момент, — сказал Буллард. — Стрелять из пушек вы не сможете. У вас не будет никакого оружия, кроме пистолетов. И они об этом знают.

— Ну, хорошо. Они мне откажут — и что же тогда? Вернусь домой, как побитая собака?

Буллард достал из выдвижного ящика конверт с секретной частью приказа, положил конверт на стол и задумчиво его погладил.

— Ответ вы найдете здесь, — сказал он. — Тут все, что вам нужно знать.

Буллард резко встал и подошел к окну. Какое-то время он стоял, сцепив руки за спиной и взглядываясь в ночной пейзаж. Бентон заметил, что руки капитана дрожали. Поразительно! Редко Бентон видел, как эмоции овладевают знаменитым капитаном «Поллукса». Наконец Буллард заговорил, по-прежнему глядя в окно. Его голос был низким и торжественным:

— Бентон, прежде чем вы отправитесь на Нестор, я хочу вам кое-что напомнить. Прежде всего, я посылаю туда вас, потому что самому мне запрещено это делать. Самые тяжелые дни в жизни командира наступают тогда, когда он отправляет подчиненных на грязную работу, а сам вынужден от нее уклониться. А ваша работа, Бентон, будет именно такой. Если дела примут плохой оборот, вы должны будете вскрыть этот конверт и выполнить жесткое предписание, которое в нем содержится. Вы будете выходить из себя, захотите взбунтоваться, вы меня возненавидите...

— О, нет, капитан, — воскликнул Бентон. — Я умею выполнять приказы. Вы это знаете!

— Независимо от того, в чем он заключается? Независимо от вашего собственного мнения или от человека, который его отдал?

— Конечно, сэр. Что еще остается офицеру?

Буллард развернулся, и Бентону показалось, что в глазах капитана сверкнули огоньки. Впрочем, лицо его все еще оставалось мрачным.

— Были времена, Бентон, — мягко сказал Буллард, — когда офицерам было не обязательно исполнять приказы буквально. Думаю, вы и сами выполняли их именно таким образом.

Лицо Булларда снова стало суровым, а голос — командным:

— Но в данном случае не пытайтесь истолковать приказ превратно. Приказ есть приказ.

Буллард вручил Бентону запечатанный пакет и дружески пожал ему руку. Бентон казался настолько удрученным, что Буллард насторожился: уж не слишком ли внушительно он с ним разговаривал?

— Если ваша экспедиция будет удачной, — сказал он более твердо, — вы вернете мне этот конверт нераспечатанным. Вместе с Грори. Не могу сказать заранее, в чем заключаются мои инструкции, но уверяю вас, что они пригодятся для любого поворота событий. Могу только порекомендовать вам сохранять хладнокровие и вежливость, не поднимать шум и не вступать в споры. Ваши требования должны быть твердыми и уверенными. Если их отклонят, вам следует вернуться на корабль и ждать. Если по истечении следующих четырех часов ничего не произойдет, вы вскроете конверт и сделаете то, что там написано. Удачи!

По пути к Нестору Бентон часто доставал таинственный конверт и с тайной надеждой осматривал его. Но в самом конверте не заключалось никаких указаний на его содер-

жимое. Бентон возвращал конверт в сейф, но любопытство начинало терзать его сильнее прежнего. Уверенность Бентона в Булларде была безграничной; он знал, что какая бы сложная ситуация ни ожидала его впереди, приказ в конверте содержал в себе ее решение. Но какое? Буллард дал понять, что их экспедиция будет неприятной, возможно, опасной. А, будь, что будет!

Бентон прочесал корабль в поисках секретных устройств, которые, возможно, были там установлены и ждали своего часа. Но он ничего не нашел. Что бы Буллард ни придумывал, всегда это оказывалось неожиданным для других. Бентон все еще продолжал биться над этой головоломкой, когда на экране возникла троянская группа астероидов. Вскоре корабль, недавно переименованный в «Техасского рейнджера» опустился на поверхность Нестора.

Оказавшись за пределами космического шлюза, Бентон, к своему удивлению, увидел, что его корабль уже имел соседей. Слева от него находилась марсианская канонерская лодка, ощетинившаяся длинноствольными пушками Зордича. Справа — военный шлюп с Сатурна с расчехленными стволами орудий. Чуть впереди стояла вооруженная яхта, отмеченная тройным крестом — эмблемой троянцев. Было заметно, что, в отличие от наивных землян, обитатели внешних планет не приняли конвенцию о разоружении всерьез. Да, это сбивало с толку.

Бентон подумал о приказе, спрятанном в сейфе. Несомненно, присутствие вооруженных кораблей было одним из тех непредвиденных обстоятельств, которые осторожный Буллард все же предвидел. Бентон пошел в сторону порта.

Его беседа с боссом Нестора была краткой и содержательной. Бентон заявил, что он прибыл за Грори Гроутом. Босс ответил отказом.

— Очень хорошо, — спокойно сказал Бентон. Слова Булларда все еще звучали в его ушах: «Сохранять хладнокровие и вежливость, не поднимать шум и не вступать в споры».

В зале для аудиенций кто-то захихикал, но Бентон не обратил на это внимания. Неторопливым твердым шагом он отправился к выходу. В дверях к Бентону прицепился начальник порта, который проводил его во дворец диктатора.

— Вы ведете себя спокойнее, чем ваши маршалы, — сказал он. — Те кричали и ругались. Но им это не помогло. Наш босс — человек жесткий.

— Да?

— Да. Вы уже отправляетесь обратно?

— О нет, — ответил Бентон. — Я еще не закончил.

Они прошли вместе еще сотню ярдов и в течение этого времени хмурый капитан продолжал переваривать услышанное. Наконец он попросил разъяснений:

— Вы ведь прилетели за Грори, а босс сказал, что вы его не получите? Так ведь? На Несторе блефы не проходят, учите.

— Мне это неинтересно.

— Тогда в чем дело? Что вы задумали?

— Об этом вы узнаете через четыре часа, если я не получу Грори.

— Да это угроза?

— Нет, объяснение.

Проводив Бентона до «Техасского рейнджера», начальник порта направился к марсианскому кораблю и что-то сообщил его капитану. Затем Бентон увидел, что он идет к шлюпу с Сатурна. Бентон вызвал своего вестового.

— Принесите тот пестрый шезлонг, что мы нашли в каюте, — приказал он ему.

Спустя десять минут Бентон растянулся в роскошном шелковом шезлонге. Над ним раскинулся полосатый тент, защищавший от тусклого несторианского солнца. Возле шезлонга разместился низенький столик, на котором стояла бутылка с прохладительным напитком. Бентон расслабился. Это был его способ показать уверенность в своих силах.

Вскоре к нему подошел марсианский капитан. Он прочитал надпись на борту корабля, завистливо посмотрел на шезлонг со столиком и заговорил:

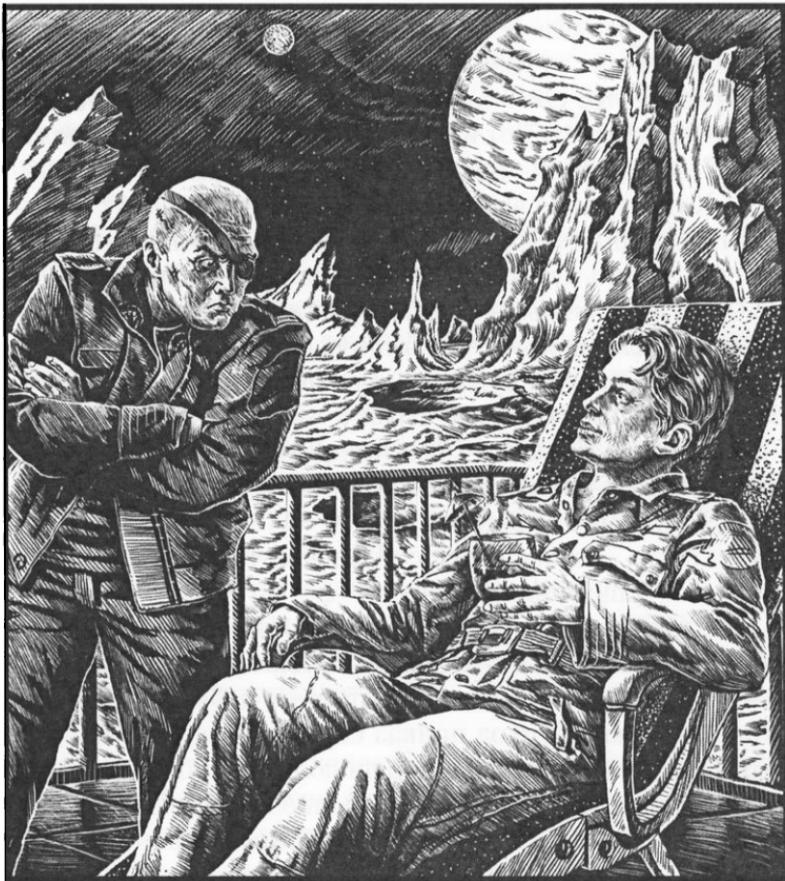
— Надолго вы тут?

— Не знаю, — сказал Бентон. — Все зависит от босса. Когда мне отдадут Грори, я уберусь.

Марсианский капитан задал еще несколько вопросов, но ответы Бентона были туманны и уклончивы. Беседа угасла. Бентон взглянул на часы. Прошел час. Бентон отпил из стакана, прикрыл глаза и сделал вид, что он дремлет.

Марсианин ушел. Полчаса спустя прибыл новый посетитель. Это был заместитель диктатора — покрытый шрамами одноглазый грабитель по имени Фрэггин.

— Что это за ультиматум? — с вызовом спросил он. — Капитан Зитер сказал, что через четыре часа вы собираетесь либо получить Грори, либо что-то еще.

— Что это за ультиматум? — с вызовом спросил Фрэггин.

— Он процитировал меня неточно. Что-то он от себя добавил.

— А что значит «что-то еще»? — Фрэггин, похоже, приготовился нанести удар.

— Когда этот срок истечет, я должен буду завершить исполнение приказа. Вот и все. А что именно — это мое дело.

— И кто же отдал такой приказ? — прохрипел Фрэггин.

— Хоть это и не ваше дело, но так и быть, скажу. Адмирал Буллард. Командант лунной базы и капитан «Поллукса». Вы должны его знать. Он провел рейд на Титанию.

— Да, я его знаю, — сказал Фрэггин, задумчиво потерев один из своих шрамов. Не было среди троянцев человека, который не знал бы Булларда. Большинство из них именно он в свое время и брал под стражу.

После долгой паузы Фрэггин прервал тягостное для него молчание и произнес:

— Ладно, мне надо идти!

— Идите, — спокойно сказал Бентон, потянувшись за напитком. — Еще увидимся.

Сделав глоток, Бентон снова откинулся на шезлонг и прикрыл глаза. Достаточно ли хорошо он скрывает беспокойство? Сейчас он дал бы отрезать себе пару пальцев, лишь бы узнать, что за приказ скрыт в запечатанном конверте. Бентон чувствовал, что он должен готовиться к развитию событий, а не лежать на шелковом шезлонге. И в то же время он понимал, что сейчас за ним следят с трех кораблей, и что роль, которую он выбрал, придется играть до самого мучительного конца.

До истечения срока в четыре часа оставалось десять минут, когда к «Техасскому рейнджеру» подошел отряд

военных. Их привел Фрэггин. Бентон мельком посмотрел на отряд и с души его свалилась огромная глыба: в середине строя шел Грори Гроут. Извергавший проклятия Грори продолжал вырываться, но обе его руки были прикованы наручниками к рукам солдат слева и справа от него.

Бентон сказал вестовому:

— Позовите старшину корабельной полиции. Наш пленный идет.

Обмен формальностями и документами занял всего несколько минут. Затем двигатели «Техасского рейнджера» извергли пламя, и вскоре корабль уже мчался в сторону Луны. Путь домой был неблизким, и Бентон решил освежить за это время свои знания в области астронавигации. В наблюдении за звездами время прошло быстро. Прежде, чем Бентон усвоил последние достижения в этой области, корабль уже садился на Луну.

Тюремный фургон уже ждал их. Бентон сдал Грори изумленному маршалу и получил от него квитанцию на пленника. Бентон отказался отвечать на вопросы тюремщика, но, избавившись от Грори, он тут же пошел в офис Булларда.

— Отлично! — произнес Буллард, встретив Бентона в дверях. — Я знал, что вы справитесь. Трудности были?

— Ни одной! — гордо сказал Бентон. Затем он кратко доложил о ходе экспедиции и достал по-прежнему запечатанный конверт.

— Замечательно, — сказал Буллард. Он взял конверт и бросил его в ящик стола. — Можете вернуться к исполнению своих обычных обязанностей, Бентон. Спасибо.

— Есть, сэр. Конечно. Но все же меня разбирает любопытство. Вы можете не знать об этом, сэр, но я переживал. Мне страшно хочется узнать, что за приказ был в конверте.

Буллард насмешливо взглянул на него. Сказать? После того, как Бентон с честью прошел через испытание, Буллард чувствовал, что он остался перед ним в долгу. Он бы предпочел, чтобы Бентон так и остался в неведении, но тот его попросил. И эту просьбу нельзя было не выполнить.

— Все в порядке, Бентон. Вот, пожалуйста. Возможно, вам пришлось бы совершить бесчестный поступок.

— Бесчестный? — удивился Бентон. Он взял конверт и начал срывать с него печати. Буллард пристально следил за тем, как Бентон вытряхнул содержимое конверта и начал его ворошить. Бентон считал, что в конверте окажется несколько страниц с инструкциями. Однако на столе лежали только листы чистой бумаги. И вот, наконец, он нашел среди них клочок, на котором было написано всего три слова.

— Боже всемогущий! — изумленно воскликнул Бентон. Смысл этих слов потряс его. Он еще раз недоверчиво взглянул на них, а затем рассмеялся. Записка упала на стол. Буллард подобрал ее и порвал в мелкие ключья. В ней было написано:

«ВЕРНУТЬСЯ НА БАЗУ»

ОПЕРА, В КОТОРОЙ НЕ ПОЮТ. Мальcolm Рут Джеймисон и его герой, Джон Буллард

*«Мальcolm Джеймисон — человек у которого было больше мужества, чем большинство из нас могли бы осознать»
Джон Кэмпбелл, писатель-фантаст*

Американский писатель, о котором я собираюсь рассказать, человек не только необыкновенного литературного дарования, но и весьма необычной судьбы. Звали его Мальcolm Рут Джеймисон. Родился будущий писатель-фантаст в 1891 году в городке Вако, штат Техас, расположенным на берегу реки Брэйзен. Кажется, в этом городке ничего особо выдающегося не случалось, за исключением того, что фирма инженера Реблинга, построившего знаменитый Бруклинский мост, по заказу «отцов» городка взялась за строительство подвес-

Мальcolm Джеймисон

ногого моста (145 метров в длину) через Брэйзен. Мост построили, и он до сих пор привлекает туристов. Да, еще следует отметить не-доброй памяти сбираща членов организации «Ку-Клукс-Клан», довольно, как бы выразиться поаккуратнее, «бурные» в ту пору. Так что, пытаясь найти какие-нибудь причины, обуславливающие становление будущего автора, не вижу ничего эдакого, кроме генов родителей и довольно печального случая, о котором вполне можно сказать — «не было бы счастья, да несчастье помогло». Но об этом ниже.

Касательно родителей, то они были весьма заметными фигурами. Отец, Джо Ли Джеймисон, этнический шотландец, успешно выстраивал политическую и юридическую карьеры (во всяком случае, президент США Уилсон считал его своей правой рукой), но все же успел не слишком много, ибо прожил всего ничего — 35 лет. Мать, Кларисса Амарилла Джеймисон-Уорд, старалась дать все возможное воспитание и образование своим троим детям (еще двое близнецов умерли в младенчестве). Увы, прожив всего 7 лет, умерла от менингита и сестра Малькольма, Вида, которая была всеобщей любимицей. Так что, остались двое мальчиков — Мальcolm Рут (будущий писатель) и Хаус Бейкер (будущий киноактер), каждый из которых не остался незамеченным в истории штата и страны.

Следует также упомянуть и тот любопытный факт, что дом Джеймисонов находился на территории психиатрического госпиталя в Сан-Антонио, в котором отец семейства работал бухгалтером, и откуда он попал в Капитолий столицы штата Техас, Остин.

Мальcolm Джеймисон изучал гражданское инженерное дело в Остинском университете, затем перебрался в Сан-Франциско и работал в качестве клерка в гостинице, попутно посещая лекции по архитектуре. В 1915 году 23-летний Мальcolm женился на девушке из прославленного шотландского рода МакГрегоров — Мэри МакГрегор. Между прочим, ее нынешние родственники в

Жена писателя, Мэри МакГрегор, с дочерью Видой и сыном Малькольмом-младшим

Шотландии, баронеты МакГрегоры, и сейчас руководят этим знаменитым кланом. Мэри была дочерью врача из того же госпиталя, где работал и отец Джеймисона.

Через год Мальcolm, все еще пытаясь найти свое призвание, записался в военно-морской флот США и стал работать в Вашингтоне, где успешно освоил новую профессию: военного инженера.

Ему довелось посетить Англию, Кубу, все скандинавские страны, Испанию, Китай, Гуам и Филиппины. Он работал на военных кораблях и подводных лодках.

А на сушу его ждала семья: Мэри родила ему сына и дочь. Дочку назвали Видой (ее имя на испанском языке обозначает «жизнь»), в честь умершей сестры Джеймисона. Вида Джеймисон (1916–1988) стала писательницей-фантастом и сыграла немалую роль в дальнейшей судьбе своего отца. Мальcolm МакГрегор Джеймисон-младший (1919–1997) избрал карьеру военного, принимал участие в сражениях второй мировой и до служился до звания полковника.

Возвращаясь к жизни Мальcolmа Рута Джеймисона-старшего, следует сказать, что в 1925 году ему пришлось уволиться из флота, так как у него обнаружили онкологию горла. Лечение прошло успешно, и последующие 19 лет его состояние оставалось стабильным. Он продолжал работать, а в 1929 году перебрался в Нью-Йорк, где проживал по адресу Восточная 48-я улица. (Я всегда стараюсь приводить адреса, когда это возможно, потому что, на мой взгляд, именно эти адреса и должны становиться местами посещения туристов). Наверное, его все же одолевали не

*Дочь писателя, Вида
Джеймисон, в военной форме*

Сирил Корнблат, Генри Каттнер и жена Каттнера, Кэтрин Мур. Именно с этими писателями фантастика тогда переживала свой золотой период.

Джеймисон был равным среди равных, и с ним всегда была его дочь, ставшая писательницей, хотя, может быть, и не столь одаренной как ее отец. А еще Вида превратилась в настоящую красавицу. В нее был влюблен Рон Хаббард, ею восхищался и Роберт Хайнлайн. Вида была настолько привлекательна, что многие указанные выше авторы оставили в своих дневниках записи о том, как красива, отважна и умна эта незаурядная молодая женщина. Отважна потому, что поступила в 1944 году в женский добровольческий корпус помощи военно-морскому флоту США и не боялась любых военных операций, которые проводил этот корпус.

слишком веселые мысли и ему хотелось отвлечься; так что он стал искать себя в искусстве: делал особым методом карты по античным образцам. Его первая выставка прошла в Нью-Йорке и удостоилась короткой заметки в журнале «Таймс».

А в конце 30-х годов наконец произошло то, к чему, видимо, Джеймисон стремился всю свою жизнь: он, наконец, нашел свое призвание и стал регулярным автором фантастических и фэнтезийных произведений для журнала «Astounding Stories». Это легендарный журнал, в котором работали будущие мэтры: Фредерик Пол, Роберт Хайнлайн, Спэрд де Камп, Рон Хаббард,

Между тем, ее отец продолжал писать. За годы своей, увы, короткой писательской деятельности, он написал более 75 рассказов и несколько романов, в основном, относящихся к жанру «космической оперы».

«Космической оперы»? Что это за жанр такой, и какое отношение он имеет к опере? Некогда этот термин был предложен писателем Уилсоном Текером, который в 1940 году справедливо предположил, что если имеется «мыльная опера» — драма для женщин-домохозяек, «конская опера» для любителей вестернов, то приключения в космосе на звездолетах свободно можно назвать «космической оперой». Этот термин, хотя и не совсем точно отражающий суть полетов в космическом пространстве и связанных с этими полетами опасностей, тем не менее, прижился в литературе. Хотя поначалу и носил несколько пренебрежительный, я бы даже сказал, снобистский оттенок. Зато сегодня — какой любитель фантастики откажется от того, чтобы с наслаждением почитать хорошо и изобретательно написанную «космическую оперу»? Но почему все-таки «опера»? Да потому, что в «мыльной опере» часто и быстро менялось действие, как в настоящей трагической опере, а персонажи нередко плакали. В «космической опере» действие

Обложка одного из журналов, в которых публиковали произведения Джеймисона

меняется так же быстро, но персонажи, как правило, стойки и мужественны, отчего я и нахожу, что термин не слишком удачен.

Джеймисон стал одним из первых авторов, работающих в новом жанре. А главный герой цикла рассказов «Джон Буллард из космического патруля» (изданного отдельной книгой лишь после смерти автора), инженер космического корабля «Поллукс» Джон Буллард, если так можно выразиться, стал «побратимом» Джона Гордона из «Звездных королей» Эдмонда Гамильтона; морского офицера Хорнблауэра из саги Сесила Форрестера; офицера космического корабля Майкла Форкосигана, персонажа современной писательницы Лоис Буджолд. Я назвал лишь некоторых из тех сотен героев, чье имя на слуху у нынешних читателей.

Джон Буллард — один из первых в этом жанре. Думаю, что его ум, чувство юмора, упорство, иной раз граничащее с упрямством, страсть к приключениям, свойственная, конечно, молодости, но часто не исчезающая и в зрелости, и бесконечная изобретательность автора никого не оставят равнодушным. Буллард — этнический англосакс и его фамилия выбрана не зря, а, очевидно, по аналогии с национальным прозвищем англичан «Джон Буль», которое свидетельствует об отваге, упрямстве и настойчивости в достижении поставленной перед собой цели.

Названия космических кораблей «Кастор» и «Поллукс» — отсылка к известному древнегреческому мифу, согласно которого спартанская королева Леда после связи с Зевсом в образе лебедя, родила яйцо, в одной части которого находилась девочка, ставшая Прекрасной Еленой, а в другой части — будущие силачи и бессстрашные герои-близнецы Кастор и Поллукс, прозванные Диоскурами.

Что еще следует добавить? Мальcolm Джеймисон умер в 1945 году в районе Нью-Йорка под названием Бронкс, так и не одолев свою болезнь. Ему было всего 54 года. И писал он всего семь лет. Но его дело не забыто. Материалы о его жизни и творчестве тщательно и бережно собирает его праправнучка Венди МакКлюр,

писательница и известная журналистка.

Его произведения переизданы замечательной писательницей Андрэ Нортон. Писатель Род Серлинг включил написанный в 1943 году рассказ Джеймисона «Слепая аллея» в эпизод телевизионного шоу «Сумеречная зона», антологии его рассказов и романов переиздаются, и поэтому я все же рискну сказать, что смерть — это далеко не всегда забвение. Писателю Малькольму Джеймисону — забвения нет.

*Венди МакКлюр, праправнучка
Малькольма Джеймисона*

Геннадий Ульман, Нью-Йорк, 2015 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ	3
Адмиральская инспекция	3
Белый бунт	63
Сквозь блокаду	97
Команда лентяев	125
Сатанинский порошок.....	153
Ловушка для свиней.....	176
Отражатели Булларда	182
Билл Бримстоун	204
Бюрократ	244
Приказы.....	299

Г.Ульман

ОПЕРА, В КОТОРОЙ НЕ ПОЮТ.

Мальcolm Рут Джеймисон и его герой, Джон Буллард.....	323
--	-----

Следующая книга серии:

**Хомер Эон Флинт,
Остин Холл**

СЛЕПОЕ ПЯТНО

Литературно-художественное издание

MORE Фантастики

18+

**Мальcolm Джеймисон
БУЛЛАРД, БАЙКИ
КОСМИЧЕСКОГО ПАТРУЛЯ**

Издатель — индивидуальный предприниматель
Мамонов Владимир Викторович

Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Печать цифровая.

Отпечатано
по технологии print-on-demand
в типографии
ИП Птухина В.А.
г. Ярославль, ул. Лисицына д.5

ИП Мамонов В.В.
E-mail: mamonbook@mail.ru

ISBN 978-5-00096-021-9

9 785000 960219

MORE ФАНТАСТИКИ

«Мальcolm Джеймисон — человек у которого было больше мужества, чем большинство из нас могли бы осознать».

Джон Кэмпбелл, писатель-фантаст

«Издатель В.В. Мамонов»